

15

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
К ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Бишкек
1997

63.4
3-15

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИРЕКЦИЯ «ОШ-3000»
ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДИРЕКЦИЯ «ОШ-3000»

✓

Ю.А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
К ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Заднепровский Ю.А.

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ N 461802

✓

СЕКТОР
КРАЕВЕДЕНИЯ

Мурас — 1997

ББК 63.4

3-15

Ответственные редакторы:

Таиббаева К. — кандидат исторических наук

Нурунбетов Б. — кандидат исторических наук

Заднепровский Ю. А.

3-15 Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. —
Б.: «Мурас», 1997. — 172 с.

Книга посвящена публикации результатов изучения Ошского поселения — археологическим стационарным раскопкам, проведенными за последние тридцать лет автором данной работы.

3 0504000000-97

ББК 63.4

ISBN 5-86694-015-9

© Научно-пропаганд. центр «Мурас», 1997

ВВЕДЕНИЕ

Широкие исследования раннеземледельческих культур, значительно расширившие и обогатившие наши знания о древнейшей истории края, являются одними из важнейших достижений среднеазиатской археологии советского периода. Раскопки на ряде неолитических памятников, и прежде всего, на эталонном Джейтунском поселении, позволили впервые выявить особенности хозяйства и культуры и место южнотуркменского очага земледелия, одного из самых древних в Центральной Азии. С большой полнотой охарактеризованы последующие этапы земледельческих культур на территории древней Парфии и Маргианы, вплоть до раннежелезного века. Позднее с исключительно большим размахом были проведены раскопки на памятниках древней Бактрии на территории Узбекистана (Сапалли-Тепе, Джаркутан и др.) и на территории Афганистана, существенно изменившие представления о роли этой историко-культурной области в истории Центральной Азии. Сенсацию составило открытие Саразма в долине Зеравшана, на землях древнего Согда.

Для понимания закономерностей истории развития раннеземледельческих племен Центральной Азии особый интерес представляют памят-

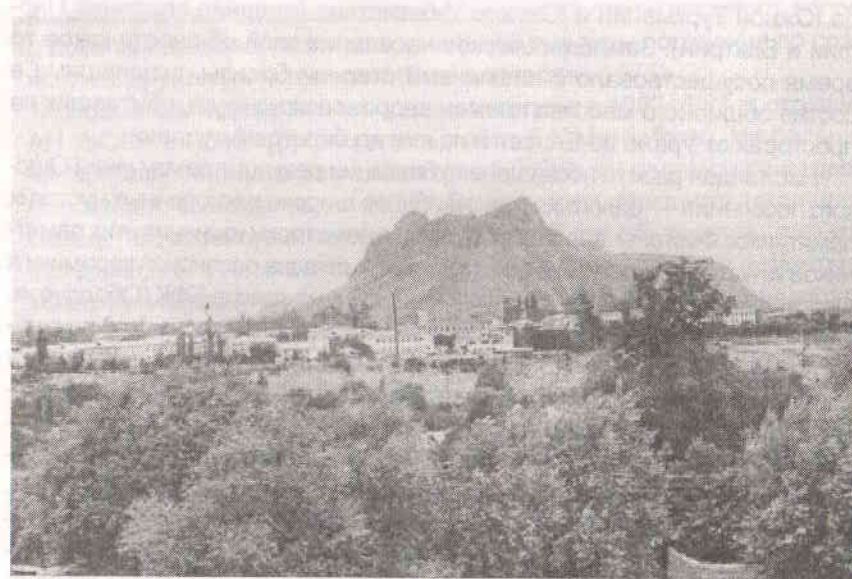

Рис. 1. Сулейман-Гора. Общий вид.

ники чустской культуры, исследованные на территории Ферганской долины. Этот земледельческий оазис выделяется прежде всего своим географическим местоположением. Он наиболее отдален от южного очага земледелия, располагаясь на крайнем северо-востоке Центральной Азии и на близком расстоянии на востоке от Восточного Туркестана.

Затем следует отметить, что раннеземледельческая культура Ферганы по всем основным признакам синхронна поздним этапам культур расписной керамики юга поры ЭВО, ЯзI, КучукI. В этом оазисе до сих пор неизвестны более ранние памятники земледельческого населения, и это затрудняет решение вопроса о путях происхождения чустской культуры. Все это предполагает иной путь генезиса, отличающийся от закономерности развития в южных областях. Только в последние десятилетия появились первые сигналы о существовании аналогичных ферганским поселений на промежуточной территории между Ферганой и Южной Туркменией.

Сравнительное изучение и картографирование памятников, объединяемых сходством поздней расписной керамики, позволило поставить вопрос о существовании культурной общности — чустской или язовской, охватывающей значительные территории от Ферганы и Ташкента до Южной Туркмении и Южного Узбекистана (древние владения Парфии и Бактрии). Земледельческое население этой общности какое-то время сосуществовало с племенами степной бронзы, входившими в состав обширного массива племен андроновского круга, обитавших на просторах от Урала до Енисея и на юге до берегов Амударьи.

Настоящая работа посвящена публикации результатов изучения Ошского поселения — одного из трех наиболее широко раскопанных чустских памятников Ферганы. Кратко остановимся на истории изучения этих памятников и чустской культуры в целом. Первая находка расписной керамики в Фергане обнаружена Т.Г.Оболдуевой в 1939 г. на трассе БФК (Оболдуева, 1951). Планомерное изучение памятников с расписной керамикой начинается в 1950 г. с открытия М.Э.Воронцом и В.И.Спришевским поселения к северу от г.Чуст - Чустского поселения, по которому была названа вся совокупность аналогичных памятников. Небольшие раскопки на поселении провел М.Э.Воронец в 1951 г. (Воронец, 1954). Стационарными работами В.И.Спришевского в 1953-1961 гг. вскрыта значительная площадь — 7.000 кв.м. и добыт богатый археологический материал. Все это позволило охарактеризовать само поселение, его укрепления, жилища и основные особенности хозяйства, гончарства, металлургии, ткачества, а также другие стороны культуры и быта древних земледельцев.

Чустское поселение занимает холм площадью 4 га и состоит из двух частей. Небольшая северо-западная часть окружена оборонительной стеной. Само поселение было неукрепленным. Культурный слой толщиной от 0,4 до 3,5 м. состоял из нескольких жилых горизонтов. На обширной вскрытой площади обнаружены остатки только пяти наземных жилищ. Зато необычно много оказалось хозяйственных ям — в одном центральном раскопе было расчищено 163 ямы. В культурном слое выявлены четыре погребения жителей поселка, а также несколько отдельно лежащих черепов. Результаты многолетних раскопок освещены в ряде статей и в кандидатской диссертации В.И.Спришевского «Чустское поселение» (Спришевский, 1963).

В ходе обобщения материалов по чустской культуре возникла необходимость проведения повторных раскопок на Чустском поселении для сравнительного изучения. В 1974 г. Ферганская экспедиция ЛОИА под моим руководством осмотрела разрушаемое поселение и заложила раскоп в восточной его части. Удалось внести уточнения в вопросы стратиграфии и достоверно выделить три строительных горизонта вместо семи жилых горизонтов, семи этапов в жизни поселения, о которых писал В.И.Спришевский. Впервые обнаружена бесспорная землянка чашевидной формы, размером 9,5 x 6,5 м. Изменились представления о составе комплекса керамики и, по сути дела, разработана новая классификация. Количественные подсчеты групп керамики позволили поставить вопрос о локальном своеобразии материальной культуры поселения по сравнению с другими памятниками (Заднепровский, 1975).

Новые исследования на поселении провел в 1982-1983 гг. отряд ИА АН УзССР и ЛОИА (руководитель работ Б.Х.Матбабаев). На больших материалах (площадь раскопов около 1.000 кв.м.) подтверждены предположения, высказанные в 1974 г. Во всех трех горизонтах расчищено свыше 160 хозяйственных ям. Ранее они были обнаружены только в материке, т.е. в нижнем слое. Получены новые данные по домостроительству и керамическому комплексу. В разных раскопах взяты четыре образца угля и получены первые радиоуглеродные даты по Чустскому поселению. Результаты работ 1974 и 1982 гг. были в свое время опубликованы (Заднепровский, Матбабаев, 1984б).

Все эти новые материалы составили основу для изучения вопроса о локальных вариантах в развитии чустской культуры Ферганы, разработанные в кандидатской диссертации Б.Х.Матбабаева «Локальные варианты чустской культуры Ферганы» (Матбабаев, 1985).

Чустское поселение сильно разрушено как раскопками и многочисленными шурфами (только В.И.Спришевский заложил 26 небольших

раскопов, траншей и шурфов), так и последующими земляными работами и строительством дороги. В настоящее время на поселении не найти нетронутого участка, практически исключена возможность продолжения археологических работ.

Результаты изучения и анализ добытых материалов Чустского поселения исследованы в диссертационных работах В.И.Спришевского и Б.Х.Матбабаева, к сожалению, еще не опубликованных. Итоги работ по отдельным годам с описанием наиболее интересных находок, опубликованы в ряде статей. Однако, сводная монографическая публикация по Чустскому поселению отсутствует.

Почти одновременно с Чустом было начато исследование второго и самого крупного в Фергане Дальверзинского поселения, расположенного в восточной части долины. Поселение открыто мною в 1952 г. и после разведывательных работ 1954 г. автор приступил в 1956 г. к систематическому изучению Дальверзина и других памятников чустской культуры. В первое пятилетие (1956-1960 гг.) работы велись в центре на площади 1.700 кв.м. Культурный слой четко делится на три строительных горизонта, что документируется расположением полов с хозяйственными ямами на разных уровнях. В верхнем горизонте открыто несколько таких ям, зато в среднем — 150, а в нижнем — 160 ям. Вся поверхность испещрена этими ямами. На поселении собрано более 100.000 фрагментов глиняной посуды, и на массовом материале с учетом количественных показателей разработана классификация керамики, состоящая из 7 типов. Получены первые для ферганских памятников радиоуглеродные даты Дальверзина. Итоги работ на Дальверзине за 5 лет опубликованы в книге автора «Древнеземледельческая культура Ферганы» (1962а). Она содержит описание всех открытых к тому времени 20 поселений, включая Чустское, а также — отдельных находок расписной керамики. Здесь же обобщены результаты десятилетних исследований чустской культуры в целом, исследованы особенности земледелия, скотоводства, домашнее производство, материальная культура и обряд погребения. Анализ всех имеющихся данных позволил обоснованно датировать Дальверзин и чустскую культуру Ферганы концом II — началом I тыс. до н.э. Определено место Ферганских памятников в первобытной истории Средней Азии.

После прекращения работ на Чусте изучение раннеземледельческой культуры продолжалось, главным образом, на Дальверзине. В 1961-1962 гг. работы были сосредоточены на прирезках к раскопам I и II и в юго-восточной части раскопа IV с целью изучения сохранности строительных остатков и перспективности исследований в этой части посе-

ления. В 1965-1966 гг. работы велись в северо-восточной части поселения, в раскопе V для выяснения возможности крупномасштабных раскопок на этом участке.

На последнем этапе изучения Дальверзина в 1968-1974 гг. основные исследования проводились на цитадели в северо-западной части (раскопы VI, VII, IX), на восточной части поселения, использованной в качестве загона для скота (раскоп X), и на северной оборонительной стене (раскоп XI). Всего за 16 лет работ вскрыто более 9.000 кв.м., и получен огромный материал.

В итоге шестнадцатилетних исследований Дальверзин стал эталонным памятником раннеземледельческой культуры Ферганы. Именно на материалах этого поселения были поставлены и частично решены ряд основных историко-культурных вопросов. На поселении площадью 25 га раскопки производились на всех трех частях древнего поселка, каждая из которых была окружена особой оборонительной стеной. Получены данные для определения назначения каждой части. Наиболее важным достижением следует признать открытие цитадели и изучение фортификации. Некоторые результаты работ 1961-1974 гг. отражены в ряде публикаций автора. Материалы Дальверзина составили основу для обобщения и исторической интерпретации изучения чустской культуры за 25 лет, осуществленной в докторской диссертации автора (1978б), которую до сих пор не удалось опубликовать. Монографическая публикация раскопок Дальверзина также отсутствует.

Ошское поселение открыто позднее всех других аналогичных памятников и совершенно неожиданно. Честь открытия принадлежит Елене Васильевне Дружининой, сотруднику Ошского областного музея, моей ученице. Она после окончания кафедры археологии Ленинградского университета поступила в 1967 г. на работу в областной музей. Занималась обследованием окрестностей Оша и на поверхности горы Сулайман-Тоо собрала большую коллекцию разновременной керамики, в том числе и обломки посуды, типичной для чустских поселений. Место происхождения этих находок оставалось долгие годы неизвестным. Дело в том, что на поверхности древнее поселение никак не обозначено, и нет никаких признаков, указывающих на его существование. И только весной 1976 г., во время строительства дороги в музейный комплекс, на склоне горы Е.В.Дружинина обнаружила выходы культурного слоя с чустской керамикой. Нет ничего удивительного в том, что ее сообщение об этом заинтересовало меня, находившегося летом того года на раскопках вблизи Оша, и мы сразу же осмотрели обнажения. Для изучения

обнаруженных культурных наслоений Ферганская экспедиция ЛОИА под руководством автора совместно с Е. В. Дружининой заложила разведывательные шурфы. Культурные отложения прослежены на значительном участке. Полученные результаты показали перспективность раскопок на этом поселении, названном Ошским, для изучения истории земледельческой культуры в Ошском оазисе и Ферганской долины в целом. Проведение этих работ стало возможным благодаря содействию и помощи руководства г. Ош и Ошской области. Предполагалось изучение также и других более поздних памятников. Главной целью систематических исследований в Ошском оазисе являлось получение материалов для определения этапов истории г. Ош и Ошского оазиса и определения времени возникновения города Ош.

Стационарные раскопки на Ошском поселении начаты в 1978 г. Ферганской экспедицией ЛОИА совместно с Ошским музеем. Большие работы были осуществлены на протяжении четырех сезонов (1979-1982 гг.). В 1984 г. — в последний год деятельности экспедиции в Ошском оазисе — объем земляных работ был сокращен, и основные усилия направлены на то, чтобы обнаружить остатки средневековой бани. Приношу глубокую благодарность руководству г. Ош и Ошскому музею за предоставленные возможности проведения раскопок. Считаю необходимым с признательностью отметить самоотверженный труд студентов Ошского пединститута. Самое активное участие от Музея принимала Е. В. Дружинина. Уроженка Северной России, она, впервые в 1964 г. оказавшись на наших раскопках в Узгенском оазисе, была покорена яркой живописностью и богатством природы Ферганы, обликом ее древней культуры и связала свою жизнь с этим краем, добившись направления на работу в Ошский музей. Е. В. Дружинина работала в ряде моих экспедиций на Дальверзине и других памятниках. Совместно мы исследовали открытые ею могильники Темир-Коруг и Уч-Ат в долине Науката. За двадцать лет работы в Ошском музее она навела образцовый порядок в экспозиции и в археологических фондах. Она пользовалась любой возможностью для осмотра памятников древности и для пропаганды исторических знаний. Ею открыты многие памятники и внесен существенный вклад в археологию Южной Киргизии. Совместные наши обследования продолжались буквально до последних дней ее жизни (она безвременно скончалась в 1986 г.). Она была надежным помощником в работах на Ошском поселении и руководила основными раскопками. Автор с благодарностью отмечает ее помощь во многих исследованиях, и эту работу посвящает светлой памяти Елены Васильевны Дружининой!

1. ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ: ОПИСАНИЕ РАСКОПОВ.

Поселение в Оше выделяется от древних памятников Ферганы и Средней Азии в целом прежде всего своим местоположением на горе. Оно располагается в верхней части южного склона Сулайман-Тоо (Тахти-Сулейман), в центре областного города Республики Кыргызстан — города Ош. Город находится на юго-восточной окраине Ферганской долины, у северной подошвы Кичиалайского хребта, на высоте 940-1070 м. над уровнем моря. Территория, которая сейчас занята городом представляет типичную предгорную равнину, прорезанную рекой Акбура. Севернее Оша конус выноса Акбуры соединяется с конусом выноса р. Талдык, и образуется подгорная равнина площадью около 500 кв. км. Этот Ош-Карасуйский оазис — один из крупнейших в Фергане. На левом берегу Акбуры на наклонной поверхности равнины на 160 м. возвышается Сулайман-Тоо. В плане она неправильной овальной формы и вытянута в широтном направлении (Рис. 17). Длина ее 1,5 км., ширина 120 м. В середине горы с запада на восток выделяются три вершины, четвертая располагается севернее второй вершины в месте наибольшего расширения. Склоны крутые, скалистые, а подножье покрыто рыхлыми от-

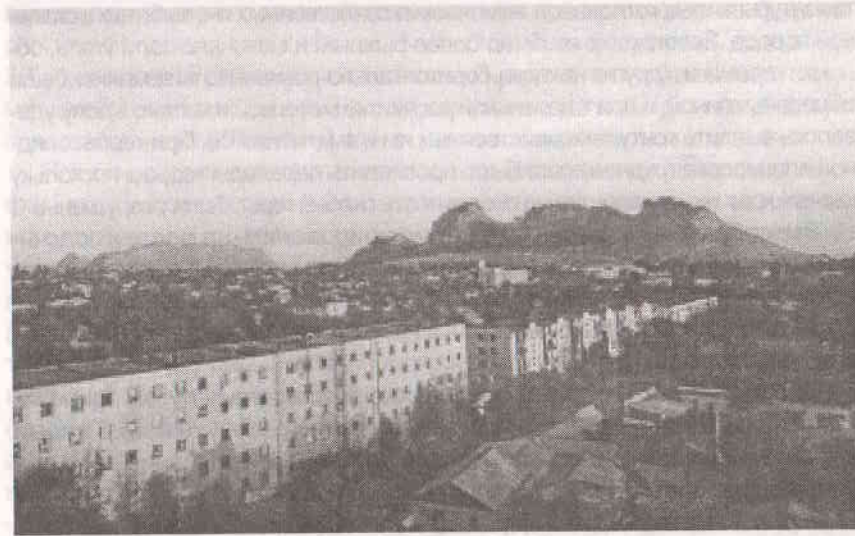

Рис. 2. Сулайман-Тоо. Общий вид.

ложениями селевых потоков. Гора сложена из кремнистых сланцев, кристаллического мраморовидного известняка и песчаников. Поверхность сильно выветрена и сглажена. Поэтому на ней не сохранилось никаких следов древнего поселения. Кварталы современного города окружают гору. Сулайман-Тоо (Тахти-Сулейман) — одна из известных среднеазиатских мусульманских святынь, место паломничества. Южные склоны священной горы заняты современным кладбищем.

Ошское поселение располагается на склоне, прилегающем ко второй, центральной вершине Сулайман-Тоо. Культурный слой поселения отличается от обычного для чустских памятников рыхлого лессовидного суглинка. Основную массу его составляла щебенка, которая в соединении с другими обломочными породами подверглась естественному цементированию и образовала крепкую сцементированную массу. Поэтому были выработаны новые соответствующие приемы разборки и расчистки культурного слоя.

В раскопе вскрытие проводилось по квадратам 4 x 4 м. Киркой пробивали крошечный слой щебня и послойно снимали его с последующей зачисткой до появления горизонтально-ровной поверхности на уровне древней террасы. Эта поверхность на скальном основании легко отделялась от насыпи щебня. В ходе дальнейшей зачистки киркой нащупывали по разности структуры грунта контуры жилых котлованов, землянок и хозяйственных ям, выбитых в скальной породе. Заполнение их было более рыхлым и включало золу, уголь, обломки керамики и другие находки. Горизонтально-ровные полы землянок были обмазаны глиной, и при тщательной расчистке метелкой и кистью в полу удавалось выявить контуры хозяйственных ям и ям от столбов. При террасовидной планировке труднее всего было проследить перепады террас, поскольку южные края их, выходящие на поверхность склона горы, были разрушены.

Все собранные материалы классифицировались на месте и подсчитывалось их количество по отдельным группам и типам. Часть находок была зарисована во время работ. Единичные предметы привозили в Ленинград для фотографирования и изучения. Все они затем были возвращены музею.

Площадь южного раскопа постепенно расширялась путем прирезки к первоначальному шурфу участков к западу и к северу от него. Каждый год вскрывали новые участки, поэтому дальнейшее описание раскопов дано по годам.

В 1976 г. заложены два шурфа на участках обнажения культурного слоя, на южном склоне горы, севернее дороги, ведущей в Музейный комплекс. Шурф 1, размером 5 x 3 м., длинной осью вытянут по линии С-Ю, с неболь-

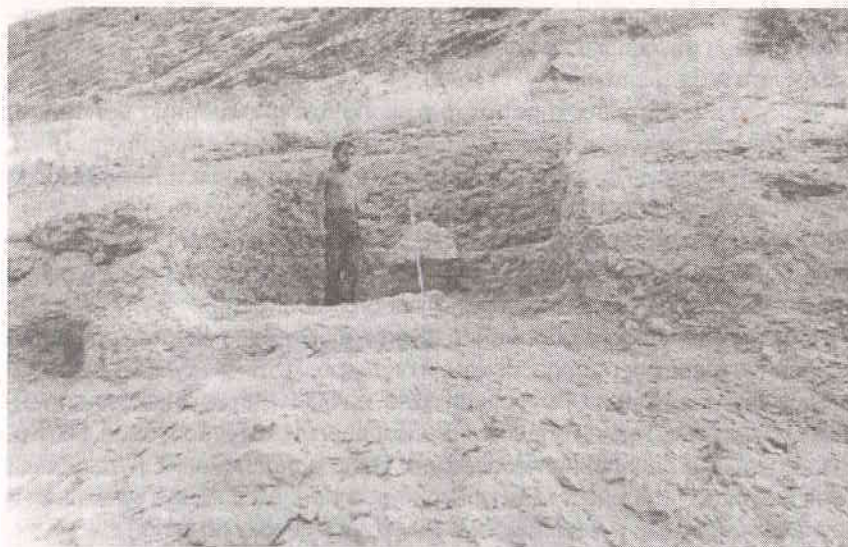

Рис.3. Первый шурф. Вид с юга.

шим отклонением к В. Он разбит перпендикулярно дороге и в южном конце выходит на уровень полотна дороги, которая в то время еще не была укреплена бетонным ограждением. В северной части углубились до отметки 2,1 м., на которой расчищен горизонтально-ровный глинобитный пол с двумя хозяйственными ямами. На юге, на уровне пола, вышли на дневную поверхность и углубились на 1 м. с целью поиска нижележащего слоя.

Ямы, вырытые в полу, располагаются вдоль восточной стенки шурфа. Яма 1 — диаметром 1,2 м., глубиной 0,5 м. У южного края в наклонном положении нависла над ямой глыба камня — кусок скалы, явно упавший сверху. В 20 см. от этой ямы в северо-восточном углу находилась вторая яма овальной формы, размером 1,3 x 1 м., глубиной 0,5 м. (Рис.18). Южная часть ямы заполнена камнем. В северо-восточной части лежал на боку целый кувшин с красной облицовкой, реповидной формы высотой 20 см, с широкой отогнутой горловиной, диаметром 15 см. (Рис.19а). Хозяйственные ямы с находками фрагментов керамики аналогичны ямам Чустского и Дальверзинского поселения — эталонным памятникам чустской культуры. В культурном слое найдена типичная чустская керамика трех групп, включая фрагменты, украшенные росписью черной краской по красному фону. Особо отметим обломок чаши диаметром 16 см. с полосой ромбов (Рис.19б). С внутренней стороны

горловина украшена насечками — полосками краски. Этот замечательный образец несколько не уступает лучшим орнаментированным сосудам Чуста и Дальверзина.

В шурфе и на поверхности горы около шурфа собрано более 100 расписных фрагментов с узорами, типичными для чустской керамики. Каменные изделия представлены мотыгой-колотушкой и несколькими отбойниками и обломками зернотерок.

По всему комплексу находок и по характеру культурного слоя с хозяйственными ямами можно заключить, что шурфом выявлены остатки уникального для чустской культуры горного поселения.

Стратиграфическое положение шурфа в середине склона горы дало основание говорить о террасовидной планировке. В южной части шурфа мы углубились ниже на 1 м. уровня пола, на 50 см. ниже дна хозяйственных ям и не обнаружили следов нижележащего культурного слоя. Из этого следует, что поселение несомненно было однослойным. Культурный слой достигал толщины 1 м. и перекрыт скоплением щебня с суглинком и крупными камнями и глыбами, свалившимися сверху по склону.

В последующие годы на участке, прилегающем к шурфу с восточной стороны на уровне упомянутого пола, расчищена третья хозяйственная яма. Она находилась в 70 см. от ямы 1. Диаметр ее 1,3 м., глубина 0,4 м. Ширина участка пола в шурфе составила 5,2 м. После открытия на поселении первой землянки этот участок пола большой площади с тремя ямами стали рассматривать как остатки второго котлована (землянки). К сожалению, в силу разрушения стенок шурфа контуры его проследить не удалось.

В 200 м. к В от шурфа 1, на склоне горы на краю котлована строительства здания Музея заложили еще один небольшой шурф (2 x 1,5 м). В шурфе вскрыта часть хозяйственной ямы, перекрытая кусками скальной породы размером 100 x 85 см. и более. На всем участке между шурфами, в обресе дороги, наблюдаются выходы культурного слоя и остатки разрушенных хозяйственных ям. Судя по всему, поселение было значительных размеров и занимало участок длиной не менее 200 м.

На склоне горы 3 от шурфа 1 в обресе дороги на протяжении 200 м. вскрыто около 30 древних захоронений в подбойных могилах, не имевших насыпей на поверхности. Эти могилы залегают ниже по склону, чем шурф 1. Часть их сильно разрушена экскаватором. Другие захоронения обнаружены по сырцовым кирпичам, ограждавшим погребальную нишу. Из кирпича сложено подобие ящика с перекрытием. Размеры кирпича 52-54 x 23-26 x 8-9 см. Могилы состоят из узкой входной

ямы и подбойной ниши, размером 1,1 x 0,3; высотой 0,55 или 1,7-1,8 x 0,8 м. Ниши ориентированы по линии С-Ю с отклонением к З. Дно входной ямы на отметке 1,7 м. от поверхности. В могилах оказались сильно разрушенные кости человека без погребального инвентаря. По устройству ошские подбойные могилы аналогичны широко распространенным в Фергане и в соседних областях курганным памятникам первых веков н.э. Однако, полное отсутствие находок не позволяет их датировать, хотя единичные обломки чустской керамики, возможно, случайного происхождения, встречены в засыпи могил. Дальнейшие работы на этом участке не производились, и основное внимание было обращено на участок возле первого шурфа.

Работы на Ошском поселении были продолжены спустя два года — в 1978 г. Предстояло прежде всего разобраться с террасовидной планировкой, поэтому раскоп-траншея длиной 9 м., шириной 4-6 м., был прирезан с северной стороны шурфа 1. За прошедшее время стенки шурфа разрушились, и нельзя было точно состыковать раскоп с шурфом. На участке раскола, вытянутого с севера на юг, крутизна склона горы составила 6 м., а с учетом шурфа — немногим более 8 м. В средней его части, под слоем щебня, на глубине 2 м. от поверхности, открыт участок жилой террасы. Утрамбованный, обмазанный глиной пол, с небольшими зольно-очажными пятнами легко выделяется при расчистке. В полу открыты три хозяйственные ямы (Рис.20). Интересные находки обнаружены в яме 5, диаметром горловины 1,2 м., глубиной 1,1 м. Она выбита в твердом щебне. Стенки ее выровнены, дно ровное. В засыпи на глубине 30 см. найдена массивная каменная ступка, овальная в плане, размером 24 см., толщиной 14 см. На ее верхней поверхности — круглое, конической формы углубление. В этой же яме обнаружен каменный пест с округлым концом, размеры которого соответствуют углублению ступки (Рис.55). В яме 5 находились обломки керамики, кости животных и угольки. Фрагментов керамики с красной облицовкой было 22, венчиков — 5, донцев — 2, расписных — 3 экземпляра, кухонных фрагментов — 6, венчиков — 2. Всего 40 экземпляров. Судя по количеству венчиков и расписных образцов, в яме было не менее 10 разбитых сосудов.

Поблизости от хозяйственной ямы в полу расчищена ямка для столба, диаметром 20 см. с прямыми отвесными стенками.

Ширина этой террасы с севера на юг равна 5 м. На юге ограничена широтной каменной кладкой длиной 2,2 м. Камни уложены в один ряд и уходят в борт раскопа. Среди этих камней оказались два обломка зернотерок. Основная масса керамики встречена в слое, прилегающем к

полу. Всего собрано 345 фрагментов, включая находки в яме 5. Начиная с 1978 г. проводился учет керамики по группам. В 25 см. от пола найдено бронзовое четырехгранное шило-пробойник, заостренное с обеих сторон, длиной 12,8 см. На этом же участке обнаружен обломок каменного серпа, типичного для чувстской культуры, а также альчик со следами обработки и пребывания в огне (Рис.45, 6а, 9-11).

Жилая поверхность (пол) этой террасы залегает выше на 1,6 м. уровня пола, выявленного в шурфе 1. Следовательно, пол в шурфе относится к первой, нижней террасе, а лежащая выше является второй террасой. Открытие второй террасы подкрепило предположение о террасовидной планировке.

В короткой и узкой траншее в северной части раскопа не удалось проследить край II террасы и переход к третьей.

Переброска тяжелого щебенистого грунта на крутом склоне была очень трудоемкой работой, и поэтому решено было не расширять раскоп в северном направлении. (Заднепровский. 1979а).

После разведывательных работ и приобретения некоторого опыта раскопок в слое из щебня в 1979 г. был разбит большой раскоп к западу от предыдущих (Рис.22, 24). Северный прямой край его длиной более 70 м. На западной стороне он ограничен двухметровой траншеей. С южной стороны граница его неровная, извилистая и следует рельефу местности вдоль дороги. Раскоп, широкий на западе, сужается в восточном направлении. Вся площадь разбита на квадраты 4 x 4 м., которые пронумерованы от 1 до 16 с запада на восток и буквами от А до Д с севера на юг. Наименование квадрата состоит из цифры и буквы, например, кв.10А. Нулевым репером служил железный стержень, вбитый в северо-восточном углу, к СВ от ямы 5.

В пределы раскопа вошла южная часть второй террасы, шириной 2,5-3 м. К западу ширина ее уменьшается, и на 25 м. от восточного края она выклинивается. Общее понижение склона горы в пределах раскопа с В на З составляет 4,5 м. Это понижение сказывалось на глубине залегания верха террасы — около ямы 40 на отметке 1,5 м. и на глубине 1 м. возле ямы 12. На поверхности террасы расчищено более десяти хозяйственных ям и несколько очажных пятен. Наибольшие размеры имела яма 15, диаметром 1,3 м., глубиной 1,2 м. В ней оказалось много угля, который был взят для радиоуглеродных определений даты. Наиболее западная яма 12 располагалась в 36 м. от восточного края.

В северо-восточной части раскопа на террасе между ямами 6 и 15 открыта первая землянка (Рис.22, 24). Котлован углублен в твердом сцемен-

тированном щебне террасы на глубину 1 м., что соответствует обычной глубине полуземлянок. Пол ее залегает на отметке 1,7 м. от поверхности. Размеры определены приблизительно, поскольку северная стенка ее в борту раскопа полностью не зачищена, а южная часть — на склоне горы — сильно разрушена. К тому же вся поверхность пола изрыта восемью хозяйственными ямами. Яма без номера к северу от ямы 8 уходит в борт раскопа, и северный край ее, очевидно, обозначает северный край землянки. Ширина землянки составляет 3,5 м., а длина около 5 м., включая яму 14 на юге (Рис.39а). В северо-западном углу котлована, севернее ямы 8 на полу стоял большой реповидной формы кухонный котел. Сосуд раздавлен, но сохранился целиком и был реставрирован. Снаружи он закопчен. У середины восточной стены, южнее ямы 11, лежали обломки второго сосуда и целая зернотерка, а также половина верхнего терочного камня (Рис.39б,в). Землянка вытянута по линии север-юг, и с южной стороны к ней примыкает пологий спуск, соединяющий верхнюю и нижнюю террасы. Ширина его 2,5 м., длина 7 м. Не исключено, что эта полоса представляет пандус, по которому поднимались в землянку I. Юго-восточная часть пандуса вертикально ровная, восточная — пологая. Уровень пола повышается к северу. Хозяйственные ямы различаются по размерам и глубине. Так, яма 8 на 30 см. глубже соседней ямы 9. У восточного края землянки, между нею и ямой 15 находится огромная глыба камня, свалившаяся сверху.

К юго-западу от землянки I и ниже по склону открыта землянка III (Рис.24). Довольно четко прослежены северная и части западной и восточной стенок, которые сохранились на высоту 80 см. Последняя проходит под оставленной для замеров меридиональной бровкой. Южная часть на склоне горы полностью разрушена. Землянка III отличается широтной ориентацией и большими размерами. Длина ее более 11 м., ширина не менее 5,5 м. Пол неровный и уровень его поднимается у стенок. В полу 13 много хозяйственных ям глубиной 0,5-0,7 м. Из ямы 30 в северо-западном углу котлована взят уголь для радиоуглеродного определения. Кроме них у северной стенки расчищены две круглые ямки для столбов, диаметром 30-50 см. на расстоянии 4,5 м. друг от друга. В средней части котлована обнаружены еще две такие ямы, на расстоянии 3,3 м. друг от друга. Между ямами от столбов, в западной части расстояние более 1 м., а между восточными — около 2,7 м. (Рис.42, 43).

У северо-западного угла землянки лежали огромные обломки скалы, которые невозможно было убрать, и здесь была оставлена вторая меридиональная бровка и землянка III с двух сторон, западной и восточной, окаймленных бровками.

Пол в землянке III, как видно по разрезу VI-VI, залегал на отметке 4,7 м. от современной поверхности у северного края раскопа и ниже уровня верхней террасы на 3,5 м. (Рис.26, 44).

От северо-восточного угла землянки III до землянки I расстояние равно 6 м. Между этими жилищами расчищен котлован размером 4 x 3 м. Только в его центре сохранился участок пола, по краям которого разбросаны шесть хозяйственных ям. По разрезу I-I дно котлована залегает на 2,5 м. ниже поверхности склона горы, т.е. ниже на 80 см. пола землянки I (Рис.23). На разрезе IV-IV, видно (Рис.24, 44), что дно котлована ниже 1,2 м. прохода-пандуса в жилище I. По высоте котлован занимает промежуточное положение между верхней и нижней террасами и мог быть использован жителями обеих землянок как вспомогательное помещение.

Для изучения стратиграфии в западной части раскопа вдоль западного края проведена траншея длиной 22 м., шириной 2 м. На этом участке понижение склона горы составило 8 м. Выявлены две зольные прослойки, толщиной около 10 см. Верхняя — на глубине 5,3 м. от поверхности горы. Она прослежена на расстоянии 5 м. и выходит на поверхность горы. По размерам этот зольный слой равен ширине террасы в восточной части раскопа. Зольный слой, возможно, связан с уровнем пола, тем более, что он перекрывает неглубокую хозяйственную яму, расчищенную в середине траншеи. Часть ямы уходит в восточную стенку траншеи.

Вторая зольная прослойка на 1,7 м. ниже первой и залегает на отметке 7 м. Южная ее часть разрушена при строительстве дороги. Эта прослойка на 1,2 м. выше уровня дороги, следовательно, относится к нижней террасе. Не вызывает сомнения то, что она связана с уровнем пола в землянках XI и IX, открытых позднее в юго-западной части раскопа. Обе зольные прослойки горизонтально ровные и выявлены в южной половине траншеи. В северной ее половине не сохранились строительные остатки. Проведенные в траншее работы выявили остатки культурного слоя только в юго-западной части раскопа.

В 1980 г. к западу от землянки III открыта землянка IV (Рис.24). Размеры ее — 5 м. с запада на восток и не менее 6 м. с севера на юг. Часть восточной стены выявлена во время оконтуривания второй меридиональной бровки. Достаточно определенно прослежены северо-восточный закругленный угол и северная стенка. Западная стенка, толщиной немногим более 1 м., отделяет землянку IV от соседней землянки V. Как у всех жилищ, южные части на краю склона горы разрушены. В северной части котлован углублен на 2 м. от поверхно-

сти, тогда как в землянке III на 3,5 м. В полу расчищено шесть ям (41а-46) и небольшие ямки без номеров. Яма 45 в виде восьмерки, из двух соединенных ямок. С северо-восточной стороны ямы 41а прилегают две небольшие ямки. В яме 42а находилось большое количество угля, который взят для радиоуглеродного анализа. В одной из самых больших ям 43а размером 2,5 x 1,5 м. оказались крупные обломки скалы, два раздавленных сосуда, кухонный котел, дно второго сосуда, кусок охры, четыре обломка зернотерок, четыре отбойника, пест и фрагменты керамики, в том числе 16 расписных образцов. Всего в ямах землянки IV найдено 30 экземпляров с росписью.

Северо-западнее располагается землянка V, вытянутая широтно — длина ее 8,5 м., ширина — 6 м. (Рис.24). Довольно четко оконтурена северная стенка, и хуже сохранились поперечные стенки. Северная стена находится в 3 м. от северного борта раскопа, южная стена на расстоянии 9 м., тогда как северная стена землянки III на расстоянии 9 м., а южная — 12 м. Таким образом, в соответствии с рельефом склона горы, землянки III-V вытянуты по линии северо-запад — юго-восток. Уровень пола землянки V на 40 см. ниже пола в землянке IV. Пол ровный с небольшим понижением к югу. Заполнение в жилище V более плотное, чем в IV, что, видимо, объясняется близостью ложины у западного борта раскопа, куда стекала вода по склону.

В полу выкопано 10 ям — 47-56. Яма 51 южнее останца восточной стенки. Яма 48 диаметром 1,2 м., глубиной 0,9 м. Три ямы (50, 54, 55) располагаются рядом и соединяются внизу. В ямах жилища V найдено более 30 фрагментов с росписью. Общее понижение на этом участке от северного борта раскопа до дороги составляет около 10 м. В северо-восточном углу на полу расчищены три ямки для столбов, образующие в плане треугольник.

Южнее землянок IV и V на склоне выявлено 7 ям (57-59, 66-70). Горловина ямы 57 находится на отметке 1 м. ниже уровня пола жилища (Рис.25). В створе этих ям находится яма 58 у южного края землянки III, открытой позднее — в 1980 г. Все эти ямы располагаются между верхней и нижней террасами на участке, который доходит до бетонной ограды дороги.

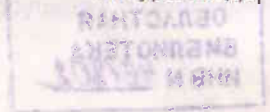
Самая северо-западная землянка VI имеет общую стенку с землянкой V (Рис.25). Северная стенка котлована отстоит от северного края раскопа всего на 2 м., южная — 7 м. От западной стены до западной траншеи всего 9,5 м. Размеры землянки с запада на восток — 6 м., с севера на юг у восточного края — 5 м., у западного края — 5 м. Западная

и северная стенки четко прослежены только на небольших участках. В южной части пола шесть хозяйственных ям (60-65). Выделяется большими размерами овальная яма 60. На расстоянии 80 см. от нее на С-В — две ямки для столбов. Обнаружена яма 88, прорезавшая смежную стенку между землянками V и VI. Общее понижение склона горы на этом участке равно 12 м.

Между землянками V и VI оставлена третья бровка, доходящая до обрыва склона горы на юге. Юго-западнее землянки VI, ниже по склону, выявлена землянка VII с закругленными углами, так, что северная стенка имеет дуговидную форму. Восточный край ее находится под бровкой и ширину ее нельзя точно определить — она составляет более 5,5 м., длина (с севера на юг) сохранившейся части 4 м. Наименьшее расстояние по склону между землянками VI и VII равно 1 м. В полу четыре хозяйственные ямы 81-84 и две ямы 90 и 90а прорезали южный край землянки (Рис.25). В середине ее на полу между ямами 83 и 82 две ямки от столбов, расположенные по линии север-юг, на расстоянии 30 см. друг от друга. Уровень пола землянки VI ниже современной поверхности на 3,3 м. (разрез 6), а пол землянки VII на 2 м. ниже пола землянки VI. Ниже по склону, на расстоянии 1,5 м. от южного края землянки VII располагается землянка VIII, южная часть которой разрушена экскаватором. Пол в ней залегает на отметке 2,4 м. ниже пола землянки VII. Северная стена ее дуговидной формы. Восточная стенка котлована сохранилась на небольшом участке — около 4 м. и примыкает к третьей поперечной бровке. Западная стенка котлована длиной 4,5 м. Ширина с запада на восток равна 7,5 м. Вдоль северной стенки расположены на небольшом расстоянии друг от друга пять ямок для стоек. Почти в центре на полу находился круглый очаг диаметром 30 см., с примыкающей с южной стороны узкой прямой ложбинкой, заполненной золой. С трех сторон очага на близком расстоянии располагаются ямки от столбов, в плане образующие треугольник. Только с южной стороны не было такой ямки.

В южной части, вблизи очага — две хозяйственные ямы 100 и 101 (Рис.25). Еще одна хозяйственная яма (без номера) находится в северо-восточной части, на краю ее лежит камень больших размеров. В центре разбросаны без системы девять небольших ямок для стержней диаметром 2,5-8 см. неизвестного назначения.

Землянка VIII в западной части смыкается с землянкой IX и, возможно, котлован этой землянки прорезал часть землянки VIII. Пол землянки VIII выше на 4 м. уровня дороги.

У западного края раскопа, на нижней террасе открыта самая большая на поселении землянка IX (Рис.27, 28). Пол в ней залегает на 40 см. ниже пола в землянке VIII. Длина сохранившейся части землянки IX с севера на юг составляет 8 м., а ширина 9,5 м. Северная стена котлована дуговидной формы. Вдоль периметра северной и восточной стенок девять ям для столбов, на разном расстоянии друг от друга (слева направо эти расстояния равны: 2,3; 1,7; 2,2; 1,6; 1,6; 1 м.). Ямы диаметром около 20 см. и неглубокие — 10 см. В центре жилища находятся четыре ямы от центральных столбов. Северо-восточная яма находится в 3 м. от восточной и северной стенок котлована. Диаметр ее 55 см. и глубина более 60 см. Северо-западная яма в 4 м. к западу от предыдущей, диаметр ее вверху 60 см, у дна 30 см, глубина 60 см. Третья яма к югу от северо-восточной расположена на расстоянии 2,75 м. Диаметр ее внизу 30 см., глубина 90 см. Четвертая — юго-западная яма, в 4,2 м. от юго-восточной. В некоторых из них на стенках видны вертикальные следы от находившихся в них бревен.

В центре между столбами очаг и примыкающая к нему неглубокая яма. В полу выкопаны десять круглых хозяйственных ям. Две из них углублены в северную стенку котлована и в них впущены ямки для столбов. Яма 136 прорезала участок, на котором можно было ожидать про-

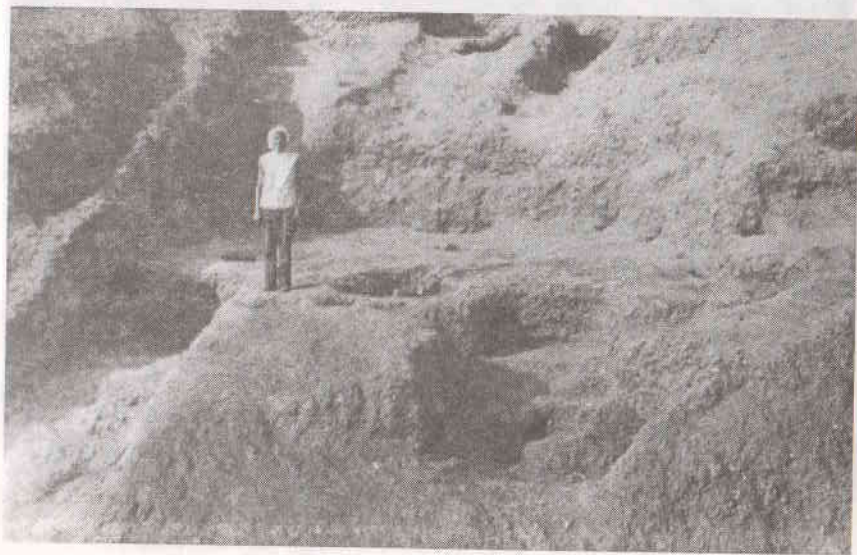

Рис.4. Общий вид землянки XI.

должение западной стены, отделяющей землянку IX от соседней землянки XI. На полу разбросано около 60 малых ямок от стержней диаметром 2,5-8 см. Пол землянки IX на отметке 4,2 см. выше уровня дороги. В юго-западной части мы вышли на южный конец западной траншеи, и тем самым подтвердилось ранее высказанное предположение о том, что траншея связана с нижними землянками. У северной стенки, на небольшой приступке выше пола на 80 см., сохранились остатки очага в виде двух плоских камней, поставленных углом. Северная часть землянки IX врезана в склон горы на высоту около 2,3 м. На уступе, расположенном на одном уровне с началом котлована, расчищен еще один очаг в виде скопления нескольких камней и золы (очаг 1 на плане) (Рис.27). Этот уступ между жилищами VII и IX на отметке 3 м. выше пола землянки IX представляет, возможно, остатки еще одной разрушенной землянки.

Система столбовых ям вдоль периметра стен и в центре позволяет говорить о деревянной конструкции, на которую опиралась крыша. Землянка, очевидно, относится к типу жилищ с четырехколонным помещением со световым и дымовым отверстием в центре крыши.

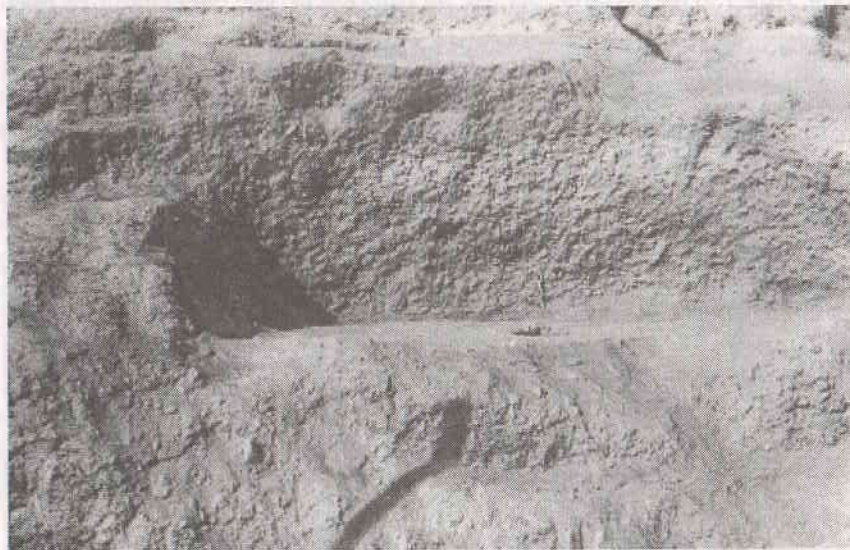

Рис. 5. Землянка X.

С целью поиска западного края жилища IX сделана прирезка с западной стороны раскопа, размером 10 x 16 м. В северо-восточной части прирезки околонтурен северо-западный угол жилища IX и останец стены длиной 1,5 м., ранее отделявший его от соседнего жилища XI, размером 6,5 x 8 м. Поскольку южный край разрушен, то длину землянки нельзя точно определить. Северная стена котлована дуговидной формы, и вдоль периметра ее располагаются шесть ям от столбов, которые составляли каркас стены, возможно, снаружи обмазанный глиной. Две ямки расположены рядом с западной стороны выступа. Третья — на расстоянии 1,9 м., четвертая и пятая в середине, а шестая — в северо-западном углу.

По периметру западной и северной стен четыре хозяйственные ямы вкопаны в стены котлована. Западнее ямы 130 у северной стенки сохранились остатки очага. Особо выделяется в северо-западном углу яма 132 диаметром 38 см. Она геометрически правильной круглой формы и ее полусферическая поверхность заглажена. Создается впечатление, что яма сохранила форму круглодонного сосуда, стоявшего в ней. В середине землянки расположены глубокие ямы четырех центральных столбов перекрытия, расстояние между которыми одинаковое — 2,7 м. В плане они образуют правильный квадрат, в центре которого находился

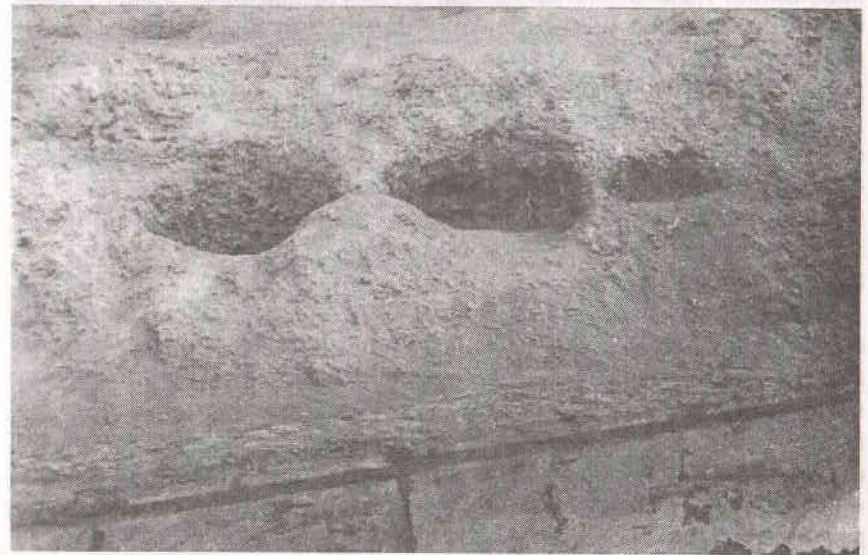

Рис.6. Хозяйственные ямы на южном крае раскопа.

очаг, а с южной стороны расположена яма 134. Землянка XI относится также к типу четырехколонных однокамерных построек. В полу расчищено десять хозяйственных ям и более 70 малых ямок от стержней в центральной и северной частях жилища.

Западная стенка землянки XI хорошо прослежена в северной части и хуже в южной части, так как культурный слой здесь уменьшается и сходит на нет. К западу от жилища начинается лощина. На краю ее заложены небольшие шурфы, но продолжение культурных слоев не выявлено.

Поверхность горы резко понижается в сторону лощины. Северная часть землянки XI врезана в склон на глубину 2-3 м. Пол жилища залегает на уровне нижней зольной прослойки в западной траншее.

Около пола землянки XI найден фрагмент второго расписного сосуда с изображением козла. Первый фрагмент с изображением козла был найден в подъемном материале (Рис. 52, 1, 2).

На южном раскопе были убраны накопившиеся отвалы на склоне. При этом в восточной части открыта землянка X (Рис. 5). В плане она округлой формы, диаметром 4 м. Сохранилась только ее северная половина. Почти в центре находится яма для опорного столба диаметром 40 см., глубиной 35 см. В створе этой ямы у западной стены на расстоянии 1,8 м. от столба находится яма диаметром 16 см. и глубиной 50 см. В обоих ямах на стенках видны вертикальные следы стоявшего столба. Цепочка малых ямок в полу, вероятно, от стоек перегородки проходит в направлении запад-восток на самом южном краю жилища. Такие же ямки образуют две кольцевидные фигуры в северной части пола. Пол обмазан глиной и хорошо сохранился. Котлован врезан в склон горы на глубину 2,4 м. Землянка X располагается на нижней террасе, в 6 м. к юго-востоку от жилища I и примерно на таком же расстоянии от разрушенного жилища II на юго-западе, в 2,5 м. от бетонной ограды дороги.

Расчищен был восточный участок южного склона вдоль бетонного ограждения дороги до выступающей скалы, и длина раскопа увеличилась на 10 м. и в целом равна 90 м. В северо-восточном углу обнаружены две ямы 96 и 97 и контуры третьей, плохо сохранившейся. Юго-западнее землянки X найдена часть кухонного сосуда с прочерченным орнаментом. Такой узор впервые встречен в кухонной керамике поселения. В ходе расчистки раскопа были сняты вторая и южная часть первой меридиональных бровок.

К юго-западу от землянки X у подошвы склона в 1 м. от бетонного ограждения расчищено шесть ям — 91, 94, 95, 79, 143 и без номера,

расположенные подряд и далее еще пять ям — 77, 78, 141, 142 и без номера. На этом участке в трех местах открыты единичные ямы для столбов и небольшие скопления малых ямок. Затем следует участок без ям. За ним участок с пятью ямами — 72-76 и без номера у самого бетонного ограждения дороги. Затем опять участок без ям, доходящий до западного борта раскопа. Таким образом, отмечается определенная закономерность в расположении участков с ямами и без них в широтном направлении. Подобная закономерность характерна для южного раскопа в целом.

В восточной части чередуются склоны горы без ям, заштрихованные на плане углами на подобие буквы «Л». Выше располагается землянка III, затем идет участок склона без ям и на севере раскопа верхняя терраса. В центральной части к югу от жилища IV и V расчищены на склоне ямы 87 и 102. В двух местах: на востоке около ямы 78 (западнее жилища X) и на западе — у южного края землянки VIII выявлены остатки поздних захоронений, почти полностью разрушенных экскаватором. Не исключено, что здесь находилось продолжение могильника с подбойными захоронениями.

Не удалось закончить изучение только северо-западной части раскопа, к западу от землянки VI и VII. Как уже было отмечено, в северной половине западной траншеи не найдено культурных отложений. Позднее, в ходе углубления к востоку от траншеи, на скальной поверхности в полосе квадратов 1А-В расчищен неглубокий «ровик», шириной около 1 м., длиной 7 м. Он начинается около северного борта раскопа и тянется до северной стенки котлована землянки IX у очага 2. Назначение «ровика» непонятно. В северном конце он заканчивается у зольного пятна. В этом месте к «ровику» с западной стороны примыкает яма 80, диаметром 1,2 м., а с восточной стороны — яма 71, южная часть которой разрушена. При зачистке обреза раскопа на кв. 1А на глубине 1,5 м. от поверхности появилась горловина ямы 85 диаметром 1,4 м., которая уходит в западный борт раскопа. Непонятно, с какими уровнями связаны «ровик» и ямы 86 и 71, а также яма 85, горловина которой залегает на отметке 5,8 м. ниже нулевого репера. Учитывая сложность стратиграфической картины и большой объем земляных работ по вскрытию до уровня ямы 85, продолжение изучения северо-западной части отложено на будущее.

СЕВЕРНАЯ ТРАНШЕЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ УЧАСТОК.

Для того, чтобы определить верхнюю, северную границу поселения, от северного края раскопа вдоль склона горы провели траншею длиной 40 м. и шириною 4 м. Она начинается на 41 м. от северо-западного угла раскопа и разбита на 10 квадратов, пронумерованных от 1 до 10, начиная от северного края раскопа (Рис.30). Ориентирована она меридионально с отклонением на 18° к западу, что обусловлено особенностями рельефа. Работа проводилась на 9 квадратах, так как на северном — десятом — не удалось убрать каменную насыпь. Край траншеи до скального основания вершины отделяет расстояние около 9 м. Понижение склона горы на участке траншеи и раскопа до уровня дороги составляет 26 м., от основания вершины — 30 м.

На квадрате 1 прослежен северный край верхней — второй террасы. На квадрате 2 — пологий склон на глубине 50-60 см. от поверхности, и лишь на квадрате 3 обнаружены три ямы, вытянутые цепочкой в середине траншеи. Верхние части и горловины ям разрушены. Яма 3 и 3А расположены впритык друг к другу, а яма 3Б — юго-восточнее на расстоянии около 1 м. Все ямы в траншее пронумерованы отдельно от раскопа

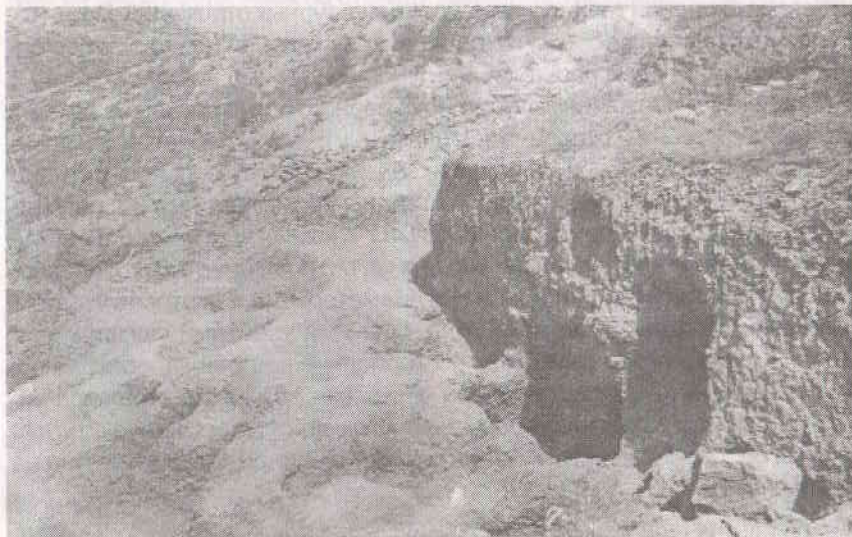

Рис. 7. Пол с хозяйственным ямами на верхней террасе.

(от 1 до 13). На квадрате 3 в кроющем слое 0-0,4 м. найдено каменное навершие булавы.

На квадрате 4 выявлены три уступа жилой поверхности, на которых расположены три ямы. Горловина ямы у восточного края на отметке 1 м. от поверхности горы и толщина слоя в два раза больше, чем на квадрате 3.

На квадратах 5-6 — три больших уступа, в которых культурный слой достигает толщины более 1 м. На этом участке должен быть переход от одной террасы к другой. В узкой траншее проследить переход не удалось, и к тому же вся поверхность квадратов 6 и 7 изрыта десятками хозяйственными ямами разного размера. Обращает на себя внимание яма 1 у западной стенки траншеи. У северного края ее была поставлена корчага диаметром 40 см. (на плане — хум). Крупные обломки ее находятся *in situ* на глубине 50 см. от поверхности горы. Самое большое количество — 266 фрагментов керамики — собрано в яме 7, в их числе 34 экземпляра с росписью и половинка небольшого расписного сосуда. У северного края ямы лежит обломок скалы, упавший сверху.

На квадрате 8 на глубине 70-80 см. расчищена поверхность с несколькими ямами. В яме 5 на дне лежали два крупных обломка скалы. На квадрате 9 верхний слой толщиной 50 см. с большим количеством плоских

Рис. 8. Верхняя терраса. Пол с ямами.

каменной перекрывает культурный слой толщиной 60 см., с керамикой и обломками зернотерки. В северной стенке квадрата 9 обнаружен контур хозяйственной ямы, расположенной на соседнем квадрате 10. Эта яма не расчищена, и работы прекращены, поскольку сверху падали камни.

Поверхность древнего поселения в пределах траншеи сглажена в результате камнепада и селевых (грязевых) потоков на протяжении многих столетий. При этом частично снесен крошечный слой, и культурные остатки обнаружены на глубине 40-50 см. от поверхности. Проведенные в траншее работы позволили заключить, что северные границы поселения доходят почти до основания скальной вершины, а длина его, начиная от дороги, в целом составляет более 50 м. Самая верхняя терраса, по-видимому, находилась севернее квадрата 9 и непосредственно примыкала к основанию скальной вершины. В траншее наблюдается определенная закономерность — чередование участков с ямами и без них, которое, очевидно, обусловлено террасовидной планировкой. Верхние части хозяйственных ям, по которым обычно устанавливается уровень жилых террас, разрушены, и для изучения планировки с восточной стороны траншеи сделана прирезка — северо-восточный участок раскопа, длиной 21 м. и шириной 11 м. от квадрата 1 до начала квадрата 5, с нумерацией квадратов 1, 11, 21, 31; 2, 12, 22, 32 и т.д. (Рис.31).

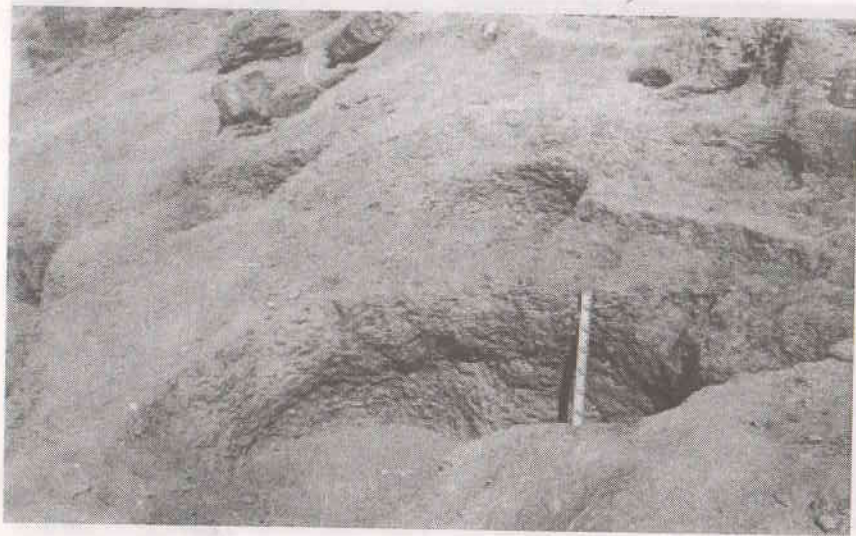

Рис. 9. Землянка XII.

В северной части в пределы раскопа входит полоса шириной 1 м., где расположены квадраты 51, 52, 53. На этой полосе и прилегающих участках квадратов 41, 42, 43 на глубине 1,5-2 м. от поверхности обнаружен пол с хозяйственными ямами, которые тянутся вдоль борта раскопа непрерывной полосой, шириной 4-5 м. Помимо них в полу расчищены скопления малых ямок в трех пунктах (Рис.7, 8). В западной части более двадцати ямок вытянуты узкой полосой вдоль борта раскопа. В середине, между ямами 105 и 108, они образуют кольцо, а к востоку от ямы 109 — неправильный овал рядом с вымосткой из мелких галек. В полу этой верхней террасы (шестой по общему счету) впущено более десяти ям, из них четыре частично углублены в северный борт раскопа. Четыре ямы 105-108 располагаются впритык, и внизу они соединяются. Южнее ямы 108 в пол вкопана нижняя часть большой корчаги. В яме 109 у северной стенки раскопа найдена каменная литейная форма — первая находка на Ошском поселении. В северо-восточном углу на квадрате 53 на глубине 50 см. лежал на боку горшок. В этом месте рядом с галечной вымосткой и малыми ямками встречены три круглые неглубокие ямы диаметром 60 см., служившие для установки круглодонных сосудов (110, 111 и без номера). На поверхности у восточного края раскопа квадрата 53 залегала огромная глыба скалы. Между ямами 109 и 105

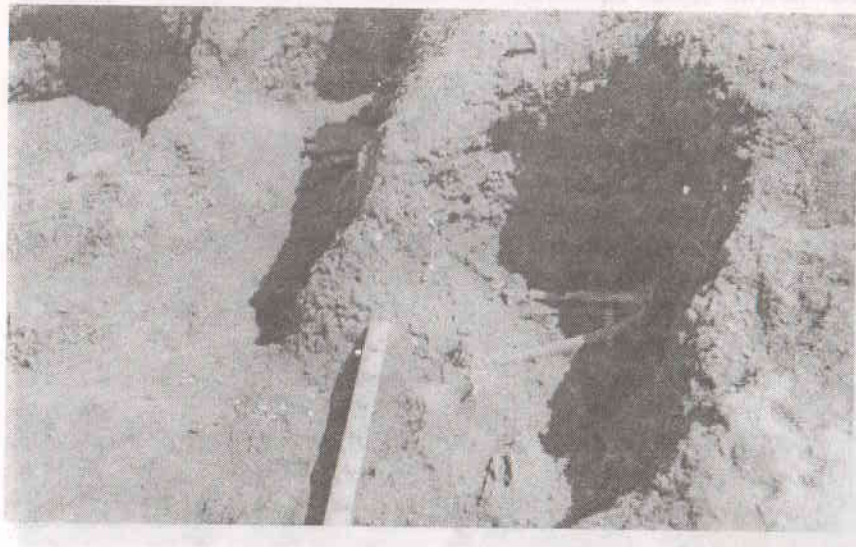

Рис. 10. Погребение человека.

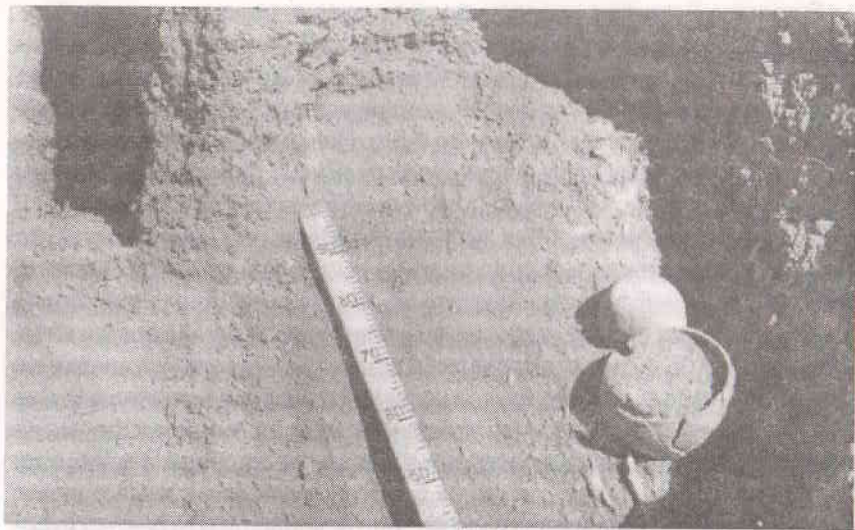

Рис. 11. Сосуды около погребения.

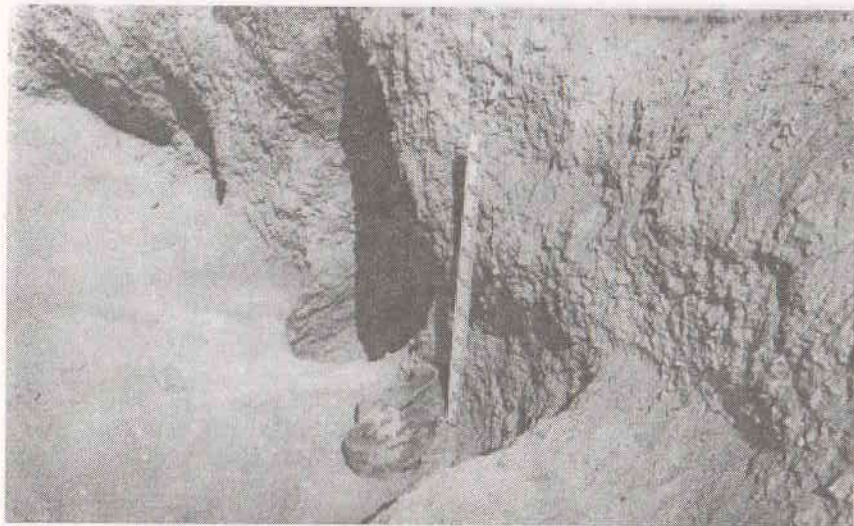

Рис. 12. Землянка XIII в южной части раскопа.

расчищены четыре ямы для столбов, в плане образующие прямоугольник. В западной части на квадрате 41 в яме 113 найден целый горшок конической формы. В соседней яме лежал большой кусок скалы и рядом целая зернотерка. На квадрате 42 в яме 114 — почти целый кувшин. Между этой ямой и ямой 109 на полу лежали обломки раздавленной крупной миски. Весь этот участок, поверхность которого изрыта многочисленными ямами, относится к шестой по общему счету террасе. На западе в траншее он соединяется с углублением южнее ямы 4 на квадрате 3. Поверхность террасы слегка понижается к западу и к югу. Реальные границы на юге и переход к нижележащей пятой террасе проследить невозможно, поскольку скопление ям на квадрате 31, 32, 33 постепенно смыкается с северной полосой ям.

На пятой террасе, в восточном борту квадрата 33, была обнаружена на небольшом участке стенка котлована землянки. Для расчистки ее сделана прирезка с восточной стороны к югу от глыбы скалы на квадрате 53, размером 5 x 6 м. (квадраты 24, 34, 44, 33, 43). Довольно четко околонтурена северная стена и часть разрушенной северо-западной стены. Длина сохранившейся части землянки XII равна 6 м. (Рис.9). Северо-восточная ее часть осталась за пределами раскопа. Северная стена в середине разрушена большой ямой 147, а северо-западный край про-

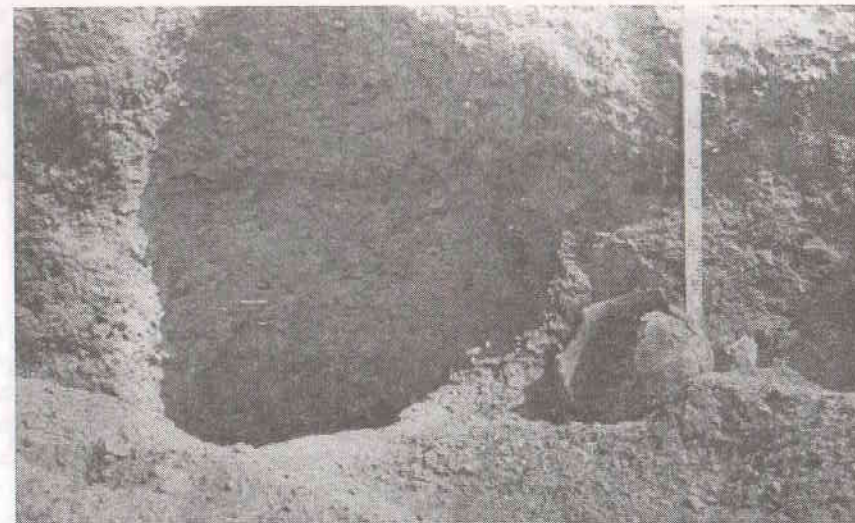

Рис. 13. Хозяйственная яма и кувшин на полу землянки XIII.

резан ямой 149, на краю которой лежал большой камень. В полу расчищено четыре ямки, вероятно, от столбов и несколько малых ямок.

Землянка XII на квадратах 23, 24, 33, 34 находится в 7 м. к югу от северо-восточного угла раскопа и большею частью за его пределами.

К уровню пятой террасы относится яма 147 на квадрате 31, с большим куском скалы на краю. В яме 125 на квадрате 32 обнаружено три целых горшка конической формы. В соседней яме 140, соединенной с ямой 144, в 1,5 м. к западу от землянки XII открыто первое на поселении захоронение древнего жителя (Рис. 10). Погребальную яму, восьмеркообразной формы, сделали путем соединения двух обычных круглых ям. Сильно разрушенный костяк лежал на правом боку в скорченном положении, с сильно подогнутыми ногами, головой на юг. Череп сплюснен. Тело умершего с трудом втиснули в яму длиной 1,4 м. и шириной 0,8 м., так что стопы ног лежали на краю ямы. Перед лицом стояли два целых сосуда — конический горшок и глубокая миска (Рис. 11). Горшок лежал вверх дном. Обряд погребения умерших сородичей в пределах поселения был довольно распространен в эпоху бронзы. Таким образом, появился еще один признак, сближающий Ошское поселение с другими чувстскими памятниками. Следует отметить, что захоронение с инвентарем, представленным как правило, одним сосудом является большой редкостью.

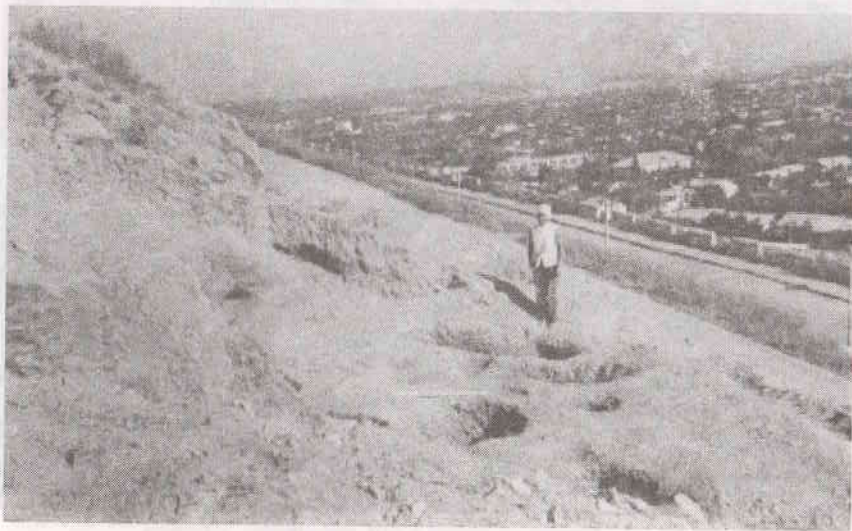

Рис. 14. Землянка III. Общий вид.

На том же квадрате 32, наряду с обломками глиняных сосудов, найдена вторая литейная форма в яме, расположенной в 5 м. от ямы 109 с первой такой находкой и весьма возможно, что на этом участке обитали мастера-литейщики или находилась их мастерская.

На нижележащей террасе — четвертой по общему счету, в 6 м. к юго-западу от землянки XII открыты остатки землянки XIII (Рис. 12). Она находится на квадрате 11-12, в 12 м. от северного борта раскопа и в 50 см. от восточного края квадрата 1. Котлован врезан в материк на глубину 90 см. Хорошо прослежена северная и прилегающие части боковых стен, в плане дуговидной формы. Размеры с запада на восток равны 5,4 м. В северную стену врезаны три ямы 154-156, выходящие за пределы землянки. В полу с восточной стороны ямы 154 был вкопан большой кувшин (Рис. 13). Поблизости разбросаны несколько малых ямок. Обе сильно разрушенные землянки не дали ничего нового для понимания их устройства.

Судя по материалам северо-восточного участка, интенсивность жизни в северной части поселения, на высоких террасах, ничем не отличалась от других участков. В пределах раскопа понижение склона с севера на юг составило 7,5 м. Самая высокая (шестая) терраса залегала на отметке 2 м. от поверхности. Реальные границы пятой и четвертой террас проследить было невозможно, настолько поверхность их была изрыта ямами. Эта часть поселения подверглась сильному разрушению и в ходе камнепада. Отдельные обломки скальных глыб выявлены в шести пунктах. К тому же на квадратах 31-32, 21-22, 11-13 раскопки не завершены, поскольку в скоплении разрушенных ям не удалось разобраться к концу сезона, и работы предполагалось продолжить в следующем году. Однако, 1984 г., к сожалению, оказался последним сезоном, проведенным мною на Ошском поселении.

Раскоп на северном склоне.

Северный склон центральной вершины Сулайман-Тоо еще более крутой, чем южный. В северной, верхней его части, ниже скального основания вершины, заложен раскоп, размером 28 x 7 м., вытянутый с запада на восток. Работы проводились не на всей этой площади, а только на трех участках — в траншее у западного борта раскопа, на прилегающем участке и в центре раскопа. Траншея длиной 20 м. и шириной 2 м. вскрыта до скальной поверхности на глубине 50-60 см. В южной части, на отметке ниже 5 м. от основания скалы, после снятия кроющего слоя, толщиной 50-60 см., расчищено скопление плоских камней. На

одном из них лежала почти целая плоская зернотерка, овальной формы, размером 32 x 30 см. и верхний терочный камень. Других остатков культурного слоя здесь не обнаружено.

На нижележащем уступе, на 6 м. ниже уровня зернотерки, в восточном борту траншеи, на глубине 30 см. от поверхности, сохранился очаг в виде скопления прокаленного суглинка и золы. Остатков очажного устройства не обнаружено. На прилегающем к очагу участке не было признаков культурного слоя. Углубились на 2,5 м. ниже уровня очага. На такой глубине в южном раскопе обычно залегают дневные поверхности террас. После расчистки от щебня появилось террасовидное углубление с горизонтально ровным основанием, шириною 4,5 м., на севере выходящим на склон горы. Это углубление, но несколько меньшего размера, продолжалось в раскопе на протяжении 15 м. Каково происхождение его — было ли это естественное геологическое образование или искусственное — определить невозможно. Отметим только, что большая часть найденной в раскопе керамики, происходит из этой террасовидной выемки. В северном конце траншеи (ниже на 5,4 м.) в шурфе углубились на 2 м. Таким образом, в траншее на четырех уровнях при общем понижении поверхности склона от скалы до шурфа, равном 16 м., были сделаны попытки поиска террас с хозяйственными ямами. Никаких следов их, а также культурного слоя, не выявлено. О заселении северного склона в древности помимо зернотерки и очага, свидетельствуют находки обломков глиняных сосудов (Рис. 14).

В северном раскопе найдены образцы четырех групп чустской керамики:

I. с красной облицовкой	- стенки	- 95
	- венчики	- 29
	- дно	- 6
	- грузики	- 2
II. расписной		- 14
III. кухонной	- стенки	- 12
	- венчики	- 3
IV. толстостенной (тарной)		- 2

Всего 163 фрагмента — не менее чем от 25-30 разных сосудов. И только одно орудие из камня — отбойник. Кроме того из раскопа происходит 7 обломков станковой и 7 обломков сосудов с красным ангобом более позднего античного времени.

Чустские материалы, собранные в раскопе на северном склоне, явно не случайного происхождения. Однако, их мало, и для решения вопро-

са о характере заселения северной части горы в чустский период необходимо продолжение раскопок и получение новых данных.

Помимо раскопов на южном и северном склоне заложено два небольших шурфа на северо-западном крутом склоне центральной вершины. Шурфы глубиной 1 и 1,2 м. доведены до скальной поверхности. В каждом собрано несколько фрагментов чустской керамики, но культурного слоя, как и на северном склоне, не выявлено.

Проведенные работы позволяют поставить вопрос о размерах Ошского поселения. Высота южного раскопа от дороги до скальной вершины составляет более 50 м. Ширина 280 м. (200 м. — между шурфами 1 и 2 по данным 1976 г.; и длина участка, вскрытого к западу от шурфа — 80 м.). Площадь поселения в обозначенных пределах равна 14.000 кв.м. (280 x 50 м.), т.е. около 1,5 га. К этому следует добавить, что, судя по находкам керамики на поверхности, нельзя исключить распространение поселения южнее дороги в музей. Естественно, не весь южный склон был обжит, так как на нем имеются скальные участки совершенно не пригодные для заселения. Ориентировочно можно считать, что площадь Ошского поселения не превышала 2 га, и его следует относить к группе чустских поселений среднего размера.

2. ТЕРРАСОВИДНАЯ ПЛАНИРОВКА, ЗЕМЛЯНКИ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ.

Жилища в условиях крутого склона Сулайман-Тоо (40°) построены на искусственных террасах, врезанных в склон. В эти террасы впущены на разную глубину котлованы полуземлянок, а также хозяйственные ямы. В раскопе на южном склоне площадью около 2.000 кв.м. исследовано двенадцать землянок. Форму второй землянки, пол которой обнаружен в шурфе 1976 г., и которая за два года перерыва в работах была разрушена, не удалось проследить.

До нас дошли только северные части котлованов, примыкавшие к склону и имевшие в плане дуговидную форму. Землянки, судя по наиболее сохранившимся, были округлой или овальной формы. Именно такие котлованы легче было вырубить в твердом скальном материке, чем геометрически правильные прямоугольные сооружения.

Все они врезаны в материк глубоко только на северной части, и с понижением склона глубина котлована постепенно уменьшается. На юге они мало углублены и должны были большей своей частью возвышаться над поверхностью горы. Поэтому Ошские землянки скорее следует относить к особой разновидности полуназемных построек.

Поверхность северных стен котлованов неровная, с маленькими углублениями и выступами, шероховатая. В котлованах III-VI, IX-XI от боковых стен сохранились только их основания, как монолиты, выбитые в скальном материке или в цементированном щебне. Об устройстве стен над уровнем террас у нас нет никаких данных. Также неизвестно, как были устроены фасады жилищ на южном крае, где находился вход.

Землянки можно подразделить на жилые и хозяйственно-производственного назначения. К первым относятся те, в которых имеются очаги. Кроме того, в этих жилищах обнаружены системы ям для опорных столбов по внутреннему периметру стен и в центре вокруг очага. В качестве жилищ, бесспорно, были использованы землянки VIII, IX, XI.

Тщательные (с точностью до 0,5 см.) архитектурные полевые обмеры этих построек провел в 1984 г. Л.Л.Гуревич (см. приложение), и они позволяют составить представление об особенностях каркасной конструкции.

Землянка XI. В центре пола находится корытообразной формы очаг. По сторонам его выкопаны четыре глубокие ямки центральных столбов, расстояния между которыми одинаковые и равны 2,7 м. В плане они образуют правильный квадрат (Рис.25, 27, 32). Еще один ряд столбов располагался по периметру дуговидной стены. В южной части, в резуль-

тате разрушения, ямки от столбов не сохранились. Центральные и периметральные столбы образуют каркас перекрытия. От северо-восточного столба на расстоянии 1,85 м. находится ямка опорного столба 3, у северной стенки. На таком же расстоянии от этого центрального столба располагается яма 1 в северо-восточном углу. Северо-западный столб находится в 2 м. от ямы 6 в северо-западном углу и на расстоянии 1,8 м. от ямы 5 у северной стенки. Квадрат центральных столбов отделяет не более 2 м. от северной, западной и восточной стен землянки. Достоверно определены размеры жилища по линии запад-восток, равные 6,5 м. На основании реконструируемого Л.Л.Гуревичем каркаса перекрытия, можно предположить, что длина с севера на юг была также равна 6,5 м. Площадь землянки XI составляла около 40 кв.м. В плане она округлой формы. Более достоверно реконструировать форму ее невозможно в результате разрушения южной части. Геометрически правильная система четырех центральных столбов и периметральных опорных стоек позволяет заключить, что жилище XI было четырехколонной постройкой с центральным свето-дымовым отверстием. Анализ расположения более 70 малых ямок для стержней, по мнению Л.Л.Гуревича, свидетельствует о наличии светового проема и о функциональном зонировании помещения. Вблизи столбов и около очага были лучше освещены места для домашних работ. Пол ровный, с уклоном к югу, обмазан глиной. Места для лежания и сна не выделены и, очевидно, использовались циновки, положенные прямо на пол. Помимо очага в центре, сохранились остатки второго очага для обогрева у северной стенки. В полу и преимущественно у стен впущены хозяйственные ямы. В центре было только две такие ямы, к югу и востоку от центрального очага.

Котлован северной частью врезан в склон горы на глубину 3 м., а в северо-западном углу — на 2 м. (разрезы А-А, Б-Б). Северной дуговидной стеной служит скальный край котлована. От восточной стены, смежной с жилищем IX, ничего не сохранилось, за исключением монолитного останца у северного края длиной 1,5 м. Не обнаружено остатков кладки из камня или сырца. Расстояние между стеной котлована и периметральными стойками настолько незначительно, что северная стена землянки, как и все остальные, могла быть возведена только из жердей и камыша, обмазанной глиной.

Землянка IX — самая большая на поселении, примыкает с восточной стороны к землянке XI. Полы в этих помещениях лежат практически на одинаковом уровне, незначительно повышаясь к западу, и, по всей видимости, эти землянки представляют единый функциональный комп-

лекс. К тому же не сохранились стены, разделявшие эти помещения, за исключением небольшого останца у северного края котлована. На этом участке промежутки между постройками был настолько мал — около 70 см., что крыши их, очевидно, соединялись. Не исключена возможность, что вообще не было стационарной смежной стены между ними. В центре жилища, по сторонам очага, располагались четыре глубокие ямы от центральных опорных столбов. Северо-западная яма (на плане I) овальной формы, верхний диаметр которой 60 см., нижний 45 см., глубина 60 см. Северо-восточная яма II, в плане круглая, верхний диаметр 55 см., нижний — 30 см., глубина 60 см. Юго-восточная яма III овальная в плане, верхний диаметр 80 см, в середине яма круглой формы диаметром 30 см, глубиной 90 см. В сечении яма имеет разные формы. Все они заполнены щебнем и землей. Центральные столбы образуют неправильный четырехугольник, вытянутый в широтном направлении. Продольные размеры его составляют 4,0 x 3,75 м., а поперечные — 3 м. В землянке IX использована та же планировочная схема, и она относится к тому же типу четырехколонных построек с центральным световым и дымовым проемом, как и соседнее жилище XI. Вдоль периметра дуговидной северной стенки выявлено девять ям для стоек на разных интервалах друг от друга. Они отличаются небольшими размерами, диаметром около 20 см. и глубиной до 10 см. На полу, как и в землянке XI, находилось более 60 малых ямок для стержней, сконцентрированных вокруг очага и центральных столбов (Рис.25, 27, 32).

Землянка в плане округлой формы, размером по линии северо-запад — юго-восток 9,5 м., по линии северо-восток — юго-запад — 8 м. Площадь ее около 80 кв.м., почти в два раза больше, чем у землянки XI. Большие размеры этой землянки, по мнению Л.Л.Гуревича, предопределили более сложную схему каркасной конструкции, что требует, однако, дополнительного обоснования.

Землянка VIII с западной стороны соединялась с землянкой IX. При наложении их контуров получается, что небольшой сегмент западной части землянки VIII входит в пределы землянки IX (Рис.25, 32). Северная стена, с прилегающими частями поперечных стен, дуговидной формы, и в плане землянка была округлой формы. Ширина с запада на восток равна 7,5 м. Поперечные стены сохранились частично — 4 м. и 4,5 м. По своим размерам землянка VIII близка землянке IX. Почти в центре, на полу, вырыт круглый очаг. С трех сторон его находятся глубокие ямы от столбов, в плане образующие треугольник. По периметру северной стены располагаются пять ямок для опорных стоек. Возле очага

и опорных столбов без системы разбросаны десяток небольших ямок для стержней. Судя по сохранившимся ямам для столбов, конструкция каркаса землянки VIII была иной, чем в соседних землянках IX и XI. Все три котлована тесно примыкают друг к другу и вытянуты цепочкой по линии северо-запад — юго-восток в определенном порядке, уступами, так, что северный край помещения XI на 3 м. выступает к северу по сравнению с соседней IX, которая в свою очередь выступает на 6,5 м. по сравнению с VIII (Рис.25). Такое расположение и тесное соединение их явно не случайного происхождения, и, вероятно, все три постройки представляют единый функциональный комплекс.

Пол в помещении VIII выше на 45 см. пола в соседней землянке IX. Это можно было бы рассматривать как показатель разновременности их функционирования (Л.Л.Гуревич). Однако, разница уровня полов незначительна, и она меньше, чем уклон пола, равный 60 см. в землянке IX с севера на юг, в сторону входа.

Землянка X находится в восточной части раскопа. Это круглоплановая землянка, диаметром 4 м., от которой до нас дошла только северная половина. Она врезана в основание склона, и ее южный край, вероятно, был на расстоянии 80 см. от бетонного ограждения дороги. В центре пола яма диаметром 40 см., для центрального столба, а у западной стенки более глубокая ямка диаметром 16 см. для опорной стойки. Нельзя исключить возможность, что были и другие стойки в южной половине. Так же как и в других жилищах, на полу обнаружено скопление малых ямок для стержней. Северная стена дуговидной формы и углублена в скальный материк в виде ниши. Поскольку центр был занят столбом, то очаг возможно находился в южной половине. Судя по расположению ям для столбов, устройство перекрытия отличалось от того, что было в землянках с четырьмя колоннами. Землянка X отличается исключительной простотой и меньшими размерами, площадь ее равна 12 кв.м., в несколько раз меньше чем у землянок на западном участке раскопа (Рис.25).

Несмотря на малочисленность материалов, на Ошском поселении достаточно определенно можно выделить два типа жилых землянок: 1) землянки с четырехколонным помещением и центральным свето-дымовым проемом, площадью 40-80 кв.м. и 2) круглоплановые землянки площадью 12 кв.м. Аналогии круглоплановым землянкам в среднеазиатских памятниках, насколько известно, отсутствуют. Зато они имеют ряд соответствий в более ранних культурах эпохи энеолита и ранней бронзы на Кавказе, например, на поселении Баба-Дервиш I в Азербайджане

землянка диаметром 3,8 м. (Джавахишвили. 1973. С. 83-84), на Каякентских поселениях (Геметубе I) в Дагестане — размером 3,2 x 3,4 м., на Великентском поселении — диаметром 4 м. (Гаджиев. 1989. С. 33-37). Овальные землянки еще более малого размера 2,7 x 1,7 м. выявлены на синхронном Чусту Луговском поселении карасукского периода на Енисее (Членова. 1972. С. 116). Приведенные примеры неоспоримо свидетельствуют, что круглые землянки таких небольших размеров использовались в качестве жилищ. Однако, для чустской культуры более характерны землянки первого типа. Конструктивные особенности Ошских землянок XI и IX очень сходны с землянкой, исследованной на Дальверзинском поселении. Она неправильной четырехугольной в плане формы с геометрически четкими углами. Все стены разной длины 6,8; 7,6; 7,8; 8,9 м. Площадь более 60 кв.м. По размерам она больше, чем Ошская землянка XI и меньше землянки IX. Котлован углублен на 1 м. в материковый лесс. Стены его отвесные и полностью облицованы на всю высоту сырцовым кирпичем. В центре, на полу, находится необычный, явно культового назначения очаг, овальной в плане формы, размером 1,4 x 1,2 м. В середине его — чашевидное углубление, заполненное золой. По сторонам очага располагаются четыре ямы для столбов. Интервалы между ямами северной и южной стороны одинаковы и равны 3 м., расстояния между ямами на западе и востоке меньше и равны 2,7 м. В плане они образуют прямоугольник, слегка вытянутый в широтном направлении. Вдоль стен не было никаких ям для стоек, и балки перекрытия, очевидно, опирались на края землянки. В этих разных по форме и деталям землянках отмечается общее сходство планировочной схемы — в центре их, вокруг очага, поставлены четыре опорных столба. Эти столбы образуют опорную раму для каркаса перекрытия, в одном случае правильный квадрат или четырехугольник, в другом — прямоугольник. Устройство перекрытия в них явно различалось. На полу Дальверзинской землянки, также как и в Ошской, расчищено около пятидесяти малых ямок для стержней, сконцентрированных также между центральными столбами и очагом. Промазки пола перекрывают поверхность материкового лесса. Хозяйственных ям не обнаружено. Вход в землянку, очевидно, находился на крыше, поскольку в стенах дверные проемы отсутствуют.

Эта землянка открыта на цитадели Дальверзина в нижнем слое раскопа VII, на глубине 4 м. от современной поверхности. Она была выкопана в естественном холме, в начальный период жизни поселения.

Отмеченное сходство конструктивной схемы землянок дает основание, прежде всего, синхронизировать комплексы Ошского и Дальвер-

зинского поселений и относить их к одному и тому же, начальному периоду чустской культуры. Землянки аналогичной конструкции, как видим, строили на самом большом, столичного ранга, поселении и на небольшом поселении на Сулайман-Тоо в Оше.

Нельзя не обратить внимания на близость размеров опорных ям и на зависимость их от величины землянок: в землянке XI правильный квадрат со сторонами, равными 2,7 м., в землянке IX — четырехугольник 4,0-3,75 x 3 м., вытянутый в широтном направлении, в Дальверзине — прямоугольник, вытянутый также в широтном направлении с размерами сторон 2,7 м. и 3 м. Все сказанное дает основание утверждать об устойчивой традиции в строительстве землянок у земледельцев древней Ферганы.

Землянки II группы отличаются от первой прежде всего отсутствием очагов и системы столбов. Северные стенки у них такой же дуговидной в плане формы, но врезаны в скальную породу на меньшую глубину — 0,7-1,0 м. Только одна землянка I выкопана в третьей террасе на глубину 1 м. и пол ее находится на отметке 1,7 м. от поверхности. Стены в котловане сохранились на высоту 0,7 м. От верхних частей стен на поверхности террасы ничего не сохранилось. В плане землянка овальной формы и вытянута меридианально. На небольшой площади 3,5 x 5 м., в полу ее, было восемь хозяйственных ям. В северо-западном углу стоял большой кухонный котел и рядом лежали обломки второго сосуда, целая зернотерка и обломок верхнего терочного камня (Рис.25, 39а,б,в).

Ниже III террасы на склоне горы расчищены четыре землянки III-VI, примыкающие друг к другу и имеющие одну смежную стену. Они образуют, очевидно, единый комплекс на II террасе, поскольку пол в землянке III залегает на 4,7 м. от поверхности и на 3,5 м. ниже III террасы. Котлованы больших размеров чередуются с малыми (землянка III — 11 x 5,5 м.; IV — 5 x 6 м.; V — 8,5 x 6 м.; VI — 6 x 5 м.). Следуя рельефу поверхности, они располагаются уступами, подобно землянкам VIII-XI, в направлении северо-запад — юго-восток. В землянках второй группы сохранились только единичные ямы от стоек, и, следовательно, устройство перекрытия в них отличалось от жилых построек. Землянка VII, располагавшаяся между землянками II террасы и землянками VIII-XI на первой террасе, по всей вероятности, также относится ко второй группе (Рис.25).

Для определения назначения землянок II группы у нас практически нет материалов, за исключением находок сосудов и зернотерки в первой землянке. Следует обратить внимание лишь на то, что в них было

значительно больше хозяйственных ям. Располагаясь поблизости от жилых построек, они могли служить для более длительного хранения зерна и других припасов, а также для работы в теплые сезоны года. По этнографическим сведениям, например, горные таджики долины Хуф сразу же после снятия урожая семенное зерно закладывали в специальные ямы вблизи своего поля, в которых оно находилось до посева. Для хранения зерна использовали ямы, находившиеся не только в поле, но и во дворе и в самом жилище (Андреев. 1958). Возможно, именно такое рассредоточенное расположение хозяйственных ям отмечается на Ошском поселении.

Исследованные землянки располагаются на склоне горы на разных уровнях и в разрезе образуют ступени, террасы, нависающие одна над другой. На самой нижней — первой террасе, находятся в западной части землянки VIII-XI, а в восточной — землянки II и X. Всю вторую террасу, в пределах раскопа длиной 30 м., занимают котлованы III-VI землянок. По одной землянке было на третьей, четвертой и пятой террасах. Форма террас восстанавливается с трудом, поскольку южные края их, как и самих землянок, выходящие на поверхность склона, сильно разрушены. На Ошском поселении не сохранилось подпорных стенок на краях террас, предохраняющих их от оползней. Ширина их определяется только по сохранившимся участкам полов в землянках и равна в среднем 4-5 м., достигая на нижней террасе 6,5-8 м. Высота террас составляла 2-3 м. И, следовательно, при общем уклоне склона горы в пределах раскопа, равным 30 м., могло быть не более десяти террас. Реально зафиксировано шесть террас, которые выделены по верхним краям котлованов построек и по горловинам хозяйственных ям. Ровные поверхности террас выявлены лишь на третьей и шестой. В границы раскопа вошла южная часть третьей террасы шириной 2,5-3 м., длина ее около 30 м., как и второй террасы. На западе она выклинивается, а на востоке прорезана котлованом первой землянки. Террасы на склоне, отличающиеся сильным перепадом высоты в широтном направлении, очевидно, не могли быть больших размеров. Промежуточная терраса с землянкой VII имела еще меньшие размеры. Самая высокая — шестая терраса — открыта у северного борта по уровню пола с многочисленными ямами и галечной вымосткой.

Таким образом, на поселении, несмотря на сильное разрушение, достаточно четко прослежена ступенчатая, террасовидная планировка, определяющая характер застройки. Особенно наглядно она заметна на фотографиях последнего года работ, после того, как ветер и дождь до-

чистили все каменные плоскости. План поселения можно представить в следующем виде: в верхней части крутого склона располагались землянки на искусственно созданных террасах, параллельных основанию горы. Часть построек образуют компактные группы из трех-четырех землянок — как например, III-VI, VII-XI, а часть рассредоточена. Все они разделяются планиграфически, относятся к одному периоду. Поселение было однослойным.

Террасовидная планировка Ошского поселения представляет собой уникальное явление в археологии древней Средней Азии. Такая планировка не имеет аналогии в синхронных и более ранних памятниках, и только в раннее средневековье, в V-VIII вв. н.э. появляются поселения с подобной планировкой. В качестве примера можно назвать сельское поселение Гардани-Хисор в верховьях Зеравшана, полностью раскопанное Ю.Якубовым. Основание холма опоясано тремя рядами домов, разделенных узкими улицами. Дома из сырцового кирпича пристроены плотно друг к другу, примыкая задней стеной к обрезу террасы. На вершине холма располагается замок правителя. На разрезах четко видны уступы нескольких террас (Якубов. 1988, рис. 10б). Наиболее сложна структура третьей улицы. Из-за крутого склона западная часть ее приподнята каменной подпорной стеной высотой до 2 м. Гардани-Хисор, по заключению Ю.Якубова (С. 43), очень похож на современные селения с террасовидной планировкой в верховьях Зеравшана. Расположение поселений на склонах гор вызвано недостатком пахотной земли и стремлением не занимать земли, пригодные для посевов. К раннесредневековым поселениям типа Гардани-Хисор восходят народные террасные жилища горного Таджикистана и Узбекистана. Подобные террасовидные селения и жилища ярусной застройки известны во многих районах Таджикистана (Архитектура Советского Таджикистана. 1987; Мукимов, Мамаджанов. 1990. С. 112) и изучены этнографами в соседней долине Ягноба (Кондауров. 1940), в Каратегине и Дарвазе (Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. 1970) и др. Историки архитектуры выделяют особый тип народного жилища XIX — начала XX вв. на основе ступенчатой застройки селения. При этом постройки одного жилища располагаются на нескольких уровнях, повторяя сложный рельеф местности. Дома приподняты на высоких каменных платформах. В качестве примера приведем жилой дом в селении Урметан. Он построен на склоне, на трех террасах общей высотой 7,5 м. В плане это жилище прямоугольной формы, размером 16 x 11 м. (Мукимов, Мамаджанов. 1990, рис. 85). Еще большие размеры террасного жилища в селении Эзис в Старой Матче — 28 x 8 м. (рис. 87).

Если сопоставить планы этих домов с остатками построек на Ошском поселении, то они охватят большую часть южного раскопа с котлованами и землянками на первой и второй террасах. В свете этнографических параллелей, можно было бы допустить, что они составляли единый комплекс, несмотря на различие внутренней планировки и функционального назначения отдельных ее частей.

Исследователи Горного Таджикистана обратили внимание на то, что ярусное расположение жилищ, например, в Ягнобе, напоминает типичные горные аулы Кавказа (Кондауров. 1940. С. 28). Действительно, сходные по планировке горные поселения на Кавказе широко распространены и появляются здесь уже в III тыс. до н.э. (Кушнарева. 1993. С. 75), т.е. значительно раньше на полторы-две тысячи лет, чем в Фергане. При этом в ряде районов, например, в Дагестане, террасная планировка наблюдается в эпоху бронзы, раннего железа, в средневековье и доживает до настоящего времени. (Котович. 1965. С. 25). Многие древние поселения, также как Ошское, часто никак не были обозначены на поверхности и были открыты случайно.

Остановимся подробнее на планировке и строительных приемах типичного поселения, каким является Верхнегунибское в Дагестане, эпохи бронзы III тыс. до н.э. Оно характеризуется вертикальной планировкой и ступенчатым расположением построек на склоне на специально вырубленных уступах. Стены капитальные и сложены из крупных известняковых плит, сохранились на высоту 1,5 — 2,2 м. Для устойчивого горизонтального положения плит со стороны склона под них подложены небольшие камни. Все смежные помещения имеют общую стену. Разница в высоте уступов террас составляет 2,5 — 3 м. Для этого и для многих других горных поселений характерно расположение на южных склонах, лучше обогреваемых солнцем (Котович. 1965).

Верхнегунибское поселение с монументальным каменным домостроительством и мощными оборонительными стенами, естественно, отличается от Ошского по характеру прямоугольных построек, по типу жилищ и по местному строительному материалу (камню). Совпадает основное — принцип террасной планировки, компактное расположение жилищ и некоторые особенности, как использование южных склонов, углубление основания жилищ в скалу, наличие в смежных помещениях одной общей стены.

Вопрос о происхождении террасовидной планировки на Сулайман-Тоо остается открытым. Ее не с чем сравнить в Центральной Азии. У нас нет оснований для предположения о внешнем влиянии и заимство-

вании извне, и истоки подобной планировки следует, несомненно, связывать с местной средой.

Возможность самостоятельной выработки приемов строительства селений на склонах подтверждается этнографическими сведениями о переходе к оседлости южных киргизов. При этом киргизы подразделения ичкилик «занимали места у гор, заполняли ущелье, где строили землянки (жер тёлё). На горных склонах делались углубления для жилищ. Боковые стенки были естественные, их заравнивали, передняя же строилась пахсовой кладкой. Верх закладывался жердями, ветками и заравнивался землей» (Антипина. 1962. С. 177, примеч. 50). К сожалению, более подробного описания этих селений и жилищ нет в литературе. Но, если кочевое население предгорий Ферганы в XVII-XIX вв. самостоятельно начало устраивать свои жилища на склонах гор, то и земледельцы-скотоводы чувствской культуры могли тоже знать эти приемы. По поводу совсем иного вопроса, а именно: какие причины и стимулы определили появление Ошского поселения на Сулайман-Тоо, расположенной на равнине посреди большого земледельческого оазиса, — мы остановимся ниже, в разделе 4.

На Ошском поселении, как видим, открыто мало жилых построек, и в этом отношении оно не отличается от более хорошо изученных основных памятников Дальверзина и Чуста. В тоже время бросается в глаза многочисленность ям хозяйственного назначения. На Ошском поселении площадью около 2.000 кв.м. вскрыто 200 таких ям. Для сравнения приведу данные по Дальверзину. В среднем горизонте I раскопа на участке площадью 1.500 кв.м. оказалось 150 ям, а в нижнем горизонте на площади 1.700 кв.м. — 160 ям (Заднепровский. 1962а). По количеству ям на вскрытую площадь Ошское поселение сходно с Дальверзином. Большинство дальверзинских ям, вырытые в лессовом грунте, по размерам значительно превышали ошские ямы. Также много ям было на Чустском поселении. В основном раскопе расчищено 163 ямы. В ходе работ 1982 г. обнаружено еще 80 ям (Заднепровский, Матбабаев. 1984б). Преобладали ямы небольших размеров диаметром 0,6 — 1,1 м., как и на Ошском поселении. Обилие ям хозяйственного назначения составляет характерную особенность всех чувствских поселений (Табл. I-II).

Таблица I.

Размеры хозяйственных ям

Яма №№	Диаметр	Глубина	Яма №№	Диаметр	Глубина
1	1,2	0,5	10	0,7	0,5
2	1,3 x 1,0	0,5	11	0,5	0,5
5	1,2	1,1	12	1,1	0,5
6	0,7	0,5	13	0,9	0,7
7	1,3	1,3	15	1,3	1,2
8	0,9	0,5	46	1,0	0,9
9	1,0	0,6			

Приведем также размеры всех ям, расчищенных в землянках V (47-56) и VI (61-70).

Яма №№	Диаметр	Глубина	Яма №№	Диаметр	Глубина
47	1,0	0,5	61	0,85	0,6
48	1,2	0,9	62	0,7	0,7
49	1,3	0,3	63	0,75	0,5
50	0,9	0,5	64	1,0	0,6
51	1,0	0,5	65	0,8	0,7
52	1,1	0,5	68	0,8	0,6
53	1,0	0,5	69	1,2	0,6
54	1,0	0,5	70	0,7	0,5
55	1,0	0,5			
56	1,2	0,7			

Ямы вырыты в полах землянок обеих групп и за их пределами в разных частях раскопа. Все ямы округлые или овальные в плане, с диаметром устья немногим меньше диаметра дна, поэтому они слегка расширяются ко дну. В зависимости от глубины по форме различаются бочковидные, конусовидные. Все ямы выбиты в каменном грунте, заглажены, но следов обмазки не сохранили. Размеры их самые разнообразные. (Табл. 1)

Наиболее часто встречаются мелкие ямы глубиной 0,5 — 0,7 м. с диаметром устья от 0,5 до 1,2 м. Больших ям было меньше, глубиной 0,9 — 1,3 м. и с диаметром устья 1,0 — 1,3 м. Самая большая яма 60, овальной в плане формы, размером 2,0 x 1,1 м. расположена в котловане VI землянки. Имеются соединенные ямы в виде восьмерки (яма 45) и даже соединение трех ям (50, 54, 55 в котловане V). Из этих ям извлечена основная масса находок, преимущественно обломки глиняной посуды. В заполнении ям находилось разное количество керамики, от десятка и до сотни обломков сосудов, а также единичные орудия из камня. В каждой яме были перемешаны венчики, стенки и донца нескольких сосудов всех основных четырех групп чувской керамики. Из этого можно заключить, что заполнялись они не постепенно, а при разовой уборке жилищ. В отличие от других поселений, в культурном слое и большинстве ям Ошского поселения не сохранились кости животных и поделки

Таблица II

Находки керамики по группам в ямах и землянке IX и XI

Группы керамики	Землянка IX												Землянка XI	Итого	
	яма 124	яма 122	яма 125	яма 114	яма 116	яма 105	яма 106	яма 107	яма 108	яма 123	яма 266	яма 235			
I. стенки	90	18	34	42	40	52	30	16	72	46	266	235			
венчики	13	5	8	13	11	12	2	2	18	5	50	35			
донца	5	4	-	-	4	3	2	2	2	1	10	13			
ткань	1	1	-	-	1	-	-	-	-	1	9	7			
заготовки	1	1	-	-	-	2	1	2	-	2	1	-			
II. расписная	4	4	-	-	-	6	4	6	9	3	71	72			
III. кухонная ст.	26	4	1	2	-	10	2	4	10	5	35	54			
венчики	6	-	-	-	-	4	2	2	-	1	10	8			
заготовки	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-			
IV. толстостенные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
стенки	11	4	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-			
ВСЕГО:	159	41	45	58	56	89	43	34	112	64	454	426			

из кости и рога. Однако, довольно много костей было в яме 43 и 44. Только в четырех ямах собрано большое количество угля, достаточное для радиоуглеродного анализа. При этом в яме 42А уголь и зола образованы в результате горения в самой яме. При этом огонь был сильным. В ней найдено несколько пережженных костей. В яме 30 землянки III наряду с углем обнаружено несколько костей животных.

Надо отметить, что земляные работы на Ошском поселении по устройству террас, строительству полуземлянок и рытье многочисленных хозяйственных ям требовали исключительно больших затрат труда, в условиях малой производительности орудий того времени.

3. КЕРАМИКА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ.

Глиняная посуда, и прежде всего сосуды, украшенные росписью, служат основным и наиболее массовым материалом для изучения культуры, хронологии и определения места Ошского поселения в общей системе раннеземледельческих чустских памятников Ферганы. В комплексе представлены ведущие разновидности, типичные для чустской керамики. Вся керамика лепная, за исключением единичных обломков сосудов, изготовленных на гончарном круге, найденных в Дальверзине и в Чусте. Вопрос о принадлежности их к основному комплексу остается открытым в виду сходства с красноангобированной керамикой даваньского периода. Только в таком случае как, например, находка в раскопе на северном склоне Сулайман-Тоо, можно было однозначно датировать их.

В среднеазиатской археологии до сих пор нет единого мнения относительно методов и принципов классификации керамики. Это относится и к классификации керамических материалов чустской культуры. За первые пять лет раскопок на Дальверзине было собрано более 100.000 фрагментов сосудов. По этим большим материалам разработана первая подробная классификация керамики Дальверзина, крупнейшего поселения чустской культуры. В книге «Древнеземледельческая культура Ферганы» (Заднепровский, 1962 г.) по характеру глиняного теста (массы) и по облицовке автор выделил семь типов, которые в свою очередь подразделил на основные формы сосудов. Впервые было подсчитано количество находок всех типов.

Основную массу составляет керамика I типа — с красной облицовкой — 73%. Она подразделена на 20 основных форм по особенностям формы сосудов и их назначению — кувшины, миски, чаши, горшки, кружки, миниатюрные сосуды. II тип — с красной облицовкой и расписным орнаментом. Вследствие фрагментарности сосудов с росписью, форма которых одинакова с первым типом, основное внимание обращено на выделение групп орнаментальных мотивов — классификацию расписного орнамента. Основные формы охарактеризованы для керамики III типа с белой облицовкой, V типа черно-сероошечной посуды, VI типа сероглиняной кухонной и VII типа — толстостенных корчаг с шамотом и хумов (Заднепровский, 1962а. С. 24-30).

Иная классификация керамики Чуста опубликована В.И.Спришевским (1963. С. 9-10). По внешним признакам она делится на четыре основных типа: 1) сосуды с залощенной, покрытой красным ангобом поверхностью,

2) сосуды с залощенной поверхностью, покрытой красным ангобом и расписным орнаментом, 3) сосуды без лощения, ангоба и росписи, 4) сосуды «кухонные». Первый, второй и четвертый типы сходны с Дальверзином, а третий, очевидно, соответствует III, IV и VII типам Дальверзина. Для каждого типа перечислены характерные разновидности форм сосудов. Приведенная классификация не полна и, как показали повторные работы, проведенные нами в 70-80 гг., не отражает всего разнообразия комплекса Чуста. Следует оговорить, что В.И.Спришевский называет покрытие сосудов красным ангобом. В своих работах я употребляю термин «облицовка» во избежание терминологической путаницы с красным ангобом, характерным для керамики первых веков н.э. Тем более, что и качество ангоба чустских сосудов сильно отличается от позднейшей красноангобированной керамики. Более подробно о классификации В.И.Спришевского сказано в статье Б.Матбабаева (1984 и 1988 гг.).

В ходе дальнейшего исследования возросшей коллекции Дальверзина выявилась необходимость усовершенствования принципов классификации керамики, и автором была разработана новая типологическая классификация, состоящая из четырех таксономических единиц. В ней место типа занимает «группа», а основные формы разделены на классы и типы. При детальном изучении некоторых типов возможно выделение видов.

Весь комплекс керамики еще в полевых условиях делится на группы с подсчетом количества всех фрагментов. Выделение классов и типов осуществляется при камеральной обработке материалов.

Группы выделены по технологическим признакам, а именно по составу глины, способу изготовления и отделке поверхности (цвет ангоба — облицовки, наличие или отсутствие лощения и росписи). В Дальверзине таких групп шесть: I — с красной облицовкой, II — с красной облицовкой и росписью, III — с белой облицовкой, IV — серо-чернолощенная, V — сероглиняная (кухонная), VI — толстостенная (корчаги и хумы). Следует оговорить, что седьмая разновидность — керамика IV — без облицовки, представленная единичными образцами, как особая группа, не включена в классификацию.

Каждая группа подразделяется по морфологическим особенностям и назначению, т.е. по функциональному признаку, на классы. Сосуды I группы объединены в 8 классов: 1) чаши, 2) миски, 3) миски с перегибом бортика, 4) горшки конической формы, 5) горшки вытянутые, 6) кувшины, 7) миниатюрные сосуды, 8) сосуды редкой формы. Каждый класс в свою очередь делится на типы по профили-

ровке, по пропорциям и размерам, по наличию и отсутствию носиков-сливов, ручек и других деталей. Далее некоторые типы могут быть подразделены на виды. Такая дробная классификация возможна лишь для массовых групп керамики — первой и пятой. Кухонная керамика — V группа — включает четыре класса: корчаги, котлы, горшки и жаровни, подразделенные на типы. Приведенная классификация опробована на материалах Чуста и ряда небольших поселений и изложена в докторской диссертации автора (Заднепровский. 1978б). С нашей методикой классификации керамики в ходе раскопок ознакомился Б.Х.Матбабаев, который успешно применил ее к материалам Чустского поселения (Матбабаев. 1985).

Приемы классификации, выработанные на больших коллекциях Дальверзина и Чуста, использованы при изучении керамики Ошского поселения.

На Ошском поселении, как и на остальных памятниках, преобладают образцы I группы с красной облицовкой. Сосуды изготовлены из глины с примесью веществ, придающих облицовке красный цвет разного оттенка. Состав массы различается в зависимости от формы и величины сосудов — от однородной, хорошо отмученной глины в чашах небольшого размера до грубо помешанной массы в более толстостенных мисках и кувшинах. Заметны также различия и в характере обжига. Поверхность сосудов залощена, и на ней разбросаны пятна разного цвета — от светло-коричневого до черного. Изготовлены сосуды ленточным способом и с использованием матерчатого шаблона. По морфологическим особенностям, по форме и предполагаемому назначению, сосуды I группы делятся на семь классов, которые подразделяются на типы. В качестве типа выделяются формы сосудов по морфологическим и метрическим признакам, представленные несколькими образцами в материалах поселения.

Класс чаши. По форме дна, профилировке стенок и по размерам выделены следующие типы (Рис.35):

1. Круглодонная чаша со слегка загнутым внутрь венчиком, диаметром (далее Д) — 8 см., высотой (далее В) — 4 см.
2. Полусферическая чаша со слегка отогнутым наружу венчиком. Д — 10 см., В — 7,5 см.
3. Круглодонная чаша с сильно изогнутым венчиком, образующим шейку, Д — 10 см., В — 7 см.
4. Чаша плоскодонная с прямыми стенками, Д — 12 см., В — 9,0 см.

5. Чаша плоскодонная с прямыми стенками и отогнутым наружу венчиком, Д — 14 см.
6. Чаша на поддоне с наклоненными стенками, Д — 16 см.
7. Чаша на поддоне с пологими стенками, переходящими в прямые, Д — 12 см.

Класс миски с плавно изогнутыми стенками. Типы:

1. Миски с округло-уплощенным дном и прямой закраиной, Д — 24 и 30 см.
2. Миски с загнутой внутрь закраиной, Д — 20 см.
3. Миски со слабоотогнутой наружу закраиной, Д — 18 см.
4. Миски аналогичные, но Д — 30 и 40 см. (Рис.35).

Класс миски с перегибом бортика. Типы:

1. Миски круглодонные с плавным перегибом, ширина бортика 4-5 см., Д — 22 и 32 см.
2. Миски круглодонные с резким перегибом стенок и отогнутой наружу закраиной, ширина бортика 6-8 см., Д — 30-36 см.
3. Миски на поддоне (Рис.36).

Класс конических горшков с плоским дном, стенки вытянуты в виде раструба. Типы:

1. Горшки с прямыми стенками, Д — 13 см., В — 14,4 см.
2. Горшки с сильно отогнутыми наружу стенками, Д — 16 см.
3. Горшки с плавно-изогнутыми стенками, слегка загнутыми внутрь, Д — 18 см., В — 17 см.
4. Горшки банкообразные, Д — 17,5 см., В — 14 см. На таких горшках были наклеплены ручки прямоугольной формы с вертикальным отверстием для шнура (Рис.36-1-12, 37).

Класс кувшинов. Типы:

1. Круглодонный кувшин с шаровидным туловом и широкой горловиной. Наиболее часто встречались венчики Д — 20-22 см., В — 5-6 см. у кувшинов В — 30 см. и наибольшим Д — 30 см.
2. Кувшин реповидный, сплюснутой формы с низким венчиком, Д — 16 см., В — 20 см., наибольший Д — 26 см.
3. Плоскодонный кувшин с узкой горловиной, Д — 7,5 см. На обломках кувшинов имеются наклепные ручки конической формы (Рис.37).

Класс миниатюрных сосудов. Типы:

1. Кувшинчик с выпуклым шаровидным туловом и отогнутым венчиком Д — 5,8 см.
2. Кувшинчик грушевидной формы, Д — 6 см.
3. Кувшинчик шаровидной формы на поддоне.

4. Цилиндрической формы сосуд с круглым дном, Д — 3,6 см., В — около 4 см.

Класс сосудов редкой формы представлен кубком, от которого сохранилась только часть ножки-подставки, круглой в сечении, Д — 3,2 см. (Рис.35-9).

Таков был достаточно разнообразный ассортимент столовой посуды. На обломках сосудов I группы изредка встречаются просверленные отверстия — следы ремонта сосудов, что свидетельствует о стремлении продлить время их использования.

II группа — с красной облицовкой и росписью (расписная керамика) составляет один из наиболее выразительных признаков чувствской культуры в целом. По составу глины и отделке она практически не отличается от посуды первой группы. Но сосуды с росписью, как правило, лучшего качества и с более яркой красной облицовкой. В коллекции имеются образцы всех классов, типичных для I группы, за исключением миниатюрных сосудов, которые, вероятно, вообще не украшались орнаментом. Отметим, что росписью покрыта круглая ножка от кубковидного сосуда, уникальной находки на поселении. Зубовидный узор нанесен на донце ножки, и он был виден только тогда, когда кубок перевернут вверх дном (Рис.51-7). Фрагментарность находок не позволяет выявить формы, характерные только для расписной керамики.

Керамика с белой облицовкой отсутствует в комплексе Ошского поселения.

III группа — черно-серолощенная — резко отличается по составу глины и по черноватому цвету поверхности с лощением. Эта, по всей вероятности, привозная керамика, которая была представлена семью фрагментами, не позволяющими определить форму сосудов. Несмотря на малочисленность сосудов, III группа наряду с расписной, имеет особое значение для сравнительного изучения комплексов керамики. В Дальверзине они составляют 0,1 % всей коллекции, в которых выделено не менее шести разновидностей разных классов. Единичные образцы обнаружены на Чимбайском и Хожамбагском поселениях. В Чусте находки ее отсутствуют. Все четыре поселения с черно-серолощенной керамикой сосредоточены на востоке Ферганской долины.

IV группа — керамика, украшенная гребенчатым штампом и вдавленным орнаментом. Всего найдено пять экземпляров, которые по внешнему виду отличаются от керамики с красной облицовкой, черно-серолощенной и от сероглиняной кухонной. Цвет поверхности светло-розовый. На окатанном кружке фрагмента сосуда имеется горизонтальная

полоса круглых ямок, продавленных палочкой. Ниже сохранилась часть параллельной полосы, а также вертикальный ряд ямок. Вертикальные ряды ямок имеются еще на двух фрагментах. На двух образцах узор нанесен гребенчатым штампом разной формы. На одном — два ряда вертикальных оттисков на расстоянии друг от друга, на втором — расположенные тесно оттиски более широкого штампа. Подобная орнаментация встречена впервые в обширном комплексе чувстской керамики Ферганы, насчитывающей более 500.000 фрагментов (Рис. 15, 45-1-5). Она более характерна для глиняной посуды племен степной бронзы. С этим предположением согласилась Е.Е.Кузьмина, прекрасный знаток керамики андроновских и других степных культур. По ее мнению, четыре образца бесспорно принадлежат степной бронзе, а фрагмент с мелким штампом вызывает сомнение. Однако, привести прямые аналогии невозможно в силу фрагментарности находок. Рассмотренные образцы резко отличаются по фактуре и штампованному узору от фрагментов типично андроновского орнамента, найденного на соседнем с Ошским

Рис. 15. Керамика степной бронзы.

поселением Чаян-Тепе, на окраине Оша (Рис.45-8) и в одном из курганов в Темир-Коруга (Рис.45-7). Только на Ошском поселении в одном слое обнаружены образцы расписного и штампованного орнамента, представляющие две разные традиции. В этой связи следует вспомнить и присоединить к нашей серии находку 1946 г. у подошвы Сулайман-Тоо — обломка сосуда с резным елочным узором, который А.Н.Бернштам относил к карасукской керамике или к посуде андроновско-карасукского облика рубежа II — начала I тыс. до н.э. (Бернштам. 1952а. с. 186).

V группа — сероглиняная кухонная керамика. Она отличается по технологическим признакам. Изготовлена с большой примесью известняка в качестве отощителя. Поверхность сосуда и в изломе серо-черного цвета и часто покрыта копотью. Черепок в изломе рыхлый. В коллекции поселения имеются образцы классов котлов, горшков, миниатюрных сосудов и жаровни.

Основные типы:

1. Широкогорлый котел реповидной формы, с уплощенным дном и отогнутым венчиком, Д — 30 см., наибольший Д — 46 см., В — 30 см. Вся нижняя половина котла закопчена (Рис.38-1).
2. Широкогорлый горшок с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком, Д — 18 см., наибольшая Д — 28 см. На плечиках нанесен резной треугольник. Это единственная на поселении находка кухонного сосуда с узором.
3. Горшок шаровидной формы с высокой горловиной, Д — 14-16,5 см. (Рис.38-6).
4. Горшки шаровидные с низкой горловиной, Д — 14 см. (Рис.38-2,3).
5. Плоскодонные горшки, Д — 12-14 см., В — 14-15 см.
6. Миниатюрные горшки с плавно отогнутой закраиной, плоскодонные с резко отогнутым венчиком, Д — 6,5-8 см., В — 8,4 см.
7. Жаровни с низким бортиком, Д — 28 см. (Рис.38-7).
8. Сосуд с носиком-сливом. По небольшому фрагменту форма не может быть охарактеризована (Рис.38-4).

VI группа — толстостенная керамика. Из общей массы керамики с красной облицовкой отделена VI группа, которая по фактурным признакам сходна с первой, но отличается тем, что сформована из грубо перемешанной глины с примесью шамота и имеет большие размеры сосудов (корчаги, хумчи). Фрагменты этих сосудов выделяются по толщине стенок, равной 1,2 — 2,5 см., тогда как у сосудов I группы они не превышают 0,5 — 1 см. Отличаются они по назначению, поскольку использовались для хранения продуктов и служили тарной посудой. Венчиков

этой группы на поселении найдено мало, и они не позволяют восстановить форму сосудов.

В материалах Ошского поселения, как и на других памятниках, довольно много круглых грузиков с неровными краями, сделанных из обломков разных сосудов четырех групп. В центре их просверлены отверстия. Образцы без отверстия, вероятно, служили заготовками для производства грузиков. Они различаются по размерам от 2-3 см. до 10 см. Кроме того, имеется заготовка прямоугольной формы с зашлифованными краями.

Орнамент расписной посуды.

Роспись на сосудах выполнена черной краской по красной облицовке. Узоры наносили кистью свободно и порою небрежно, судя по потечкам краски и неодинаковой толщине линий, иногда заканчивающихся каплевидным расширением. Классификация проводится по образцу орнамента Дальверзина по элементам, узорам (мотивам) и в тех случаях, когда это возможно, по композиции в целом. Элемент — это неделимая единица, являющаяся составной частью узора. Мотив — повторяющаяся часть орнамента, включающая несколько элементов (Иванов. 1963. С. 42). Композиция образуется сочетанием мотивов и дополнительных элементов, заполняющих свободное пространство. Следует оговорить, что фрагментарность материала и небольшие размеры обломков в большинстве случаев не позволяют реконструировать композицию орнамента. Также не всегда возможно четко разграничить элемент и узор орнамента. Классификация орнамента Ошского поселения включает шесть групп.

Первые три группы выделены по способу заполнения узора — сеткой (решеткой), сплошной заливкой (силуэтные узоры) и ромбами, наподобие шахматной доски. К четвертой группе отнесены узкие полосы-«лестницы» и треугольники с поперечной штриховкой. Пятая включает дополнительные и редкие элементы, в том числе растительные. В шестую группу объединены элементы украшения венчика сосуда с внутренней стороны, широко распространенные в чувстской керамике. Контуры многих фигур, как правило, окаймлены более толстой линией, чем сетка.

Классификация орнамента.

I. Узоры, заштрихованные сеткой (Рис. 49):

1-2. — цепочка ромбов, вытянутых горизонтально и вертикально в обрамлении горизонтальных линий сверху и снизу. На одном образце ромбы с бахромой;

3. — полоса ромбов, небольшого размера, соединенная с полосой треугольников, с просветами между ними;
4. — горизонтальные две полосы небольших прямоугольников вдоль венчика, заштрихованные сеткой в шахматном порядке;
5. — горизонтальные полосы крупных ромбов, заштрихованные сеткой в шахматном порядке;
6. — вертикальный ряд заштрихованных ромбов с небольшими окрашенными кружками на боковых выступах, окаймленные с двух сторон вертикальными зигзагами. От третьего ромба сохранилась только небольшая часть;
7. — узор из двух полос клиновидных фигур, соединенных вершинами так, что они образуют ромбовидные просветы. Имеется образец с пятью просветами;
8. — горизонтальная лента заштрихованная сеткой, опоясывает сосуд ниже венчика;
9. — вертикальная лента;
10. — две вертикальные клиновидные полосы, заполненные в верхней части треугольниками, внизу ромбами, заштрихованные сеткой;
11. — узор из трех клиновидных полос с заштрихованными треугольниками и ромбами, по сторонам полосы со сплошной штриховкой сеткой;
12. — две клиновидные полосы, заполненные заштрихованным треугольником и шестиугольной фигурой в центре;
13. — вертикальная заштрихованная полоса с поперечным изогнутым просветом;
14. — две клиновидные полосы, на одной вверху треугольный просвет, на второй просвет в виде узкой диагональной полоски;
15. — две клиновидные фигуры доходящие до дна. Вариант представлен клином, завершающимся острием;
16. — несколько заштрихованных клиньев, расположенные вдоль донца вершинами вверх.

II. Силуэтные узоры со сплошной закраской и просветами разной формы (Рис. 50):

1. — узор из двух полос клиньев, соединенных вершинами и образующих ромбовидные просветы красного фона. Один из излюбленных в чувстском орнаменте. Преимущественно распространен на крупных мисках с перегибом бортика. В виде бордюра занимает всю поверхность бортика. Найден образец узора с пятью просветами. Ширина бордюра варьирует от 5 до 8,4 см. Клиновидные фигуры изображены как строго вертикально, так и с наклоном влево или вправо. Этот узор чередуется,

как правило, с зубовидным, который примыкает к верхним и нижним частям клиньев;

2. — такой же клиновидный узор, но шириною менее 3 см. опоясывает верхнюю половину сосуда;

3. — такой же узор с дополнительным элементом в виде заштрихованного ромба;

4. — редкая композиция, в которой часть узора располагается диагонально к вертикальным клиньям;

5. — вариант узора шириною 5 см с просветами иной формы, в виде параллелограмма;

6. — вертикальная клиновидная полоса с просветами, верхний в виде треугольника, остальные в виде ромбов. Клино обычно заканчивался острием;

7. — горизонтальная полоса с ромбовидными просветами;

8. — широкая вертикальная полоса с тремя рядами просветов четырехугольной формы;

9-10. — зубовидный (пилообразный) узор из нескольких соединенных клиньев разной формы и размеров, в зависимости от величины сосуда, вершинами вниз от венчика и даже на бортике сосуда вершинами друг к другу. Один из распространенных в чувстском орнаменте в качестве основного мотива. Как дополнительный элемент украшает сосуды разных классов — чаши, миски, горшки и кувшины. Преобладает нечетное количество клиньев — 3, 5, 7;

11. — аналогичный узор, исполненный короткими прямыми отрезками;

12. — плечики кувшинов украшены зубовидным узором большого размера;

13. — зубовидный узор на сливах и носиках;

14-15. — вертикальные полосы, заполненные несколькими рядами коротких отрезков узора из 3-4 клиньев в горизонтальном и наклонном положении;

Особо выделяются несколько зооморфных силуэтных узоров и прежде всего уникальные изображения козлов.

16. — фигурка козла, образованная двумя соединенными треугольниками, головой вправо. Сохранились все четыре прямые ноги, хвост и часть бороды, а также признак пола. Размер фрагмента сосуда 4 x 3 см. (Рис.52-2);

17. — аналогичная фигура козла на фрагменте чаши с венчиком, со схематично изображенной мордой и двумя огромными рогами во всю длину тела. Слегка намечен признак пола. Ноги не сохранились. Фигура козла сверху ограничена зубовидным узором, свисающим с венчика. Из четырех клиньев один касается рогов. Длина сохранившейся фигурки 4,5 см. (Рис.52-1);

18. — часть большой треугольной фигуры, заканчивающейся наверху тремя отростками, придающими ей зооморфный вид (Рис.52-4);

19. — частично сохранившаяся криволинейная дуговидная фигура с несколькими отростками в трех разных направлениях, придающими зооморфный вид (Рис.52-3);

20. — фигура из двух вертикальных отрезков, перекрытых изогнутой кривой полосой, сходная по форме с длинноногой птицей (Рис.52-15).

III. Ромбовидные узоры, закрашенные наподобие шахматной доски (Рис.51):

1. — два ряда ромбов в горизонтальном положении, закрашенных в шахматном порядке, рядом с крупными клиньями зубовидного узора;

2. — треугольная фигура (частично обломанная), заполненная четырьмя вертикальными ромбами;

3. — треугольная фигура, закрашенная горизонтальными ромбами;

4. — два горизонтальных контурных больших ромба, закрашенных горизонтальными ромбами;

5. — диагональная полоса на бортике миски, заполненная пятью диагональными рядами ромбов в сочетании с зубовидным узором;

6. — клиновидная фигура, заполненная четырьмя рядами ромбов, по два ромба в каждом и рядом крупные клинья зубовидного узора;

7. — вертикальная полоса с вертикальными рядами мелких ромбов.

IV. Треугольники, заштрихованные вертикально, «лестницы» (Рис.51):

1. — треугольник вершиной вниз, заштрихованный поперечными линиями;

2. — узкая полоска, заштрихованная редкими поперечными линиями (напоминает лестницу);

3. — две полоски («лестницы»), расположенные диагонально к венчику, с редкой поперечной штриховкой;

4. — узкая полоска из трех параллельных линий с редкой диагональной штриховкой;

5. — две узкие вертикальные ленты с диагональной штриховкой, в сочетании с зубовидным узором;

V. Знаки, дополнительные элементы, растительные узоры (Рис.52):

1-4. — знаки в виде букв X, W, M. Одиночные или расположенные вертикальными и горизонтальными рядами;

5. — знак в виде буквы X с загнутыми нижними концами;

6. — два горизонтально расположенных зигзага, нанесенных толстой кистью;

7. — два зигзага, расположенные тесно друг к другу в диагональном положении;

8. — силуэтный узор, обычно называемый бабочка;
9. — схематическое изображение орла;
10. — узор в форме свастики, на концах лопастей по три отрезка (Рис.52-6);
11. — две прямые линии перекрещены и в месте их соединения закрашенный кружок (Рис.52-8);
12. — булавообразная фигура;
- 13-16. — растительный узор в виде епочки разной формы (Рис.52-13, 14, 18).

VI. Узоры на внутренней стороне венчика ограничены и включают:

1. — прямую полосу;
2. — фестоны треугольников;
3. — небольшие треугольные насечки и зубовидный узор;
4. — короткие или длинные вертикальные полосы в зависимости от величины сосуда;
5. — короткие или длинные полосы, расположенные диагонально к венчику.

Всего в материалах Ошского поселения выделено 70 элементов и сочетаний.

Форма сосуда предопределяла выбор орнаментальных узоров. Полусферические чаши украшены узкой полосой вдоль венчика или в виде фриза, опоясывающего верхнюю часть сосуда. Преобладает горизонтальное расположение элементов. Композиция проста и в большинстве случаев основана на непрерывном повторении одного элемента, чаще ромба или зубовидного узора. Фриз часто окаймлен горизонтальными линиями вверху и внизу. Очень редко на чашах встречаются вертикальные полосы, заполненные рядами ромбов в сочетании с зубовидным узором. В свободном поле помещали узор бабочки или знаки X, M.

Иная орнаментальная композиция характерна для горшков, вытянутых в высоту и поэтому преобладают вертикальные полосы, спаренные клинья, заштрихованные сеткой или заполненные силуэтными или заштрихованными треугольниками и ромбами. На одном горшке изображены три спаренные полосы со штрихованными треугольниками и ромбами, которые чередуются с зубовидным узором, состоящим из трех клиньев. Любопытно особое пристрастие гончара к нечетному количеству элементов. Горизонтальное расположение орнамента свойственно также для крупных мисок с перегибом бортика. Украшен только бортик в виде бордюра из двух рядов клиньев, образующих ромбовидные просветы. Этот орнамент, как правило, силуэтный и чередуется с зубовидным узором. Узоры, заштрихованные сеткой, встречаются реже.

Роспись на кувшинах часто ограничивается зубовидным узором на шейке или плечиках. На крупных сосудах вся верхняя половина покрыта вертикальными полосами со сплошной штриховкой или заполненными внутри геометрическими фигурами.

Таблица III

**Распределение по группам керамики
Ошского поселения за 1978 и 1979 гг.**

Группы керамики	1978	1979	1978-1979	в %%	
I. с красной облицовкой, в том числе: стенки	254	4152	4406	76,3	
венчики	173	3139	3312		
донца	65	708	773		
грузики	13	192	205		
грузики заготовки	-	20	20		
с отпечатками ткани	1	65	66		
ручки	2	26	28		
	-	2	2		
II. расписная	17	326	343		5,7
III. сероглиняная кухонная, в том числе: стенки	44	632	676		11,7
венчики	38	477	515		
донца	5	138	143		
с отпечатками ткани	1	5	6		
носики-сливы	-	2	2		
ручки	-	4	4		
жаровни	-	5	5		
IV. толстостенная, в том числе: стенки	30	321	351	5,2	
венчики	26	289	315		
	4	32	36		
ВСЕГО:	345	5431	5776	98,9	

Обратимся к количественным показателям. Собранная на поселении коллекция керамики, которая целиком хранится в Ошском музее-заповеднике, достаточно представительна. Всего учтено 21.433 фрагмента. На таблице III показано распределение по группам керамики, добытой в первые два года раскопок (1978-1979 гг.). Группа с красной облицовкой составляет более 3/4 всего комплекса. Подсчитаны отдельно стенки, венчики, донца, грузики и их заготовки, а также фрагменты с отпечатками ткани и ручки. Также подробно проведен учет кухонной посуды, в которой дополнительно выделены носики-сливы, наклепные конические ручки и единичные находки жаровен. Эти две группы составляют основную массу коллекции — 88 %. Образцов, украшенных росписью, оказалось в процентном отношении необычно много — 5,7 %. Учтена

она в целом, без выделения стенок, венчиков и донцев. Значительно меньше, чем на других поселениях, собрано толстостенной (тарной) посуды. На таблице IV-V приведено количество и процентное соотношение керамики четырех групп за 1978-1979 гг. и за все годы работ (1978-1984 гг.). Сопоставление данных показало, что с увеличением количества находок величина в процентах керамики I группы не изменилась, возросла доля расписной до 7,6 % и сократилось количество тарной до 3 %, незначительно вырос удельный вес кухонной посуды.

Таблица IV
Распределение по группам керамики Ошского поселения

Группы керамики	1978-1979	1978-1984	1978-1984
	в %	количество	в %
I. с красной облицовкой	76,3	16351	76,3
II. расписная	5,7	1638	7,6
III. сероглиняная кухонная	11,7	2787	13,0
IV. толстостенная	5,2	650	3,0
ВСЕГО:	98,9	21433	99,9

Таблица V
Распределение по группам керамики из поселений Узгенского оазиса, Хожамбага и сравнение с данными по Чусту и Дальверзину, Ошскому поселению

Группы керамики	Поселения	Дехкан	Чимбай	Кзыл-Октябрь	Кара-Кочкор I	Кара-Кочкор II	Поселение 33	Всего по оазису		Хожамбаг		Чуст 1974	Дальверзин 1959-1974	Ошское поселение	
								кол-во	%	кол-во	%			кол-во	%
I	с красной облицовкой, в том числе: венчики	1598	563	1306	267	48	43	3825	83,1	4238	61,7	32,6	72,0	16351	76,3
II	расписная	206	85	-	37	8	7	-	-	-	-	0,6	1,7	1638	7,6
III	с белой облицовкой	1	-	4	-	-	-	5	0,1	7	0,1	28,7	0,9	-	-
IV	серо-черно-лощенная	5	-	-	-	-	-	4	0,1	1	-	-	0,1	-	-
V	сероглиняная (кухонная), в том числе: венчики	272	157	7	182	88	16	722	15,7	1576	22,9	28,3	16,6	2787	13,0
VI	толстостенная (тарная)	36	18	-	31	12	4	37	0,6	229	15,2	9,7	8,5	650	3,0
	ИТОГО:	1898	734	1317	452	136	61	4598	99,7	6868	99,95	99,9	99,8	21433	99,9

V Каменные изделия.

Многочисленный и разнообразный набор каменных орудий и предметов, использовавшихся в хозяйстве и быту, составляет специфическую особенность культуры чустских общин.

На Ошском поселении собрано 530 каменных изделий, большая часть которых приходится на обломки зернотерок, отбойники, разнообразные песты и изделия непонятного назначения, но со следами употребления. Все остальные виды представлены небольшим количеством и чаще единичными экземплярами. Каменный инвентарь в целом не отличается от материалов Дальверзина и Чуста. Типологическая классификация материалов Дальверзина по назначению разработана автором в докторской диссертации (Заднепровский. 1978б). Более подробная классификация каменных изделий Дальверзина опубликована в работе Ю.А.Заднепровского и Т.Ширинова «Каменные изделия и их роль в хозяйстве древних обитателей Дальверзинтепа» (Заднепровский, Ширинов. 1983), а также в книге Т.Ширинова «Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья» (Ширинов. 1986). Небольшая, по сравнению с Дальверзином, коллекция Ошского поселения разделена по назначению и способу использования на такие же группы, как и в Дальверзине.

I. Орудия труда и предметы труда, применяемые в земледелии и рыболовстве (Рис.53):

1. Серпы — наиболее характерные орудия для чустской культуры. Найдено 15 целых и обломанных экземпляров. Они собраны в разных местах раскопа: по одному в землянках I и IX, четыре на северо-восточном участке, в том числе в ямах 122, 124. Серпы сильно изогнутой формы с прямым утолщенным обушком, хорошо зашлифованные. Верхний конец заострен, а нижний расширен для крепления в деревянной рукояти. Длина 13 и 16,4 см. Имеются образцы мало изогнутой формы и с прямым рабочим лезвием.

2. Массивные заготовки для изготовления серпов из продолговатой речной гальки. Заготовке уже в начальной стадии грубыми сколами придана серповидная форма. Размеры 15 x 7 см, толщина 2 см, тогда как толщина серпов в среднем 0,8-1 см. (Рис.56-3).

3. Песты и терки разной формы с плоским и закругленным основанием. Часто встречаются цилиндрические песты, круглые в сечении, диаметром 3, 4 см. (Рис.54).

4. Ступки. Особо выделяется массивная ступка, овальная в сечении (диаметр 24 см), с круглым чашевидным углублением на верхней поверх-

ности, диаметром 10 см. Нижняя часть ступки уплощенно-округлая. Цвет поверхности светло-серый. Она хорошо заглажена и зашлифована (Рис.55).

5. Зернотерки представлены, как правило, большим количеством обломков. Целая зернотерка прямоугольной формы с выступающими по краям бортиками, размером 24 x 10 см., толщиной 2,5 см. найдена только в северном раскопе. Зернотерка овальной формы с обломанным краем, размером 32 x 26 см. Особо отметим большой обломок массивной зернотерки толщиной 3 см. с двухсторонней рабочей поверхностью. На одной из них у бортика имеется небольшое круглое углубление диаметром 3,5 см. Вероятно, это изделие с ямкой использовалось для разбивания косточек плодов. Аналогичная зернотерка с ямкой, диаметром 5 см., найдена в Азербайджане (Бунятов. 1957). Также много было терок — верхних частей зернотерок (Рис.56).

Всего в коллекции насчитывается более 140 обломков. Ошские зернотерки по размерам меньше дальверзинских и, следовательно, они были легче по весу, их удобнее было перемещать с места на место.

6. Мотыга лопатковидной формы, длиной 16,5 см, плоская с обеих сторон, с узкой выделенной рукоятью, с прямым рабочим краем, шириною 9 см, поврежденным в ходе работ. Мотыги отличаются от колотушек для дробления руды тем, что у них поверхности выровнены. У колотушек точечными ударами выделена только рукоять, а на большей части сохранена желвачная корка гальки.

7. Грузила с отверстиями в центре, круглой или овальной формы, диаметром 9-10 см., возможно использовали в рыболовстве. Найдено одно целое грузило и три половинки (Рис.54).

II. Орудия для обработки каменных изделий:

8. Отбойники шаровидной формы, диаметром 8-10 см. из твердых пород камня, с многочисленными выщербинами и сколами, появившимися при употреблении. Имеются отбойники овально-плоской формы, диаметром 7,2 см., толщиной 4 см. Это наиболее распространенные изделия на поселении. Учтено около 200 экземпляров.

9. Овальные массивные гальки с желобком на верхней поверхности, служившие для шлифовки орудий. Одно размером 8 x 7 см. с небольшим желобком, другое размером 15 x 12 см. с желобком длиной 12 см., шириною 1 см.

III. Орудия и предметы использовавшиеся для дробления руды, отливки и при обработке металла.

10. Наковальни из твердых пород камня для обработки металлических изделий с закругленными краями и углами, хорошо зашлифованные. Встречены две разновидности: широкие прямоугольные, размером 18 x 10 см., толщиной 4 см. с многочисленными мелкими вмятинами на поверхности и крупными сколами на обоих концах. Другие — узкие, размером 12 x 5,8 см. (Рис.54).

11. Точильные бруски. Прямоугольные оселки слегка расширяющиеся книзу, длиной 9,4 см., с отверстием у верхнего края, в сечении прямоугольные, с закругленными краями. Овальные оселки, длиной 9,8 см. с горизонтальными желобками по краям и поперечными вверху для призывания к поясу (Рис.54).

12. Колотушки — массивные лопатковидные гальки для дробления руды, длиной 24 см. с широким закругленным основанием, шириной 11 см. и более узкой рукоятью со следами обработки, в сечении овальной формы. Другая разновидность — палицевидной формы, длиной 28 см., трехгранная в сечении. На всех орудиях грубые сколы, появившиеся в ходе работы.

13. Литейная форма. Обломок матрицы, размером 12 x 10 см., из плоского куска песчаника. На рабочей поверхности вырезаны два параллельных желобка для отливки стержней, шильев, длиной не менее 6 см. В одном углу цилиндрическое углубление для штифта, соединяющего нижнюю и верхнюю части литейной формы. Нижняя поверхность выровнена грубыми сколами. Небольшой участок прокален до пузырчатого состояния песчаника. Возле желобков камень покрыт копотью (Рис.53-2). Обломок второй матрицы несколько большего размера 18 x 14,5 см. для отливки кинжала, на рукояти которого было три вертикальных рельефных выступа по краям и в середине. Рукоять отделена от клинка двумя рельефными поперечными поясками, длина сохранившейся матрицы оружия 15 см. На рабочей поверхности в правом верхнем углу рядом с отверстием для штифта желобок для отливки стержня. В правом нижнем углу два параллельных желобка для стержней шильев. В левом нижнем углу отверстие для второго штифта. На этом экземпляре была плотно использована вся рабочая поверхность (Рис.53-1).

IV. Символы власти — булава (Рис.53-7):

14. Навершие-булавы в форме усеченного конуса, высотой 4,8 см., с отверстием в центре, хорошо отполированное.

IV. Украшения (Рис.45-12, 13):

15. Бусы сердоликовые, овально-вытянутой формы, длиной 1,3 см. Найдено два экземпляра.

16. Плоская подвеска неправильной овальной формы с отверстием у края, из белого мраморовидного камня, размером 6 x 2,6 см.

V. Игрушки (Рис.53-8):

17. Конический, пулевидной формы предмет с уплощенно-плоским основанием, высотой 5,6 см., который, по рассказам местных жителей, напоминает детскую игрушку — волчок из дерева — дандрак. При этом нам показали, как их употребляли. Иное предположение, выдвинутое Т.Шириновым об использовании подобных предметов, найденных на Дальверзине, в качестве метательных ядер, никак не обосновано. (Ширинов. 1986. С. 62). Единственная находка происходит из ямы 58 в землянке III.

VI. Разные изделия (Рис.54):

18. Овальные уплощенные гальки, размером 7,6 x 6,6 см. с небольшими углублениями на обеих поверхностях, служившие в качестве подпятников.

19. Ложила овальной формы, размером 8,5 x 4 см. и подтреугольной формы 9,4 x 4 см.

Почти все изделия из камня представляют собой различные орудия, и только единичные предметы относятся к числу украшений (бусы и подвески), символов власти (навершие булавы) и детских игрушек (волчок). Многие из них обломаны или пришли в негодность в процессе использования и поэтому оказались в ямах вместе с мусором. Так, например, в ямах землянки I найдены обломок серпа, пест, 11 обломков зернотерок и 12 отбойников.

Кроме перечисленных изделий, на поселении найдено 3 кремневых отщепа эпохи мезолита-неолита, которые происходят, вероятно, из соседней пещеры Орлов на Сулайман-Тоо. В этой пещере небольшие раскопки провел в 50-х гг. А.И.Пошко (Пошко. 1957. С. 29), нашедший материал времени неолита (Ранов. 1968, прим.132; Юнусалиев. 1970). Кремневые изделия вообще не характерны и не встречаются на чувских памятниках (ср. Ширинов. 1986. С. 51), и поэтому совершенно ошибочно включение кремневого наконечника стрелы в сводную таблицу «Чувская культура» в обобщающем труде (составитель таблицы В.И.Сарианиди. Сарианиди и Кошеленко. 1985). На Дальверзине не было никаких кремневых наконечников.

Очень мало оказалось в культурном слое бронзовых изделий — всего три шила-проколки. Наиболее сохранившееся шило — четырехгранное в сечении, заостренное с обоих концов, длиной 12,8 см. Находки бронзовых прокопок обнаружены в 1978 г. в западной прирезке к раскопу; в 1979 г. — в выбросе грунта из землянки I; в 1980 г. — в прирезке к

кв. 1 северной траншеи. Обратим внимание на то, что все они найдены в нижней части южного раскопа, тогда как литейные формы в верхней. В культурном слое обнаружены также несколько небольших кусков шлака.

Условия на поселении оказались очень неблагоприятными для сохранения кости и рога. До нас дошли только мелкие обломки костей животных и лишь два альчика со следами обработки и просверленным отверстием (Рис. 45-9-11). ✓

4. ДАТИРОВКА.

Ошское поселение относится к тому же периоду, как и другие, лучше изученные памятники чустской культуры Ферганской долины. Датировки их менялись, и в литературе существуют разные суждения о хронологии Чуста. Так, в одном и том же издании — журнале КСНИМК, вып. 69, 1957 г. В.И.Спришевский датирует Чустское поселение II тысячелетием до н.э. по сходству керамики с Анау II (Спришевский. 1957. С. 49), а в моей статье на основании сравнения со шкалой культур Анау в Южной Туркмении, с материалами некрополя в Сиалке в Иране и Алексеевского поселения андроновской культуры в качестве наиболее вероятной даты Чустского и Дальверзинского поселений предполагается дата — конец II тысячелетия — начало I тысячелетия до н.э. (Заднепровский. 1957. С. 56). Следовательно, Чуст надо сопоставлять не с Анау II, а с периодом так называемой эпохи варварской оккупации (далее ЭВО), хотя название этого периода в статье не упоминается. К аналогичному суждению о синхронности Чуста с периодом ЭВО и Сиалком в тех же хронологических пределах независимо пришел А.А.Марущенко (Марущенко. 1959. С. 65).

Еще одно суждение принадлежит В.М.Массону, который был знаком с большими коллекциями Дальверзина, но, учитывая общий архаический облик культуры, датировал чустские памятники второй половиной II тысячелетия до н.э. (Массон. 1959. С. 115).

Таким образом, уже на начальном этапе изучения Чуста было выдвинуто три варианта датировки.

Развернутое обоснование абсолютной хронологии Чуста в пределах последних веков II тысячелетия до н.э. и первой трети I тысячелетия до н.э. дано в книге автора "Древнеземледельческая культура Ферганы" (Заднепровский. 1962а). В ней автор опирается на новую периодизацию Южной Туркмении по материалам Намазга-Депе (Массон. 1956), заменившую Анаускую, также на стратиграфическую шкалу эпохи железа по данным Яз-Депе — столичного центра Маргианы (Массон. 1959), и на стратиграфические наблюдения на Елькен-Депе (Марущенко. 1959).

Чустские памятники нашли соответствие в комплексах Анау IVA и Яз-Депе I по периодизации В.М.Массона. Именно в этот период в Южной Туркмении после длительного перерыва возрождается обычай украшения посуды росписью, которая изготавливается вручную, а не на гончарном круге, как в предшествующие эпохи, и в орнаментации вновь стали преобладать геометрические узоры.

Верхняя граница даты VIII-VII вв. до н.э. ограничена начальным этапом эйлатанской культуры. Что же касается нижней даты, то поскольку отсутствуют достоверные данные о предшествующих культурах, вопрос остается открытым. Впервые были использованы радиоуглеродные определения для обоснования хронологии возраста Дальверзина (Романова. Семенцов. Тимофеев. 1972; Заднепровский. 1962а).

К аналогичному заключению о времени Чуста пришел В.И. Спришевский в диссертационной работе о Чустском поселении. При этом он полагал, что дата — рубеж II-I тысячелетия до н.э. (в абсолютных цифрах — XI-VIII вв. до н.э.) относится к последнему этапу жизни поселения, а возникло оно в середине II тысячелетия до н.э. (Спришевский. 1963. С. 12). Таким образом, он предложил, по сути дела, три даты:

1. — Середина II тысячелетия до н.э. — время возникновения Чуста;
2. — Вторая половина II тысячелетия до н.э. — начальный этап;
3. — XI-VIII вв. до н.э. — время последнего этапа существования поселения.

Единственным основанием для ранней датировки послужили каменные навершия булавы, которые, по мнению исследователя, аналогичны находкам на Кавказе середины II тысячелетия до н.э. Однако, он не учел, что подобные предметы появляются на Кавказе и в Передней Азии в более раннее время и доживают до начала I тысячелетия до н.э., что они встречены в Анау и Яз-Депе в слоях Яз1 и на памятниках андроновской культуры. Все это показывает невозможность однозначной датировки булавы. Вопрос о времени возникновения этого поселения, как и культуры в целом, остается открытым. По-видимому, в данном случае была предпринята попытка совместить мою точку зрения с упомянутой выше датировкой В.М. Массона.

В последующие годы В.М. Массон решительно пересмотрел свои взгляды и, не рассматривая вопросы датировки по существу, на синхронистической таблице 1966 г. поместил Чуст наравне с Яз1 в начале I тысячелетия до н.э. (Массон. 1966).

Дальше всех по пути пересмотра и омоложения хронологии Чуста пошел А.И. Тереножкин, ограничив его дату VIII-VII вв. до н.э. (Тереножкин. 1965, 1971). Основанием послужило сходство со скифскими изделиями трехдырчатого псаля, литейная форма для которого обнаружена в Дальверзине. Он явно преувеличил значение одного из элементов культуры, поскольку других скифских предметов нет в чустском комплексе, и не учел всей совокупности данных. Поэтому его попытка передатировки не оправдана, и установленная в моей работе 1962 г. дата является наиболее

вероятной. К такому же заключению, по сути дела, пришел в рецензии на мою работу Б.А. Литвинский (Литвинский. 1965).

Новые данные по хронологии культур поздней расписной керамики Средней Азии были рассмотрены автором в докторской диссертации (Заднепровский. 1978б). Хронологические пределы чустской культуры определены от рубежа II-I тысячелетия до н.э. и до рубежа VIII-VII вв. до н.э. (в абсолютных цифрах XII-XI-VIII-VII вв. до н.э.) и, следовательно, несколько уточнены по сравнению с датировкой в 1962 г. Вместе с тем, принимая во внимание сравнительно небольшую толщину культурного слоя и количество строительных горизонтов в Дальверзине и Чусте, я предложил более узкую дату их в рамках X-VIII вв. до н.э. Широкая датировка от рубежа II-I тысячелетия до н.э. и до VIII-VII вв. до н.э. принята в обобщающем труде "Древнейшие города Кавказа и Средней Азии" с дополнением о том, что, возможно, она включает целиком VII в. до н.э. (Сарианиди, Кошеленко. 1985. С. 193). В последние 20 лет появились новые материалы и новые трактовки культур расписной керамики раннежелезного века (далее РЖВ) и новые интерпретации хронологии по радиоуглеродным определениям. Все это побуждает вернуться к вопросам хронологии Чуста.

Для определения времени появления лепной расписной керамики РЖВ важные стратиграфические наблюдения получены на Улугдепе в подгорной полосе Копетдага (на территории Северной Парфии). В шурфе 1970 г., углубленном до отметки 3,5 м., в нижнем ярусе обнаружены материалы типичные для поры Намазга VI (Сарианиди. 1972). На глубине 3 м. появились единичные лепные фрагменты с росписью. Количество лепной керамики заметно увеличилось в пятом ярусе, и оно преобладало в ярусе IV-II. В слое толщиной 1,5 м. найдено много зернотерок, ступок, пестиков, подпятников, каменные навершия булавы. Все это характеризует новый комплекс типа Яз I. В верхнем ярусе вновь возобладала гончарная керамика. Подробное описание керамики и рисунки находок опубликованы позднее (Сарианиди. 1985).

На основании полученных данных сделаны выводы о сосуществовании комплекса типа Яз I с поздними этапами Намазга VI, о появлении лепной расписной посуды в Северной Парфии в конце II тысячелетия до н.э. и о том, что не исключено более позднее распространение Яз I в дельте Мургаба (Сарианиди. 1971. С. 433-434). В дальнейшем была разработана стратиграфическая колонка по Улугдепе и Елькендепе, которая сопоставлена с периодизацией Яздепе (Сарианиди. 1985. С. 184). При этом Улуг I (I ярус) соответствует Елькену III и Яз II, Улуг II (II-IV

ярусы) — Елькену II и Яз I, а Улуг III (V-VII ярусы) — Елькену I и этапу Намазга VI в Маргиане. Синхронизация основана, как видим, на сравнительно небольших материалах шурфа, и она не отражает важной особенности комплекса Улуг III, в котором ярусы V и VI можно было бы выделить особо, как переходный слой между Намазга VI и Яз I, или отнести их к этапу Улуг II. Подобные переходные слои имеются в материалах Р.Пампелли на южном холме Анау, и в них встречена керамика Анау IVA и более ранняя. По заключению В.М.Массона, эти слои образуют переход от Намазга VI к Яздепе I, который не удалось выявить на памятниках Маргианы (Массон. 1959. С. 102, пр. 24). Следовательно, на двух памятниках отмечается появление расписной посуды в более ранних слоях поры Намазга VI, и, по всей вероятности, сложение культуры типа Яз I происходило на поздних этапах эпохи бронзы, примерно в одно и то же время в центральной (Анау) и в юго-восточной (Улуг) частях подгорной равнины Копетдага.

Обратимся к третьему поселению — Елькендепе, на котором стратиграфически прослежено развитие культуры от эпохи поздней бронзы до эпохи железа середины I тысячелетия до н.э. Елькендепе находится поблизости от Улугдепе и, естественно, между ними много общего в облике культуры. Слой Елькен II с расписной керамикой лежит непосредственно на отложениях Елькен I времени Намазга VI. В нем преобладает лепная, в том числе расписная посуда и в небольшом количестве представлена станковая посуда. При этом исследователь отметил, что в нижних горизонтах слоя еще широко употребляется керамика, характерная для предыдущего времени Елькен I, а роспись встречается редко (Марущенко. 1959. С. 64). Все это напоминает картину, прослеженную на Улугдепе III. Кстати, в поздних раскопках на Елькендепе был выделен четвертый горизонт рубежа II-I тысячелетия до н.э. — переход от позднебронзового к раннежелезному веку. Он помещен между горизонтами X-IX вв. до н.э. и второй половины II тысячелетия до н.э. (Качуриис. 1967. С. 336). Несмотря на то, что обоснование переходного периода на Елькендепе слабо документировано, возможность существования его не может быть исключена. Все рассмотренные переходные комплексы Анау IVA в Улуг III и Елькен II, бесспорно, относятся к начальному этапу распространения лепной расписной посуды. Совсем иное положение в Мургабском оазисе, где известны памятники поры Намазга VI, но переход от них к комплексу Яз I не удалось выявить и, следовательно, Яз I, по сравнению с памятниками подгорной равнины Копетдага, занимает более позднее место в истории РЖВ Юга Туркмении.

Сравнительное изучение комплексов Чуста и Яз I позволило частично синхронизировать их и наметить место чустской культуры. Для определения нижней грани появления этой культуры в Фергане решающее значение имеют сопоставления с переходными комплексами Анау IVA, Елькен II, Улуг III. Все они относятся к одному периоду и могут быть рассмотрены как *terminus antequem*.

Кардинальные изменения в хронологии РЖВ в настоящее время связаны с применением радиоуглеродных определений возраста с новой корректировкой МАСКА. В книге автора 1962 г. приведены две радиоуглеродные даты по Дальверзину 2720 ± 120 и 3050 ± 120 , (1090 ± 120), т.е. XIII-X вв. до н.э. Последняя дата определяет время начального периода в истории поселения по радиоуглеродным данным. Эта дата Дальверзина была уточнена в 1984 г. по методу МАСКА в книге Ф.Кола — 3050 ± 120 , с корректировкой равно $1540-1190$ до н.э. Калиброванные даты считаются более точными. На основании одной даты Дальверзин и Чуст отнесены были к периоду раннего железа, который начинается с 1500 г. до н.э. (Kohl. 1984. Т. 3). Удревнение составляет более 500 лет, по сравнению с последними датировками Дальверзина X-VIII вв. до н.э., а продолжительность жизни на поселениях достигает 800 лет. На таблице 2 в книге Ф.Кола представлена синхронизация памятников разных областей: Елькен II, Анау IV, Улуг, Яз I, Кучук II, Тилля 1-2, Кызыл I, Чуст нижний, Дальверзин, Мундигак V, Пирак II. Эта серия памятников РЖВ из восьми географических районов от Ферганы и до Южной Туркмении, Афганистана и Белуджистана (Пакистан) датированы, начиная 1500 годом до н.э. Все хронологические определения установлены путем типологических сопоставлений и во многом условны: не учитывают возможности появления отдельных поселений в разное время. Так, например, по радиоуглероду возраст Кучук II ЛЕ 773, с корректировкой у Ф.Кола составил $1210-1010$ гг. до н.э., по методу Сиэтл-Гронинген, используемый в лаборатории ИИМК — $1254-1244$ гг. до н.э., по 2 сигме — XIV-X BC, и, следовательно, примерно на 250-300 лет моложе Дальверзина. Затем Ф.Кол не учитывает, что лепная посуда типа Яз I распространена уже в переходных комплексах наряду с керамикой поздней бронзы. Обратим внимание на то, что при удревнении РЖВ Средней Азии Ф.Кол, очевидно, руководствовался стремлением синхронизировать их с памятниками РЖВ северо-западного Ирана, которые по В.К.Пиготту датируются $1450(1310)-1100$ гг. до н.э. (Kohl. 1984. С. 193).

Еще одна дата получена для периода Яз I в 1989 г. на южном массиве Яздепе. Образец из 19 слоя на глубине 4 м. от поверхности по ^{14}C

датируется 3120 ± 90 , калиброванная дата 1415, пределы калибровки 1512-1309 г. до н.э. На основании ее появилась соблазнительная возможность удревнения возраста Яз I, хотя для окончательного суждения, по мнению самого исследователя, необходимы дополнительные данные (Hiebert 1993. С. 140; fig. 2). По одной дате ^{14}C начало периода Яз I отнесено, как у Ф.Кола, к 1500 г. до н.э., т.е. значительно удревняется возраст. На таблице VI синхронизированы комплексы Анау IV, Яз I, Кучук и Тиллятепе — все они отнесены к железному веку, но вопросы хронологии этих памятников по существу не рассматриваются, так как статья Ф.Хиберти посвящена датировкам энеолита и бронзы. В ней нет ссылок на книгу Ф.Кола. В работах обоих американских археологов мало реальных данных — только единичные даты ^{14}C . Они не обратили внимания на существующие в нашей литературе споры и расхождения в остродискуссионных вопросах периодизации и синхронизации. Не приводя доказательств, они произвольно считают одновременными все памятники культур поздней расписной керамики. О верхней грани хронологии периода Яз I вообще ничего не сказано, и поскольку новых материалов для пересмотра ее не появилось, то продолжительность периода Яз I, как и Чуста, безмерно расширена. Предположения американских археологов о более раннем возрасте РЖВ Средней Азии можно рассматривать как гипотезу, требующую дополнительной аргументации и новых радиоуглеродных дат, прежде всего памятников переходного периода.

Если Ф.Кол располагал только одной калиброванной датой по Дальверзину, то в настоящее время в нашем распоряжении имеется уже десять таких дат, которые опубликованы в 1989 г. (Заднепровский, Марков. 1989б). Образцы для анализов взяты в разные годы на трех основных чувствских памятниках — Дальверзин, Чуст и Ошское поселение, расположенных в разных районах Ферганской долины. Следовательно, они дают представление о существовании чувствской культуры в целом. Все анализы проводились в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР, ныне ИИМК РАН. Приводим радиоуглеродные даты, уточненные по методу Сизтл-Гронинген зав. лабораторией ИИМК РАН Г.И.Зайцевой, и для сравнения опубликованные в 1989 г. определения по корректировке МАСКА. (Табл. 6) Измерения каждой даты проведены по 1 сигме — 68,3 % вероятности определения и по 2 сигме — 95,4 % вероятности. При этом некоторые измерения повторно опубликованы для уточнения.

Для Дальверзина имеются два образца РУЛ — 127, у которых расхождение по 1 сигме 1115-1090 минимальное — 25, при втором измере-

нии разница в ранжировании возрастает до 250. Наиболее вероятны даты, где расхождения в калибровке минимальны.

Древность образца возрастает при определении по 2 сигме — 1370-1350, и расхождение минимально, тогда как при вторичном анализе оно значительно возрастает до 540. По МАСКА значительное уменьшение даты до 920 г. до н.э.

Второй образец РУЛ 323 при подсчете по 1 сигме дал возраст 1530-1250, совпадающий с определением Ф.Кола — 1500 BC. По методу МАСКА — значительно меньше — 1400 BC. Еще большую древность показывает определение по 2 сигме 1680-1110 BC. В целом различие по Дальверзину составляет 1680-770 BC.

Анализ образца ОШ ЛЕ-1488 измерен семь раз. Первое измерение по 1 сигме дало наименьшее расхождение в калибровке 1962-1960 BC — всего 2. Определение по методу МАСКА — 1940 BC мало отличается. Остальные 4 определения в пределах 1950-1876-1798-1784 BC т.е. XX-XVIII BC.

При измерении по 2 сигме возраст увеличивается незначительно 2026-2002 BC, два других измерения 1982-1864 и 1848-1768, т.е. XX-XVIII BC.

Второй образец из Оша ЛЕ-1654 дал небольшой возраст — в пределах IX-VIII BC, а по методу МАСКА — 750 BC.

Третий образец Ош ЛЕ-1655 по 1 сигме возраст 1380-1346 BC с небольшим расхождением. Повторные измерения по 1 сигме дали возраст в пределах XIV-XIII BC.

Несколько большая дата получена по 2 сигме — 1394-1334 BC. Два других измерения — XIV-XII BC и XII-XII BC.

По радиохронологии рамки жизни Ошского поселения включают от XX-XXI BC до IX-VII BC. Такой разброс на практически однослойном Ошском поселении требует какого-либо обоснования и вопрос о причинах остается открытым. Показательно, что в котловане 1 получена наиболее ранняя дата. В соседних ямах в котловане 3 образец ЛЕ-1655 из ямы 30 дал XIV в., а в соседней яме 42 образец ЛЕ-1654 — IX-VIII вв. Такой разброс необычен и, по всей вероятности, объясняется разным воздействием природных условий на сохранность угля.

Больше всего — 5 образцов — взято на Чувстском поселении. ЛЕ-1208 по обоим сигмам дает калибровку в пределах X-IX вв.

Второй образец ЛЕ-2199 — по 1 сигме — 1506-1482 BC. Второе измерение — в пределах XV BC. Расхождение с методом МАСКА незначительно. ЛЕ-2200 по обоим сигмам дает возраст в пределах XI-IX BC. Четвертый образец ЛЕ-2201 по 1 сигме возраст 1518-1444 BC, и опреде-

ление совпадает с методом МАСКА. По 2 сигме калибровка от 1602-1566 до 1530-1412 BC. Наиболее ранний возраст дал образец ЛЕ-2353. По 1 сигме 2316-2194 BC, второе измерение 2158-2148 BC, а по 2 сигме 2450-2432 BC, три остальных даты в пределах 2402-2372 — 2064-2062 BC.

Таблица VI

**Радиохронология чустских поселений Ферганы
по методу Сизтл-Гронинген и корректировка МАСКА**

ЧУСТ	ОШ	ДАЛЬВЕРЗИН
<u>ЛЕ 1208 - 860 до н.э.</u>	<u>ЛЕ 1485 - 1940 до н.э.</u>	<u>РУЛ 127 - 920 до н.э.</u>
1 900 866	1 1962 1960	1 1115 1090
862 818	1950 1876	1070 820
2 982 964	1838 1818	2 1370 1350
934 802	1798 1784	1310 770
<u>ЛЕ 2199 - 1430 до н.э.</u>	2 2026 2002	<u>РУЛ 323-1400 до н.э.</u>
1 1506 1482	1982 1864	1 1530 1250
1454 1402	1848 1768	1240 1210
2 1516 1388	<u>ЛЕ 1654 - 750 до н.э.</u>	2 1680 1110
1340 1322	1 828 796	1100 1050
<u>ЛЕ 2200 - 920 до н.э.</u>	2 898 872	
1 996 902	854 780	
2 1020 836	<u>ЛЕ 1655 - 1240 до н.э.</u>	
<u>ЛЕ 2201 - 1500 до н.э.</u>	1 1380 1346	
1 1518 1444	1318 1254	
2 1602 1566	1242 1210	
1530 1412	2 1394 1334	
<u>ЛЕ 2353 - 2160 до н.э.</u>	1330 1162	
1 2316 2194	1146 1128	
2158 2148		
2 2450 2432		
2402 2372		
2358 2136		
2064 2062		

Примечание: 1 сигма - вероятность определения - 68,3 %
2 сигма - вероятность определения - 95,4 %

Дата рядом с шифром лаборатории подчеркнутая
определение по корректировке МАСКА

По радиохронологии наиболее велик разброс хронологии по материалам Чустского и Ошского поселения от XX до IX-VIII вв.

Полученные 43 измерения образцов по трем чустским поселениям могут быть объединены в 4 группы. На трех поселениях взято 10 образцов для анализа и выполнено 43 повторных измерения (Табл. VI).

Самые ранние датировки получены при шести измерениях одного образца Чуст ЛЕ-2353. Образец составляет полубоженное дерево, открытое на глубине 1,2 м. в западной траншее. Все они дали возраст в пределах XXV-XXI вв. с небольшими расхождениями в калибровке. Такое же определение получено на образце Ош ЛЕ-1485 — XXI в. до н.э. Такие определения получились при счете по 1 и 2 сигмам. В том же ошском образце три измерения дали XX в. (Ош ЛЕ-1485: 1962-1960, 1950-1876 и 1982-1864). В образце Ош ЛЕ-1485 получены три даты XIX-XVIII вв. (1838-1818, 1798-1784, 1848-1768).

Нельзя исключить, что определения одного образца из Чуста и другого из Оша ошибочны. Во всяком случае, они противоречат принятой в настоящее время в науке датировке начала культур поздней расписной кеармики РЖВ. Вопрос остается открытым до появления новых данных.

Два образца приходятся на XVII в. — в Чусте ЛЕ-2201 — 1602-1566 и Дальверзине РУЛ 323 — 1680-1100 BC.

Пять дат относятся к XV в. до н.э. (Чуст ЛЕ-2201 — 2 по измерению по 1 и 2 сигмам, ЛЕ-2199 2 по 1 и 2 сигмам; Дальверзин РУЛ 323 (1530-1250). Именно эта дата послужила Ф.Колу для передатировки чустской культуры до XV в. до н.э.

XIV в. дали также 6 измерений на всех трех памятниках (Чуст ЛЕ-2199, Ош ЛЕ-1655 — 4 измерения по 1 и 2 сигмам, Дальверзин РУЛ 127).

Две даты XIII в. — Ош ЛЕ-1655, Дальверзин 327 и две — XII в. до н.э. — Ош ЛЕ-1655 и Дальверзин РУЛ 127 и XI в. до н.э. — Дальверзин РУЛ 323 и РУЛ 127 — 1070-820.

Наиболее поздние относятся к заключительному этапу жизни поселения -VIII вв. (Чуст ЛЕ-1208 — четыре измерения по 1 и 2 сигмам, ЛЕ-2200 — 1, Ош ЛЕ-1654 — три измерения по 1 и 2 сигмам. Всего восемь дат, к которым условно относим также измерения Чуст ЛЕ-2200 — 1020-836 и Дальверзин РУЛ 127 — 1310-770).

Если свести воедино все имеющиеся по трем поселениям измерения, то можно говорить о систематическом и последовательном сгорании дерева, начиная с XXV в. до н.э. и до VIII в. до н.э. Та же картина получается по значительно меньшим — 16 образцам из Оша от XXI-XIX вв. и до VIII в. до н.э. Трёх дат для Оша, естественно, недостаточно для

Радиохронология эпохи бронзы на Намазгадепе. Калибровка
по методу Сизтл-Гронинген

<u>R - 1297</u>	<u>2870±50</u>	<u>R - 1301</u>	<u>2960±50</u>
1	1116 1090	1	1260 1234
	1080 984		1220 1114
	962 934		1096 1068
2	1202 1182	2	1310 1008
	1168 1140	<u>R - 1302</u>	<u>3220±90</u>
	1136 906	1	1610 1550
<u>R - 1298</u>	<u>3130±40</u>		1536 1398
1	1432 1380	2	1686 1294
	1348 1318		1292 1266
2	1508 1480	<u>R - 1303</u>	<u>2680±95</u>
	1456 1304	1	986 960
	1286 1268		936 768
<u>R - 1299</u>	<u>3240±50</u>	2	1111 1100
1	1588 1582		1054 522
	1526 1428	<u>R - 1304</u>	<u>3550±50</u>
2	1618 1410	1	1936 1870
<u>R - 1300</u>	<u>3050±50</u>		1844 1776
1	1390 1336	2	2024 2004
	1326 1258		1980 1744
	1236 1218		
2	1410 1162		
	1145 1128		
<u>R - 1300a</u>	<u>2880±60</u>		
1	1124 982		
	996 934		
2	1256 1238		
	1214 906		

определенных выводов. Но достоверно выделяются три хронологические группы: 1. — наиболее древняя — около II тыс. до н.э. (семь измерений); 2. — XV-XIV вв. (пять измерений); 3. — IX-VIII вв. до н.э. (восемь измерений).

Для всей серии измерений группировка меняется:

1. XXV-XIX-XVIII вв. до н.э. (13 измерений), XVII в. до н.э. (два измерения);

2. XV-XIV вв. до н.э. (11 измерений), за которыми следуют данные XIII в. до н.э. (два измерения) и XII в. до н.э. (два измерения), XI в. до н.э. (два измерения);

3. X-VIII вв. до н.э. состоит из 8, к которым условно добавлено еще два измерения. Их калибровка заканчивается 770 (Дальверзин РУЛ 127 по 2 сигме) и Чуст-2200 с рангом 1020-836.

Суммируя все сказанное, выделяем для чустской радиохронологии три этапа: 1. XXV-XIX-XVIII вв. до н.э.; 2. XV-XIV вв. до н.э.; 3. X-VIII вв. до н.э.

Проанализированные 10 образцов разделяются на те же группы:

1. XXV-XXI вв. до н.э. — 2 анализа (Чуст, Ош);

2. XV-XIV вв. до н.э. — 5 анализов — Чуст (2), Ош (1), Дальверзин (2);

3. X-VIII вв. до н.э. — 3 анализа — Чуст (2), Ош (1).

Нижние даты приближаются к датировкам комплекса Намазга в Южной Туркмении, и вопрос окончательно не решен (Табл. VII). Верхняя грань хронологии — X-VIII вв. до н.э. по данным археологии соответствует опорной шкале Яз-Депе. С учетом передатировки Хиберти можно утверждать о синхронности существования чустских поселений и Яз-Депе (XV в.). О несколько более позднем возрасте комплекса Кучука можно предполагать по дате 1254-кал BC — 1244 по методу Сизтл-Гронинген. Однако, для достоверных выводов дат по памятникам Бактрии явно недостаточно.

Таким образом, в свете радиохронологии чустская культура Ферганы предстает как наиболее древняя земледельческая культура в Северной части Центральной Азии. Как бы не относиться к приведенным радиоуглеродным датам, одно немаловажное обстоятельство не вызывает сомнения, а именно: чустская культура в период наибольшего развития в середине II тыс. до н.э. синхронна комплексам Яздепе I, Анау IVA, Елькен II, Тилля-Тепе, а, возможно, и предшествует некоторым памятникам в Южной половине Центральной Азии.

Учитывая, что половина из десяти образцов показали возраст XV-XIV вв. до н.э., а по повторным измерениям уже в два раза больше (11 случаев), можно предположительно датировать Ошское и другие поселения этим временем — XV-XIV вв. до н.э. Общая продолжительность существования в таком случае составит (XV-XIV — IX-VIII вв. до н.э.)

около 800 лет. Для сравнения напомним, что по радиохронологии время "интенсивного строительства" Намазга VI продолжалось немногим меньше — 700 лет (Долуханов. 1985. С. 122).

За это время отложились наслоения толщиной 4,5 м, величина которых близка слою Дальверзина. Нижняя грань НМЗ VI R — 1304-1600 ±50, Maska — 2110-2000, а верхняя — R — 1297-920 ±50. Приведенные даты, как видим, удивительно совпадают с радиохронологией Чуста. Образцы из слоя НМЗ V R — 1305-1430 ±140 до н.э., две другие 1810 ±30 до н.э. Наиболее древняя для НМЗ V дата R — 1306a-2130 ±50 до н.э. Maska 2900-2600 BC. Из приведенных данных, которые естественно требуют дополнительной проверки, вытекает совпадение времени существования чустских поселений частично с комплексами поры НМЗ V и VI. Во всяком случае, эти совпадения можно рассматривать как еще одно основание для удревнения даты Чуста и Ошского поселения. Напомним, что в комплексах Елькен II и Улуг II расписная керамика РЖВ появилась, очевидно, на позднем этапе НМЗ VI.

На Алтындепе В.М.Массон приводит новые определения даты времени Намазга V: раскоп 7 — 1510 ±60, 1390 ±60 до н.э. и более древние. Основываясь на синхронизации с Хараппой и Шахти-Сохте, он предлагает наиболее разумным датировать слои Алтындепе времени Намазга V — 2300-1850 до н.э. (Массон. 1981. С. 95). Следовательно, последующие отложения поры Намазга VI относятся к более позднему времени. Ранее этап Намазга VI он относил к 1300-1000 гг. до н.э. (Массон. 1959. С. 28). Дата поселения "Вышка" на Намазгадепе — 1030 ±60 до н.э. без калибровки (Романова, Семенцов, Тимофеев. 1972).

Все приведенные данные настоятельно требуют пересмотра традиционных суждений о радиохронологии поры Намазга V-VI и абсолютной даты синхронных комплексов.

Ранее, в 50-гг., В.М.Массон выделил в Маргиане два этапа оседло-земледельческих поселений поры НМЗ VI — ранний аучиновский и поздний тахирбаевский. Поселение Аучин он датировал 1600-1300 гг. до н.э., а Тахирбай, как поздний мургабский вариант Намазга VI — около 1300-1000 гг. до н.э. (Массон. 1959. С. 28). Позднее И.С.Масимов и В.И.-Сарианиди систематически исследовали поселения времени Намазга V-VI и Яз I в низовьях Мургаба. Ранним датам противоречат находки степной керамики на поселениях Намазга VI на самых поздних его этапах. В.И.Сарианиди, решительно опираясь на дату Вышки на Намазгадепе и Улугдепе, относит появление степной керамики к XIII-X вв. до н.э. и не ранее, а контакты со степняками падают на последнее столетие

(Сарианиди. 1975. С. 26). Б.Н.Удеумурадов появление степной керамики относит к XIV-XIII вв. до н.э. (Удеумурадов. 1993. С. 116). Совсем иные и не вызывающие сомнения данные обнаружены на поселениях времени позднего Намазга VI Тегузак в верховьях Вахша, в стратиграфическом шурфе которого степная керамика составляет 43%. В аналогичном поселении Кангурт-Тут, где 90% керамики типично для поздней поры Намазга VI, а остальные принадлежат степной керамике (Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. 1986). Второй этап развития андроновских племен (Алакуль, Федорово и др.) в настоящее время датируется XV-XIII вв. до н.э. по многочисленным соответствиям на западе (Кузьмина. 1992. С. 43). В монографии Н.А.Аванесовой дана сводка радиохронологии памятников андроновской общности, и при этом отмечено, что большинство алакульских памятников датируются XV-XIII вв. до н.э. (Аванесова. 1991. С. 94).

Таким образом, ссылки на то, что находки степной керамики на многих поселениях Намазга VI противоречат их датировке первой половиной II тыс. до н.э. в свете новых данных, не состоятельны. Носители культуры Намазга VI непосредственно контактировали с андроновцами, по крайней мере в Бактрии.

В 1975-1976 гг. проведены раскопки на Намазга-депе (площадь 50 га) крупнейшем памятнике эпохи энеолита-бронзы на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. В период Намазга V-VI площадь поселения резко сокращается. Прослежены культурные наслоения до глубины 13,6 м. и далее в скважине до 11 м. Общая мощность отложений превышает 24,6 м.

Из различных слоев отобраны образцы для анализа. 27 образцов были переданы в лабораторию Римского Университета (Италия), получены 17 измерений.

Верхняя часть шурфа до отметки 4,5 м. содержит материалы поры Намазга VI, и из этих слоев получены 9 определений (Таблица 7).

Ниже залегают отложения времени Намазга V, которые занимают большую часть раскопа. Период существования поселения времени Намазга VI продолжался приблизительно 700 лет. Рассмотренные материалы относятся только к поре Намазга VI. Раскопки и исследования проведены П.М.Долухановым, А.Я.Щетенко, М.Този (1985). Приведена калибровка MACKA. Пересчет калибровки по Сизтл-Гронинген осуществил Ю.Свеженцев, которому выражаю глубокую благодарность.

Хронологические рамки существования Намазга VI по данным ¹⁴C включают от XXI-XX и до VIII-X вв. до н.э. и практически не отличаются от Чуста и Ошского поселения, за исключением одного более раннего

образца XXV-XXIV вв. до н.э. в Чусте. Полученные 39 измерений по данным Намазга, могут быть объединены в группы. Наиболее ранние XXI-XIX вв. дали 4 измерения по 1 и 2 сигмам образца взятого из самого нижнего слоя. Три измерения дали XVII в. до н.э. Пять измерений — XVI в. до н.э., шесть — XV-XIV вв. Наибольшее количество измерений — восемь приходится на XIII в. до н.э., шесть измерений — на XII в. до н.э., три — на XI в. до н.э. и четыре даты на X в. до н.э.

При практически одинаковом количестве измерений и образцов (10 и 9) в радиохронологии Намазга древних дат (XX-XIX вв. до н.э.) оказалось почти в четыре раза меньше по сравнению с Ферганой, но в три раза больше дат XIII-XI вв. до н.э., в два раза меньше поздних дат XIII-X вв. При сопоставлении однородных определений можно заключить о преобладании в Намазга VI абсолютных дат в пределах XIII-XI вв. до н.э. (17 измерений).

Вопреки распространенным в литературе суждениям, что калиброванные даты сильно удревняют возраст памятников Востока, сравнение калиброванных дат по МАСКА и Сиэтл-Гронинген убеждает о значительной близости между ними и даже о некотором уменьшении возраста по Сиэтл-Гронинген. Так, например, образец R-1304 — наиболее ранний по МАСКА — 2100-2000 до н.э., а по Сиэтл-Гронинген при одной сигме уменьшение до 1936 ..... 1870, по второй сигме очень незначительное увеличение — 2024-2004 до н.э.

Это заключение подтверждается при сравнении калиброванных дат МАСКА чустских поселений. Все они указаны рядом с лабораторным шифром и подчеркнуты. Разница по калибровке Сиэтл-Гронинген, например, для образца Ош ЛЕ-1485 составляет 10-22 года, все другие измерения уменьшают возраст, только по 2 сигме увеличивают возраст на 42-80 лет. Для образца ЛЕ-1654 некоторое увеличение возраста вообще не играет существенной роли при утверждении позднего этапа жизни поселения. Для ЛЕ-1655 при 1 сигме наибольшее удревнение равно 140 годам, а при 2 сигме — 154 годам, но и эти даты не выходят за пределы среднего для Оша и чустских поселений абсолютного возраста, равного XV-XIV вв. до н.э.

Выше отмечалось, что определенное значение при датировке комплексов Намазга VI придают находкам степной керамики. В датировке этой керамики наблюдаются большие противоречия. В 1959 г. комплекс Тахирбай датирован 1300-1000 гг. до н.э., не исключая и возможности удревнения до 1400-1100 гг. до н.э. (Массон. 1959. С. 28). Сильно омолаживает Тахирбай, относя к 1000-750 гг. до н.э., В.И.Сарианиди (Сариа-

ниди. 1990. С. 74). Совсем иные хронологические даты и наиболее ранние — 1750-1500 гг. до н.э. — предложил американский археолог Ф.Хиберти в докладе на конференции в Мары 1992 г. (ныне, в 1994 г. его книга вышла в свет, но еще не появилась в наших библиотеках). При этом Ф.Хиберти комплекс Намазга VI (БМАК) вопреки радиоуглердным датам датирует 2000-1750 гг., следуя, очевидно, В.М.Массону, и непосредственно предшествуя Тахирбаю.

По данным радиохронологии большинство алакульских памятников относятся к XV-XIII вв. до н.э. (Аванесова. 1991. С. 94). На этом примере ярко видно, как еще далеко не окончательны, не стабильны в археологии абсолютные даты, какие высказываются противоречивые суждения.

Несколько фрагментов степной керамики, найденной на Ошском поселении впервые для чустских памятников Ферганы, по всей вероятности, относятся к этим же векам.

Суммируя все сказанное, за начальную дату Ошского поселения следует принять 1500 г. (вслед за Ф.Колем), это не исключает возможности, что хронологические рамки Чуста в целом, синхронные комплексу Намазга VI, как было показано, включают все II тысячелетие до н.э. и начало I тысячелетия до н.э. Как бы ни относиться к радиоуглердным определениям, нельзя игнорировать эти данные, указывающие на более ранний возраст Оша и чустской культуры в целом.

В Фергане более ранних, чем чустские, земледельческих памятников до настоящего времени не открыто, и по археологической таксономии чустская культура относится к периоду поздней бронзы. Учитывая весь набор изделий из бронзы и продолжительность развития по данным радиохронологии, следует признать, что начальный этап ее относится к периоду поздней бронзы, и существовала она до поры Яз I РЖВ.

Как уже было сказано, продолжительность существования Чуста практически мало отличается от археологических рамок Намазга VI, насчитывающей около 700 лет.

По соседству с племенами Намазга VI обитали степные племена. В Ферганской долине степные племена (кайракумские) андроновской общности путем трансформации содействовали формированию чустской культуры. (Заднепровский. 1978б. 1993а). Кайракумские памятники датированы второй половиной II тыс. — началом I тыс до н.э. (Литвинский. 1956). Могильники Вадиль, Карамкуль — X-VIII вв. (Гамбург, Горбунова. 1957). В последней работе степные комплексы Ферганы удревнены и отнесены к концу третьей четверти II тыс. до н.э., но некоторые находки датируются началом I тыс. до н.э. (Горбунова. 1995). Таким образом, они одновременны чустской культуре.

5. Место Ошского поселения среди синхронных памятников Ферганы.

Археологический комплекс, выявленный в ходе раскопок, не оставляет никаких сомнений в принадлежности Ошского поселения к кругу памятников чустской культуры, хозяйственную основу которых составляло развитое земледелие и скотоводство. Однако, природные, географические условия на склоне горы не способствовали занятию сельским хозяйством. Здесь, в непосредственной близости от поселения, невозможно было устроить поля, использовать искусственное орошение и возделывать зерновые и другие культуры. Да и для скотоводства условия были также не благоприятными. Естественно допустить, что обрабатываемые поля и пастбища для скота могли располагаться рядом у подошвы Сулайман-Тоо. Но в таком случае непонятно, зачем понадобилось населению сооружать свои жилища и копать многочисленные хозяйственные ямы (кладовые) довольно высоко на горе, а не поблизости от полей на равнине. Появление горного поселения нельзя объяснить и стремлением обезопасить от нападений врагов. Никаких следов укреплений не обнаружено. К тому же, практически было трудно и нецелесообразно возведение оборонительных стен вокруг горы. Поселение, очевидно, было неукрепленным. Нет никаких данных о каком-либо особом развитии ремесла на этом поселении. На Сулайман-Тоо не было и полезных ископаемых, в которых нуждалось население того времени.

Для того, чтобы установить причины основания поселения в необычных условиях, обратимся к сравнительному изучению Ошского поселения с синхронными памятниками Ферганской долины и попытаемся выявить отличительные особенности его, определить его место в системе чустских поселений.

1. Начнем с ближайших памятников ошской группы, расположенных на территории города Оша. У восточной подошвы горы, в самом центре современного города, на высоком левом берегу р. Акбуры, высится здание Пединститута. Во время его строительства в котловане в 1968-1969 гг. Е.В. Дружинина собрала разновременную керамику. Находки здесь чустской керамики указывают на существование в этом месте, видимо, небольшого поселения. К сожалению, не удалось зафиксировать на какой глубине залегал культурный слой и каковы размеры его. Неизвестно, как связаны эти находки с поселением на горе. Очевидно только одно, что на левом берегу реки Акбуры имелись все условия для развития чустских поселений на равнине.

2. В западной части Оша, примерно в 4-5 км. к юго-востоку от Сулайман-Тоо обследован холм Чаян-Тепе с чустской керамикой. Холм, размером 70 x 50 м. возвышается на 5 м. над окружающими полями (Рис.58). В 1981-1982 гг. Ферганской экспедицией в северной части холма вскрыт участок площадью 650 кв.м. В слое толщиной 80 см. найдено около 50 целых сосудов и изделий из камня, а также много обломков битой посуды, относящейся к пяти хронологическим периодам — от эпохи бронзы и до времени Давани. В коллекции этой своего рода «антикварной лавки» насчитано более 4400 фрагментов и среди них 159 чустских образцов. Найдено два каменных серпа, тогда как на значительно большей площади Ошского поселения собрано всего 15 целых и несколько обломков серпов. Весьма вероятно, что Чаян-Тепе служил своего рода «сельским станом» в эпоху поздней бронзы, и что поблизости находились поля, принадлежавшие жителям Ошского поселения (Заднепровский. 1983а,б; 1984б).

В более позднее время на Чаян-Тепе совершали захоронения. Здесь открыто семь погребений времени Даванского царства с сосудами и инвентарем, аналогичными материалам могильника Темир-Коруг в долине Науката

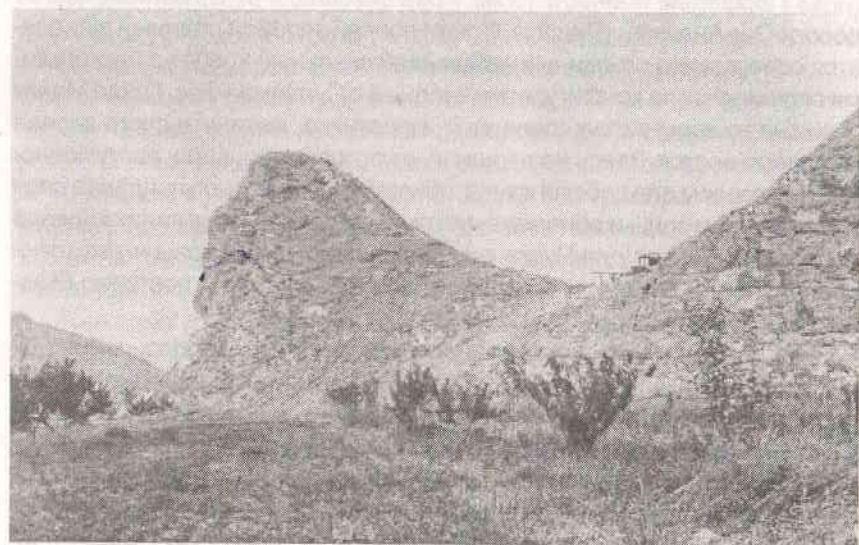

Рис. 16. Поселение Маняк. Общий вид.

3. Кош-Тепе II в 4 км. восточнее г. Ош, севернее шоссе Ош-Хорог, на берегу древней протоки Талдык-Су (Рис.59). Холм овальной в плане формы, размером 40 x 25 м. В 1974 г. Ферганская экспедиция заложила шурф, в котором обнаружен пол, часть стенки из сырцового кирпича и хозяйственная яма (кладовка), образцы чустской керамики.

4. Поселение Мады в 10 км., к востоку от Оша, с чустской керамикой (Рис.59).

5-7. Поселения Башбулак I-III в 14 км. к востоку от Оша, на берегу древней протоки Талдык-Су (Рис.59). На первом холме, размером 65 x 28 м., в 1974 г. заложен шурф, выявивший слой с чустской керамикой.

8. Шалтакская группа тепе в 20 км. к востоку от Оша, на берегу протока Талдык-Су. На поверхности одного тепе собрана чустская керамика (Рис.59).

9-10. Япалак — два тепе возле сел. Япалак, в 3-4 км. к западу от Оша, на ответвлении конуса выноса Акбуры (Рис.62).

11. Кошок-Тепе, чустское поселение в 1,5 км. к югу от г. Карасу, в 18 км к северо-востоку от Оша (Рис.59). В 1971 г. Е.В.Дружинина провела небольшие раскопки. Материал не опубликован.

12. Долон-Тепе — чустское поселение в 2 км. юго-западнее Кошок-Тепе (Рис.59).

13. Поселение Маняк, в 15 км. к северо-западу от Оша, недалеко от дороги Ош-Андижан (Рис.16). Среди ровной зеленой равнины выделяется совершенно оголенный небольшой скальный хребет с несколькими вершинами, по конфигурации сходный с Сулайман-Тоо. Гряда Маняк сложена из кремнистых сланцев и известняка, вытянута с юго-запада на северо-восток. Здесь на вершине, в котловане карьера, прорезанного бульдозером для добычи камня, обнаружены выходы культурного слоя с включением золы и обломков чустской керамики. На отвалах карьера собраны типичные для Чуста каменные изделия — серпы и заготовки серпов, пест и обломки зернотерок. Обследован мною повторно (Заднепровский. 1962а. с. 47-48).

14. Дилькушо — многослойное городище в 3-4 км. от поселения Маняк, на краю адыра, т.е. небольшого холма у южной окраины одноименного селения. Найдена чустская керамика. Два последних памятника расположены в Ходжаабадском районе Андижанской области, но географически относятся к рассматриваемой группе, поскольку конус выноса Акбуры простирается до Кува-Андижанской гряды адыров и до Карадарьи.

Таким образом, на равнине в ближайших окрестностях Оша в радиусе 3-5 км. и 10-15 км. на северо-запад, северо-восток, восток и юго-

запад располагаются более дюжины чустских поселений. Все они отличаются небольшими размерами, относятся к группе малых поселений и представляют собой остатки отдельных домов-усадеб. В этом древнем оазисе центральное положение, очевидно, занимало поселение на горе в центре Оша, которое по размерам и количеству жилищ и ям-кладовок явно превышало ординарные дома.

Особый интерес вызывает поселение Маняк на вершине скальной горы. Участок седловины, доступный для обживания, крайне мал для стационарного поселения и предположительно можно считать его сезонной стоянкой. Обращает на себя внимание тот факт, что набор ведущих форм посуды поразительно сходен с материалами Ошского поселения: полусферические чаши с отогнутым венчиком, конические горшки, миски с перегибом бортика, кувшины с широким горлом, диаметром 20-30 см. и с узким горлом 10-12 см., кувшин с носиком-сливом, миниатюрные кувшины, кухонные горшки (Рис.61). Одинаков ассортимент каменных изделий. Различия между этими двумя памятниками скорее количественного характера. Для наших целей важно отметить, что близости от Ошского поселения имеется еще одно аналогичное поселение на скальной горке, и, следовательно, появление горных поселков не было случайным явлением. Они были призваны удовлетворять какие-то особые специфические потребности общества.

В соседней на востоке, Отуз-Адырской группе (Кара-Суйский район), на берегах древних протоков Талдык-Су, зафиксировано более 20 поселений малых размеров. Эта группа наиболее многочисленная (Рис.59). Среди них выделяется поселение Хожамбаг, в 6 км. к юго-востоку от г. Карасу. Оно состоит из нескольких холмов общей площадью более 4 га (Рис.60). В двух раскопах на участке около 300 кв.м. обнаружены остатки наземной постройки и собрано около 700 фрагментов керамики (табл.V), две бронзовые проколки, обломок литевой формы из глины. Хожамбаг относится к числу поселений среднего размера (4-5 га), подобно Чусту (Заднепровский. 1966).

Еще одна группа памятников — Узгенская, располагается на крайнем востоке Ошской области и Ферганы в целом. Всего в группе исследовано 13 памятников малых размеров, среди которых центральное место занимало Дехканское поселение, площадью 5 га.

Чустские поселения, выявленные, помимо Ошской группы, в четырех районах: Араванском, Наукатском и главным образом в Кара-Суйском и Узгенском, в совокупности составляют половину всех 80 известных в Фергане памятников. Этому содействовали благоприятные природные усло-

вия для развития земледелия и скотоводства, существовавшие в эпоху поздней бронзы в Восточной Фергане.

Ошское поселение по своим размерам отличается от большинства домов-усадеб в Восточной Фергане и приближается к памятникам среднего размера. При сравнении материалов этого поселения с Хожамбагом бросается в глаза малая насыщенность культурного слоя находками. На вскрытой площади, в семь раз большей чем в Хожамбаге, в Оше керамики оказалось только в три раза больше (табл.V). В этом отношении еще более показательны сопоставление с материалами, добытыми на Боз-Тепе в Узгенском оазисе. На холме размером 25 x 25 (площадью 625 кв.м) вскрыты остатки отдельно стоящего дома (Гаврюшенко. 1967). В коллекции, собранной на небольшом участке, в пределах одного дома, насчитывающей около 6.000 фрагментов керамики, что составляет примерно 1/3 всех находок Ошского поселения.

Приведенные цифры можно рассматривать как определенный показатель меньшей активности хозяйственной жизни на поселении в Оше. Имеется одно существенное различие. При однородности керамического комплекса в целом, престижная посуда с росписью на всех изученных памятниках представлена единичными образцами. На Боз-Тепе — всего 10 фрагментов, в Хожамбаге — 7, на городище Кзыл-Октябрь — 4, на Дехканском поселении только один. В свете этих данных концентрация огромного количества престижной посуды на Ошском поселении заслуживает особого внимания.

Остановимся еще на одной примечательной особенности. На Боз-Тепе было собрано значительно больше каменных орудий — 20 серпов и 8 заготовок, т.е. почти в два раза больше, чем в Оше. Несколько больше было грузил с центральным отверстием — 6 экземпляров. Пулевидные предметы (каменные игрушки) представлены шестью образцами, тогда как в Оше только одним. Одинаковое количество — по два точильных бруска — найдены на обоих памятниках. Количество каменных изделий на Боз-Тепе можно условно принимать как минимальный набор для одного хозяйства (одной семьи), например, орудий для уборки урожая. Сопоставление с Ошским поселением позволяет прийти к заключению, что количество и набор каменных орудий вряд ли могли удовлетворить потребности более многочисленных жителей поселка на Сулайман-Тоо. Возможно предположение о меньшем участии их, например, в уборке урожая.

Ошское поселение по ряду признаков отличается среди одновременных памятников соседних районов Восточной Ферганы, а именно: по

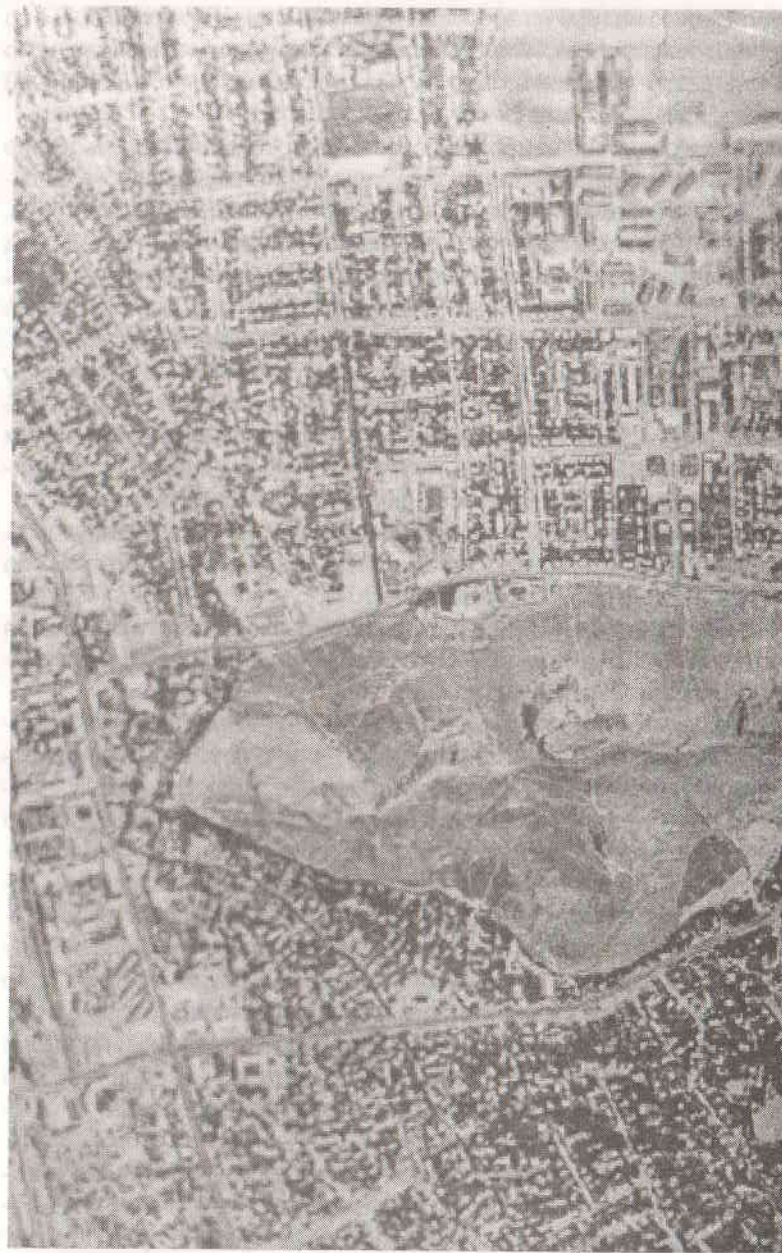

Рис. 17. Сулейман-Гора. Аэрофото.

местоположению на горе и террасовидной планировке, по размерам, по типу жилищ-землянок, по малой насыщенности слоя находками и по малочисленности изделий из бронзы и камня, по необычайно большой доле расписной керамики.

Сходство и различие наиболее показательно проявляется в составе групп керамики, что наглядно видно при сопоставлении таблиц 3-4. Большое количество керамики получено на трех поселениях — Кзыл-Октябрь, Дехкан и Хожамбаг. На таблице 5 обобщены находки на 7 поселениях Узгенской группы и поселения Хожамбаг, и для сравнения показаны данные по Дальверзину и Ошу. Преобладает посуда с красным ангобом в семи памятниках — 70,2 %, в Оше — 76,3 %, в Дальверзине — 72,0 %. Всего по оазису, кухонная керамика составляет 20,2 % и по количеству приближается к Чусту — 28,7 %. Ее значительно меньше в Оше — 13 % и Дальверзине — 16,6 %. Толстостенная (тарная) посуда в Узгенском оазисе составляет 9,3 % и равна Чусту — 9,7 %, и близка Дальверзину 82—8,5 %. Только в Оше этой керамики было в 3 раза меньше.

Наиболее значимы различия по находкам керамики с белым ангобом, которая полностью отсутствует в Ошской коллекции, а также по высокой доле расписной посуды в Оше.

По всем перечисленным признакам Ошское поселение выделяется и представляет уникальное явление среди одновременных чустских памятников Восточной Ферганы.

Обратимся к сопоставлению с отдаленной Гава-Кассансайской группой, расположенной в Северной Фергане. Среди восьми малых поселений, ничем не отличающихся от памятников Восточной Ферганы, особое место занимает наиболее изученное Чустское поселение, которое является центром этой группы. На этом поселении было начато изучение раннеземледельческой культуры Ферганы и по нему выделена археологическая культура, названная Чустской. Площадь поселения составляет 4 га (5 га по Спришевскому. 1963) и оно принадлежит к группе поселений среднего размера, подобно Дехканскому и Хожамбаг. Раскопано около 8.000 кв.м., что составляет примерно 1/5 его часть. Северо-западный участок окружен оборонительной стеной. Чустское поселение по своеобразию комплекса находок, как было достаточно обосновано в диссертации Б.М.Матбабаева представляет локальный вариант чустской культуры Ферганы (Матбабаев. 1985).

Ошское и Чустское поселения относятся к культуре древних земледельцев, существовавших в одно время, но расположены в разных географических районах Ферганы, на расстоянии 150 км (по прямой) друг от друга.

Ошское поселение отличается прежде всего расположением на склоне горы и уникальным террасовидным планом. Поскольку размеры его достоверно не установлены, то при сопоставлении с Чустом, учитываем размеры вскрытой площади. В Оше раскопано было в четыре раза меньше, чем в Чусте.

В Чусте открыто небольшое количество жилищ разного типа: две-три землянки, три наземные каркасные постройки и глинобитное жилище. В Оше пока известны только землянки с четырехколонным помещением и системой столбовых ям, поддерживающих перекрытие. По сравнению с чустскими, они представляют более совершенный тип землянки. При небольшом числе жилищ, на обоих поселениях оказалось очень много хозяйственных ям (кладовок).

Керамический комплекс наиболее показателен для выделения особенностей культуры на этих памятниках. Основные группы керамики представлены на обоих поселениях. Однако, в Оше полностью отсутствуют образцы с белой облицовкой, которые в Чусте составляли 35 % и определяли специфику комплекса Чуста (Заднепровский, Матбабаев. 1984б). В коллекции, собранной за все годы раскопок Б.Матбабаевым, керамика с белой облицовкой составляет 40 % (Матбабаев. 1985. С. 11). Резко отличается доля керамики с красным ангобом. В Чусте ее оказалось в 2 раза меньше — 30 % (Матбабаев. 1985. С. 11).

Локальные особенности Чустского комплекса ярко отражены в расписной посуде (Матбабаев. 1985. С. 11). Этой престижной посуды в Чусте оказалось очень мало — 340 фрагментов по подсчетам В.И.Спришевского, что от общей коллекции, насчитывающей 200.000 экз., составляет 0,17 % (Спришевский. 1963). На Ошском поселении за все годы собрано 1638 фрагментов. В абсолютном исчислении расписной посуды в Оше было в три раза больше, чем в Чусте. При этом у нас нет оснований полагать, что парадная посуда изготовлялась на самом поселении. Возможно, она могла появиться извне, но это требует еще уточнений.

В процентном отношении расписной посуды в Чусте было столько же, сколько в отдельном доме Боз-Су — 0,16 %, а по подсчетам 1974-1982 гг. — 0,7 %, т.е. в десять раз меньше чем в Оше.

Отмечаются различия орнаментальных узоров керамики Чуста по сравнению с Ошским комплексом (Заднепровский, Матбабаев. 1984б; Матбабаев. 1985).

Развитие бронзолитейного производства, составлявшего ведущую отрасль ремесла в эпоху бронзы и определявшей высокий уровень куль-

туры, засвидетельствовано находками в Чусте более сотни изделий и обломков предметов, нескольких сосудов с остатками расплавленной бронзы, серии литейных форм и большого количества шлаков. Иная картина в Оше, где добыты единичные простые орудия — шилья и найдены обломки двух литейных форм. Все это позволяет предполагать малую роль этого ремесла в жизни населения. Существенным отличием Ошского комплекса является практическое отсутствие поделок из кости и рога, столь обильных в Чусте. Значительно меньше в Оше и орудий из камня. Так, например, серпов в Чусте оказалось в восемь раз больше, правда, собранных на большой площади. Учтем, что в Чусте более широко применяли для уборки урожая бронзовые серпы. Судя по находкам литейных форм на поселении было налажено их серийное изготовление. В целом малочисленность найденных орудий на Ошском поселении дает основание предполагать меньшее участие жителей в производственной деятельности.

Дальверзин и Ош

Из всех известных чустских поселений в Фергане наибольший интерес представляет сравнительно-типологическое сопоставление с Дальверзином — самым крупным и сильно укрепленным поселением культур поздней расписной керамики РЖВ Средней Азии. Именно с эпохой РЖВ связано появление древних городов и начало урбанизации в ряде историко-культурных областей Средней Азии и в Ферганской долине. По формально-типологическим признакам — большие размеры, развитая фортификация, усложненная планировочная структура, выделение цитадели — такие поселения, как Елькендепе (Северная Парфия), Яздепе, Гонур (Маргиана), Дальверзин (Фергана) можно считать древнейшими городами. В литературе их иногда называют поселениями формирующегося, зарождающегося города, древнейшими городскими поселениями. Но от разнообразия этих терминов суть не меняется.

Научному обоснованию концепции возникновения древних городов и развития урбанизации посвящено множество трудов и специальных научных конференций. Остановимся на трех конференциях, на которых эти проблемы рассматривались на широком хронологическом и территориальном фоне.

В 1970 г. состоялся Лондонский симпозиум «Человек, поселение, урбанизм». Материалы опубликованы в 1972 г., подробный обзор изложен в статье Л.Б.Кирчо (Кирчо. 1977). На симпозиуме основное внимание

уделено было факторам, определяющим формирование города, определению понятия «город», важнейшим условиям, способствовавшим появлению города, как социально-экономического организма, в том числе роли географического фактора (природных предпосылок урбанизации), экономического фактора и торговли.

Широкий территориальный и хронологический охват развития городов на конкретных материалах Средней Азии, Закавказья, античных городов, городов Нового Света (Перу и Майя), раннефеодальных городов Востока (Согда, Армении, Монголии, Японии) и Древней Руси были представлены в докладах на Всесоюзной конференции «Древние города» в Пенджикенте в 1977 г. Кардинальные проблемы поставил В.М.Массон в докладе «Типология древних городов и исторический процесс» (Массон. 1977).

В 1989 г. в Намангане состоялась региональная конференция «Зоны и этапы урбанизации: Теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации». Особо важным является выделение разделов «Теоретико-методологические аспекты исследования урбанизации», «Этапы урбанизации», «Зональные аспекты урбанизации» и «Градообразующие факторы и условия», поставленные в докладах А.Аскарлова и др. (1989).

Ознакомление с этим материалом, по крайней мере с двумя последними работами исключительно полезно для определения конкретно-исторического подхода к проблеме города и урбанизации в данном регионе и для формирования научно-обоснованной теоретической концепции. В моем докладе выделено четыре основных этапа древней урбанизации Центральной Азии (Заднепровский. 1989). Ко второму этапу — ко времени культур поздней расписной керамики конца II — первой трети I тыс. до н.э. относятся крупные поселения — древнейшие города, такие как Елькен-Депе, Яздепе. По формально-типологическим признакам Дальверзин относится к городам второго этапа урбанизации. Главный центр чустской культуры можно считать древнейшим городом в Фергане (Заднепровский. 1995в; Анарбаев. 1989. С. 70).

Сравнивая Ошское поселение с Дальверзином, несмотря на количественные различия, отметим сходство всего комплекса материальной культуры. Можно констатировать сходство всех групп керамики, основных форм ее на обоих поселениях. Уже было сказано о поразительном совпадении конструкции ошских землянок с землянкой в нижнем горизонте цитадели Дальверзина, свидетельствующее о синхронности этих поселений в начальный период чустской культуры. Естественно, достаточно заметны и различия.

Ошское поселение, как одновременное Дальверзину, можно рассматривать, как прародителя Оша. Жизнь на месте Дальверзина прекратилась и не возобновлялась. Позднее вокруг Сулайман-Тоо выросли небольшие поселки и укрепленные дома, и со временем сформировался город Ош, корни которого восходят ко II этапу урбанизации. Древневосточных городов I этапа в Фергане нет.

Обратим внимание на сходство в сфере духовной культуры, на одинаковый обычай захоронения умерших сородичей в пределах поселения.

На обоих поселениях сооружали землянки-святилища — с явно культовым очагом в центре. Если в Дальверзине святилище функционировало только в начальный период жизни поселения, то на Ошском поселении они, вероятно, действовали на протяжении всего чустского периода или во всяком случае более длительное время. Эти землянки-святилища, как и сама Сулайман-Тоо были культовым центром не одного поселка, а общин Восточной Ферганы, как например, местом сезонных поклонений под открытым небом служило Саймалы-Таш. К Сулайман-Тоо и Саймалы-Таш можно отнести сообщение Геродота (1-131) о религиозных культовых ритуалах персов, совершаемых на вершинах гор. Под открытым небом персы возносили молитвы богам и приносили жертвоприношения. Таким своеобразным «храмом» под открытым небом служили долины Саймалы-Таш. В ходе сезонных посещений паломники создавали на скалах изображения почитаемых животных — козлов, лошадей, схематические изображения солнца и др.

В чустский период появились первые в истории Ферганы стационарные постройки, специально предназначенные для культовых обрядов и, очевидно, Ошское поселение является одним из первых культовых центров Ферганы. Землянки-святилища Дальверзина и Оша мало чем отличались от обычных жилых построек. Эти примитивные святилища резко отличались от храмовых архитектурных сооружений, которые примерно в это же время возводили в Бактрии и Маргиане, в Тилля-Тепе и Тоголок (Сарианиди. 1989; 1990).

Особо важное значение придаем необычно большому количеству посуды, украшенной росписью. На Ошском поселении добыто 1638 фрагментов с росписью, и эта коллекция вышла на второе место в Фергане после столичного Дальверзина (около 4.000 экз.). И это при том, что в Дальверзине всей керамики собрано в десять раз больше, чем в Оше. Сравнить с синхронными комплексами южных областей невозможно, поскольку в литературе отсутствуют точные данные о находках керамики. По приблизительным оценкам расписной керамики на одном

поселении в Оше было столько, сколько на всех памятниках Северной Бактрии и Северной Парфии. На Туябугузских поселениях в соседнем Ташкентском оазисе, сходных по культуре с чустской, за четыре года собрано 12.000 фрагментов керамики. Из них с росписью только 30 фрагментов (Дуке. 1982. С. 50). Цифры не сопоставимы! Но главное — в высоком качестве мастерства исполнения и в разнообразии орнаментальных мотивов. Многие сосуды из Оша представляют образцы высокохудожественных изделий прикладного искусства.

В ошской расписной посуде насчитывается 70 орнаментальных узоров. Это меньше, чем в орнаменте Дальверзина, включающем 170 мотивов. Важно при этом подчеркнуть сходство основных разновидностей всех групп узоров. Естественно, полного совпадения ассортимента не может быть.

Следует обратить внимание на то, что в Ошском поселении доля расписных образцов составляет 7,6 %, тогда как в Дальверзине только 1,7 %, т.е. в четыре раза больше.

Особый интерес вызывают зооморфные узоры — первые две находки в Фергане изображений козла. Они находят аналогии только в расписной посуде из Кучуктепе в Северной Бактрии (Аскарлов, Альбаум. 1979. С. 35). Силуэтные рисунки козлов, особенно с несоразмерными по величине рогами, напоминают геометрический стиль исполнения животных на известных наскальных изображениях Саймалы-Таш, на склонах Ферганского хребта (Бернштам. 1952б; Шер. 1980). Это скопление петроглифов находится на расстоянии всего около 100 км (по прямой) от Оша и Дальверзина, а от ближайших чустских памятников на расстоянии 60-70 км. Указанное сходство изображений фигур из двух соединенных треугольников позволяет говорить о распространении в Фергане единых стилевых приемов изображения животных в расписном орнаменте на сосудах и наскальных рисунках. Оно является серьезным основанием для датировки этих петроглифов Саймалы-Таш чустским периодом. Возможно даже предположить, что они производились одними и теми же мастерами.

На Ошских сосудах, несомненно, изображен не домашний, а горный козел с характерными тяжелыми и крутыми рогами, представитель дикой фауны. Ближайшие аналогии, кроме Кучуктепе, находим в расписной керамике более древних племен Южной Туркмении, Ирана, Месопотамии, относящихся к эпохе неолита и бронзы.

Почитание именно горного дикого козла распространено у земледельцев и скотоводов, в жизни которых значение охоты было минимальным.

Популярность образа козла в религиозных представлениях ранних земледельцев объясняют переживаниями древнейших тотемических верований (Массон. 1964). В ближайшей к Фергане Южной Туркмении расцвет зооморфного орнамента в керамике наблюдается в период Намазга III и IV в конце IV-III тыс. до н.э. Во II тыс. до н.э. вместе с прекращением в Южной Туркмении обычая украшения сосудов росписью исчезают и зооморфные узоры. Но почитание козла, очевидно, не прекратилось, и зооморфные мотивы возрождаются в чувстской культуре и в Кучуктепе.

Вполне вероятно, зооморфные узоры в ошской посуде и в Саймалы-Таше связаны с религиозными представлениями чувстского населения. Особо отметим каменное скульптурное изображение сохских змей, знаменующее не только культовое отношение к змее, но и отражающее дуалистическое мировоззрение древнего населения Ферганы (Воронец. 1956; Заднепровский. 1962а. с. 64).

Объектом поклонения, очевидно, служила сама Сулайман-Тоо, необычная по конфигурации, резко выделяющаяся на окружающей равнине. Обычай почитания гор широко распространен в древности и ярко отражен в мифологии индо-ариев и в Авесте, зафиксирован у персов Геродотом. Позднее доисламские верования были пересмотрены в духе мусульманских представлений о пророке Сулаймане, и гора улайман-Тоо (Тахти-Сулейман) до настоящего времени служит местом традиционного паломничества мусульман.

Подведем некоторые итоги. Ошское поселение, расположенное вблизи столичного Дальверзина, занимает в системе памятников неординарное место. Нам практически неизвестны причины появления поселка на горе и его функциональное значение. Зачем люди поселились на горе, нам неизвестно. Можно только высказать некоторые более или менее обоснованные предположения. Расположение на священном Сулайман-Тоо, открытие нескольких землянок-святилищ, необычное количество расписной престижной посуды — все это объясняется, очевидно, особым статусом Ошского поселения как одного из важнейших культовых центров Восточной Ферганы. Религиозные верования чувстского населения представляют вариант зороастрийских представлений, поклонения силам природы, культу огня, солнца.

6. ФЕРГАНА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Древнеземледельческая культура Ферганы в местной относительной хронологии относится к эпохе поздней бронзы (и действительно, в ней преобладают орудия и предметы из бронзы). Но по абсолютным датам, особенно позднего периода, она синхронна комплексам расписной керамики раннежелезного века южных областей Средней Азии — Северной Бактрии, Парфии и Маргианы. В этом различии археологической терминологии отражается неравномерность исторического развития в различных частях Центральной Азии.

Для определения места чувстской культуры среди одновременных комплексов необходимо учитывать то немаловажное обстоятельство, что она, будучи в основных этнографических проявлениях вполне самостоятельной и самобытной, вместе с тем была частью обширной общности земледельческих культур, выявленных во всех историко-культурных областях. Эта общность включает комплексы типа Елькен II, Анау IVa, Яз I, Кучук, Чуст, охватывает пространство от Ферганы и Ташкента, до Копет-Дага и Амударьи. Основным критерием этой общности, называемой нами Чувстской этнокультурной общностью (Заднепровский. 1978б; 1986а; 1990б) или язовской (Пилипко. 1984; 1991), служит повсеместное распространение лепной посуды и возрождение традиций украшения ее расписным, преимущественно геометрическим орнаментом.

Все известные памятники относятся к сравнительно узкому хронологическому периоду — к последним векам II тыс. или к середине его и до начала I тыс. до н.э. Новые памятники, открытые в разных областях, представляют дополнительные данные о сходстве культур в пределах чувстской общности. Наши знания о комплексах расписной керамики Северной Парфии пополнились в результате раскопок на поселении Яшиллы (Гутлыев. 1980; Гутлыев, Заднепровский. 1985) и в оазисе Этека (Пилипко. 1986. 1989). Особое значение имеют исследования памятников поры Яз I в новых оазисах в низовьях Мургаба, значительно расширивших ареал культуры раннежелезного века (Масимов. 1982; Сариниди. 1990; Хиберти. 1993). Аналогичная расписная керамика обнаружена в новом районе Юга Туркмении — на поселении Оглок-Депе, около Тахтибазара в среднем течении Мургаба (Удеумуратов. 1990), которое, по всей вероятности, можно связать с ближайшим Серахским оазисом. Увеличилось число известных поселений с расписной керамикой в долине Кашкадарьи и Зеравшана (Раимкулов, Исамиддинов. 1990; Саг-

дуллаев. 1989; Исамиддинов, Иваницкий. 1994). В совокупности все они дают основания говорить о существовании согдийского очага культуры расписной керамики (Заднепровский. 1995б).

Аналогичные комплексы обнаружены в верховьях Атрека на южных склонах Копетдага (на территории Древней Гиркании) (Ricciardi. 1986). Это открытие расширяет ареал культуры типа АнауIV, ЕлькенII. К ранее известным памятникам язовского круга, таким, как Тиллятепе в Южной Бактрии, Нади-Али в Дрангиане и Мундигак в Арахосии — все они расположены на территории Афганистана — теперь, как отмечает В.И. Сарианиди, можно присоединить материалы поселения Пирак в Белуджистане (Сарианиди. 1985).

Таким образом, южные границы чувстской общности в настоящее время надо перенести к югу от Копетдага и Амударьи. Следовательно, эта общность охватывает многие, заселенные ираноязычными племенами области, позднее вошедшие в состав Ахеменидской державы. И вполне обоснованно то, что историки связывают эту общность с этнической территорией формирования таджикской народности (Пьянков. 1990; Давыдов. 1989). Ареал культур поздней расписной керамики, в том числе и чувстской, совпадает с границами распространения первоначального зороастризма (Пьянков. 1996).

Теперь обратимся к областям, расположенным на восток от Ферганы. Исключительно важные материалы получены в последнее время китайскими археологами в новом регионе — в Таримской впадине (Синьцзян). На южных склонах Восточного Тянь-шаня выявлено несколько земледельческих оазисов эпохи поздней бронзы. Судя по предварительным публикациям, можно прийти к заключению о большом сходстве некоторых из них с чувстскими поселениями соседней Ферганы.

Наиболее интересно поселение Синтала, расположенное к северу от оз. Баграш-Куль в уезде Хошо в северно-восточной части Таримской котловины. Эти земли в пору династии Хань входили в состав государства Яньци (Карашар). Овальная в плане холм поселения размером 230 x 160 м., площадью около 4 га. Небольшие раскопки провел в 1979 г. Ли Эньго (Каогу. 1988. № 5; Debaine Francfort. 1988; Заднепровский. 1993б). На юго-восточном краю прослежены остатки внешней стены из сырцового кирпича. На одном кирпиче сохранился прочерченный знак в виде диагонального креста, напоминающий знаки на кирпичах из оборонительной стены цитадели Дальверзина. В разных частях холма заложено 4 шурфа общей площадью 41 кв.м. В центре поселения культурные напластования достигают 5 м и состоят из трех слоев. В одном

шурфе расчищен участок пола, выложенный галькой, с очагом диаметром 60 см. и небольшой ямой хозяйственного назначения.

На поселении собрана керамика нескольких разновидностей. Почти вся посуда изготовлена вручную, за исключением нескольких образцов, сформованных на гончарном круге. Красная керамика (с красной облицовкой) представлена двумя целыми кувшинами с плоским дном и широкой горловиной, с двумя небольшими ручками на плечиках (Рис.63-1, 2).

Обращает на себя внимание расписная керамика — основной индикатор культурной принадлежности поселения Синтала. Она украшена простыми геометрическими узорами черной краской по красному фону и по этим признакам сходна с посудой Чуста. В орнаменте имеется ряд одинаковых узоров — зубовидный, заштрихованные треугольники разной формы. Совпадает даже такая деталь, как украшение края венчика с внутренней стороны горизонтальной полоской и зубовидным узором. Более десятка орнаментальных мотивов специфичны только для Синтала и не имеют аналогий в Чусте. Третья группа, черно-коричневая керамика с резным и гребенчатым орнаментом резко выделяется в комплексе. В нижних слоях одного шурфа собрано более 80 подобных образцов, сходных с андроновской керамикой (Хаврин. 1992). Поскольку серия опубликованных фрагментов небольшая, то можно говорить только об общем сходстве с андроновским комплексом. Судя по составу комплекса, керамика в Синтала, как и на Ошском поселении, представлена материалами двух разных культурных традиций. При этом, стратиграфически в Синтала керамика андроновского облика, очевидно, предшествует расписной (Рис.63).

Жители Синтала широко применяли орудия из камня в хозяйстве и в быту, в том числе сланцевые серпы, находки которых в Синьцзяне были ранее известны и которые представляют типичные орудия чувстской культуры. Затем назовем аналогичные массивные колотушки с выделенной рукоятью, точильные бруски, пуговицеобразные изделия. На поверхность поднято несколько зернотерок обычной ладьевидной формы и плоские, сработанные с двух сторон, а также каменный ковш-ступка с массивной цилиндрической ручкой. Большая часть перечисленных изделий находит самые близкие аналогии в чувстских комплексах. На поверхности найден бронзовый кельт и обломки двухперового наконечника стрелы и шила. Кельт относится к типу двухбушковых (ушки обломаны) с рельефными поясками и валиком на краю втулки, обычно датируемых позднебронзовым временем. Более точно определить дату затруднительно, поскольку отсутствует орнамент (Рис.63).

Две радиоуглеродные даты с корректировкой — 1690-1425±150 позволяют определить время функционирования поселения около 1500 годом до н.э., что довольно близко радиохронологии Чуста.

В настоящее время комплекс Синтала и другие аналогичные комплексы в Таримской впадине можно сопоставить только с культурами поздней расписной керамики и прежде всего с Чустом, учитывая, что в Синьцзяне пока не обнаружены памятники, которые можно сравнить с раннеземледельческими культурами поры Намазга I-IV, а также с Яншао.

В работе Дебэн-Франкфор (1988) кратко охарактеризованы около 40 памятников с расписной керамикой в Синьцзяне. Вся цепочка земледельческих оазисов длиной с запада на восток достигает 900 км. В свете новых открытий можно выделить Таримский очаг культуры поздней расписной керамики наряду с Ферганским, Ташкентским, Согдийским, Бактрийским, Маргианским, Парфянским. При этом Фергана оказывается не далекой периферией южной Язовской общности, а областью, занимающей центральное положение в огромном ареале. О его размерах можно составить представление по следующим данным. От Ферганы на восток до Синтала расстояние составляет около 1000 км. и почти столько же до столичного центра Маргианы — поселения Яздепе на юго-западе. От наиболее восточного оазиса на склонах Восточного Тяньшаня до Оша, насчитывается примерно 1700 км., а в другом направлении — от Оша до предгорий Копетдага — около 1300 км., и в целом ареал культур поздней расписной керамики Центральной Азии охватывает территорию, протяженностью около 3000 км.

Опираясь на новые материалы и уточненные радиоуглеродные датировки, можно заключить, что сходные культуры появляются независимо (конвергентно) примерно в одно и то же время — около 1500 г. до н.э. в трех отдаленных друг от друга странах — в Восточном Туркестане, Фергане и Маргиане. Из факта одновременности следует, что на современном уровне наших знаний нет достоверных оснований для предположения хронологического приоритета какой-либо одной области.

Учитывая все это, необходимо по-новому и более обоснованно подойти к вопросу о происхождении изучаемых культур, который является, пожалуй, одним из самых дискуссионных в первобытной археологии Средней Азии. Рассмотрению истории вопроса посвящены мои работы (Заднепровский. 1986а и 1990б).

Сторонником миграционной концепции происхождения Чуста от культуры типа Тилля-Тепе выступил В.И.Сарианиди (1989). Объективную позицию занял А.Аскараров (1979), оспоривший утверждение о приорите-

те Тилля-Тепе. Относительно чустской культуры он приходит к выводу, что по абсолютной хронологии она, возможно, является наиболее ранней в Средней Азии. А.С.Сагдуллаев в специальной статье «О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии» (1985) пытается опровергнуть положение о сходстве и, не приводя убедительных доводов, выступает вообще против выделения чустской общности. Несостоятельность положений А.С.Сагдуллаева показана в работе Ю.А.Заднепровского и Б.Матбабаева (1987в). Новую точку зрения высказала Н.Г.Горбунова (1984) о первичности земледельческой культуры Ферганы. Вопросы генезиса чустской культуры Ферганы, как видим, остро дискуссионны.

Выделение чустской культурной общности дало возможность поставить по-новому вопросы происхождения как самой культуры Чуста и Ферганы, так и культурной общности в целом. Сам факт широкого распространения культур поздней расписной керамики и почти одновременного появления их исключает поиск единого центра происхождения и миграционного объяснения. Формирование этих культур происходило на разной исходной базе — на юге на основе синтеза земледельческих культур со степными племенами, а на севере и, прежде всего в Фергане, на базе трансформации культур степных племен под воздействием южных общин. Степные племена обитали в разных частях Ферганской долины. Под влиянием южных общин совершился переход к прочной оседлости и интенсивной форме земледелия. Все это сопровождалось изменением культуры и быта. Моя гипотеза о происхождении чустской культуры в ходе трансформации изложена в докторской диссертации и в ряде других работ (Заднепровский. 1978б; 1986а; 1988а; 1993а) и она была принята В.И.Сарианиди и Г.А.Кошеленко в обобщающем труде (1985. С. 203).

На протяжении всего исторического времени и до наших дней в Ферганской долине отмечается сосуществование и тесное взаимодействие земледельческого населения со степными племенами, а позднее с кочевыми народами. Эти связи составляют специфическую особенность развития культуры древней Ферганы в целом и Ошского оазиса, в частности.

Новые материалы совершенно неожиданно обнаружены были в Историческом музее в Бишкеке. Я невольно обратил внимание на витрину, в которой выставлены материалы из раскопок В.П.Мокрынина на городище Сары-Булуи на юго-восточном берегу Иссык-Куля. Этот памятник В.П.Мокрынин и В.М.Плоских отождествляют со степным центром Усуней-Чигу. Но в витрине находилось несколько крупных обломков, которые

по форме, цвету и обработке резко выделялись и были похожи на аналогичные сосуды для хранения, найденные нами на Ошском поселении, Дальверзине и в Чусте — на земледельческих поселениях эпохи поздней бронзы. Сомнения не могло быть, ибо я пересмотрел почти все 500000 образцов чустской керамики. Рядом были каменные серпы, идентичные чустским, которых было найдено в Фергане 600 экземпляров. Таким образом, по крайней мере, два элемента культуры указывают на сходство. Естественно, что более подробное ознакомление со всем комплексом нижних слоев Сары-Булуна позволило бы более точно определить его место среди аналогичных памятников Ферганы, Центральной Азии и Восточного Туркестана.

Но уже сейчас можно высказать предположение об одновременном появлении земледельческой культуры в сходных проявлениях и, возможно, не без влияния Восточного Туркестана на юге — в Ферганской части Кыргызстана, и в котловине Иссык-Куля — на севере. Эти находки существенно меняют наши знания об особенностях исторического развития культуры Кыргызстана в период поздней бронзы, о древних страницах истории ее населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ОША.

В 2000 году Ош (будет отмечать) свое трехтысячелетие в соответствии с указом Президента Кыргызской Республики А.Акаева «О проведении празднования 3000-летия Оша» от 5 марта 1996 г. Таким образом, Ош признается старейшим городом Центральной Азии. Напомним, что история таких именитых, всемирно известных городов как Самарканд, Ходжент, Бухара насчитывает только 2500 лет.

Известно, что до сих пор наиболее древним на территории СНГ был Ереван. Столица Армении в 1968 г. торжественно отпраздновала 2750-летие патриарха городов нашей страны. С каждым годом он становится старше, и практически Ереван можно считать ровесником Оша. Ереван древнее Рима, который свое 2750-летие отметил только в 1997 году.

История Еревана неразрывно связана с Урартским царством. Город Эребуни (Ереван) — одна из пяти урартских крепостей на территории современного города. Основан, как гласит сохранившаяся надпись, на пятом году царствования Аргишти, т.е. в 782 г. до н.э. Следовательно, в 1968 г. ему исполнилось 2750 лет. Ознакомиться с этапами истории Еревана полезно для сопоставления с исторической судьбой Оша.

Основные материалы по истории урартского города добыты во время многолетних и широкомасштабных раскопок петербургского археолога Б.Б.Пиотровского на городище Кармир-Блур, которые были начаты им в 1939 г. Проводились исследования и на других археологических памятниках Еревана. Вскрыта была монументальная цитадель с большим количеством находок. На многих предметах вооружения, щитах и сосудах сохранились урартские клинописные надписи. Одна из них поведала о названии города — он именовался в честь Тейшебы — бога войны — городом Тейшебаини.

Город заложен в первой половине VII в. до н.э. и просуществовал около 75 лет, поскольку примерно в 585 г. он был взят штурмом скифами и разрушен.

Жизнь в городе возобновилась только частично. Со временем возникли новые поселения вокруг Тейшебаини, а на развалинах города совершали захоронения в раннеармянское время V-IV вв. до н.э. Могильник функционировал до начала нашей эры. Таким образом, о прямой преемственности можно говорить только с оговорками. Как городское поселение Ереван упоминается в армянских источниках в 607 г., а затем в 662-663 г. в связи с неудачной осадой города арабами (Есаян. 1969).

В античный период городская жизнь, по всей вероятности, значительно сократилась и о прямой преемственности города можно говорить, основываясь на существовании его на одном и том же месте.

Ереван самый древний город на Кавказе и единственный столь уникального возраста. Вопрос о причинах, почему в Кавказском регионе, с сильно развитой древней городской оседлой культурой, до наших дней дошел только один Ереван, — остается по существу открытым и загадочным. Историческая судьба Еревана необычна.

Для того, чтобы понять специфические особенности исторических судеб городов Ферганы, обратимся к Дальверзину и Ошу, они неразрывно связаны.

Дальверзин — крупнейшее поселение чувстской культуры, которое находится в Восточной Фергане, на берегу р. Карадарьи, около села Аим и на расстоянии 30 км по прямой от Оша, т.е. на расстоянии одного перехода верхом на лошади.

Один из важнейших признаков древнего города — большие размеры его. На Ближнем Востоке археологи относят к числу городов поселения площадью 6-7 га. По материалам Центральной Азии города характеризуются площадью 3-6 га (Ширинов. 1993. С. 38). Дальверзин по этому признаку превосходит в 4-7 раз (его площадь равна 25 га).

Вторым признаком является сложная планировочная структура. Дальверзин состоит из трех частей (основная жилая часть, цитадель и загон для скота), каждая из которых окружена самостоятельной оборонительной стеной. Для Дальверзина характерна сильно развитая самобытная по устройству фортификация (Заднепровский. 1976. 1995а).

В системе укреплений важная роль отводилась цитадели, в Дальверзине она расположена на северо-западном участке площадью 2,2 га и укреплена особо мощной стеной. Появление цитадели является существенным показателем превращения деревни (села) в городское поселение и усиления стратификации в обществе.

Археологические материалы свидетельствуют о значительном развитии ремесла — обработки металла (десяток литейных форм и остатки литейной печи), кости и рога, домостроительства, ткачества.

Развитие обмена и торговли документируется находками импортной чернолощеной посуды, привозных металлических изделий, формы которых типичны для степных культур, а также изделий, сходных с орудиями, распространенными в Южной Туркмении.

Как крупнейшее поселение Дальверзин, несомненно, служил административным и культурным центром Ферганы в эпоху поздней бронзы.

Приведенных данных вполне достаточно для утверждения о городском статусе Дальверзина. Этому древнему городу больше повезло, чем Тейшебаини, который функционировал всего 75 лет. Если полагаться на радиохронологию, Дальверзин существовал, по крайней мере около 800 лет. (XV/XIV — VIII/VII вв. до н.э.).

Обратимся к Ошскому поселению, которое по размерам, отсутствию укреплений и менее развитой ремесленной деятельностью значительно уступает Дальверзину. Зато оно выделяется уникальным расположением на горе, террасовидной планировкой, преобладанием землянок (часть которых явно выполняли функции святилищ) и преобладанием престижной расписной посуды. Ошское поселение расположено в пределах досягаемости влияния Дальверзина и не удивительна исключительная однородность всего археологического комплекса. В целом керамика и другие находки в Оше аналогичны Дальверзину. Особое значение имеет сходство конструктивной схемы Ошских землянок с четырехколонным помещением с явно культовым очагом в центре, с землянкой, обнаруженной в нижнем горизонте цитадели Дальверзина. Из этого следует заключение о синхронности основной части Ошского поселения с начальным этапом Дальверзина и чувстской культуры в целом. Эти памятники синхронны и по радиоуглеродным определениям и существовали в пределах XV/XIV-VIII/VII вв. до н.э. Однако следует отметить, что это утверждение, как и всякая другая научная гипотеза, нуждается в дополнительном подтверждении радиоуглеродными датами.

Имеющиеся материалы позволяют обоснованно рассматривать Ошское поселение как зародыш, прародитель города Ош, вокруг которого вырос позднее крупный — третий по величине в Фергане город.

Наиболее сложным и недостаточно еще изученным является вопрос о преемственном развитии между поселением на Сулайман-Тоо и городом Ош саманидского периода. На этом остановимся подробнее.

Прежде всего следует учитывать, что большинство, и прежде всего средние и крупные чувстские поселения, были заброшены на рубеже VIII/VII вв. до н.э. Следовательно, поселения последующих периодов — эйлатанского и шурабашатского, и в том числе «70 больших и малых городов» Давани, о которых повествуют китайские хроники (Бичурин. 1950. Т. 2. С. 149, 187), возникли на новых местах, поэтому о прямой преемственности нельзя говорить. Малочисленные исследования не достаточно достоверны. Так, на Кара-Курганском поселении к северу от Чуста была собрана на поверхности чувстская и эйлатанская керамика в не стратифицированном положении (Заднепровский. 1962а. С. 42). На по-

селении Ашкал-Тепе открыты более поздние захоронения актамского типа (Заднепровский. 1990а. с.88), а на Тюря-Курганском поселении, на левом берегу р. Кассан-Сай, найдена чустская, эйлатанская и в верхних слоях мархаматская керамика. Стратиграфически разделение нижних слоев Ю.Г.Чуланову не удалось проследить (Заднепровский. 1962а. с. 42, 114).

В 1946-1947 гг. при обследовании Ошского оазиса экспедиция А.Н.-Бернштама на план нанесла несколько тепе и древних поселений на левом берегу р. Акбуры. Ныне эти участки застроены и сохранились до нашего времени только два поселения: Чаян-Тепе и Безымьянное в Черемушках, которые ныне тоже разрушены (Рис.62).

Наибольший интерес вызывает уже упомянутое поселение Чаян-Тепе. Оно расположено близко к улице Низами, в западной части Оша. В раскопках, как уже было сказано, найдены образцы чустской керамики и типичные каменные серпы, а также станковая эйлатанского периода посуда, крашеная керамика шурабашатской культуры и красноангобированные сосуды мархаматского периода. Причем не единичные экземпляры, а большие серии, к тому же 60 целых сосудов. В северной части открыто семь погребений первой половины I тыс. н.э. с мархаматской керамикой, аналогичные захоронениям в могильнике Темир-Коруг (Наукатский оазис). Эти находки свидетельствуют о непрерывном обитании земледельцев в оазисе Оша на протяжении более 1500 лет и заполняют пробел в преемственном развитии на территории Оша, начиная с чустского периода и до середины I тыс. н.э. Аналогичные находки, начиная от чустской керамики и до средневековой, выявлены в котловане строительства здания Пединститута в центральной части города, но они до нас не сохранились. Очевидно, что эти материалы свидетельствуют о преемственности жизни на территории Оша.

К этому следует добавить, что Сулайман-Тоо функционировала и во всяком случае ее посещали в первой половине I тыс. н.э., судя по находкам ремесленной мархаматской керамики в северном раскопе, на северном склоне и по многочисленным сборам этой керамики, поднятой Е.В.Дружининой в разных местах на поверхности южного склона. Ее коллекция насчитывает около 4000 фрагментов.

Материалы этого же периода собрал А.И.Пошко — сотрудник Ошского музея, летом 1956 г. во время строительства новой Ошской МТС в юго-западной части Оша. В ходе земляных работ были разрушены захоронения, но обряд погребения удалось восстановить (Пошко. 1957). К опубликованной им краткой информации, я добавлю некоторые детали,

поскольку видел составленную схему. Удалось описать остатки двух захоронений. Погребение мужчины, лежавшего на спине вытянуто, головой, очевидно, на юг. Вокруг костяка на дне могилы находились семь глиняных сосудов разной формы (четыре кувшина с петлевидной ручкой, круглодонная чаша, горшок). Вдоль правого бедра лежали обломки копья, слева у таза — кинжал. Среди костей найден железный нож.

Лучше зафиксировано захоронение женщины, лежащей на спине, головой на юг. С правой стороны головы лежал большой разбитый кувшин, горловиной рядом с черепом. Внутри его находился маленький сосуд. Рядом с кувшином возле головы находились обломки зернотерки и два каменных пестика. Кувшин покрыт красным ангобом и рядом с ним лежал сурьматаш. На шее оказалось несколько стеклянных бус. У черепа сохранились остатки бронзовых серег. У левой тазовой кости глиняное прясло. На костях груди зеленые окислы, возможно от бронзового зеркала.

Поблизости расчищена древняя обжигательная печь. В зоне работ найдены четыре серебряные монеты сасанидского периода. Рисунков не сохранилось и определение монет трудно проверить (Пошко. 1957. С. 206).

Судя по местоположению, эти погребения располагались недалеко от Чаян-Тепе, и обряд погребения, и перечень находок сходны. По всей вероятности, собранный на строительстве Ошской МТС материал можно рассматривать как еще одно доказательство заселения территории Оша в первой половине I тыс. н.э.

В третьем пункте Оша, на территории Ошского ликеро-водочного завода, на левом берегу р. Акбура, западнее базара, в котловане обнаружены разбитые древние сосуды, кости животных и человека. Культурный слой достигает 7 м. толщины. В верхних слоях находили поливную посуду саманидского периода IX-X вв. На большой глубине была найдена расписная керамика периода «Триполья», датируемая в Средней Азии в те годы III-II вв. н.э. Таким образом, на этом участке намечается стратиграфическое членение слоев с разновременной керамикой. Об этих работах написал В.Чейлытко в газете «Ленинский путь» 12.07.1950 г. Хотя датировка расписной керамики остается неясной, сам факт нахождения ее вызывает большой интерес и следует провести контрольную шурфовку на указанном месте.

Жизнь на Сулайман-Тоо прекратилась одновременно со всей чустской культурой в VIII-VII вв. до н.э. Но очень скоро вокруг почитаемой, священной горы стали возникать отдельные укрепленные дома типа

Чаян-Тепе и небольшие поселения, появились обособленные могильники. Одним из первых экспедицией А.Н.Бернштама в 1947 г. исследован могильник Тюлейкен к западу от Оша (Бернштам. 1952а). Ныне этот участок застроен, и я, как участник этих работ, не могу точно опознать его местоположение. В двух могилах найдены разрушенные костяки и одиночные сосуды, один из них украшен росписью, сходной с орнаментом раннежелезного века, богато представленным в захоронениях Актамской группы (Горбунова. 1986; Ташбаева. 1996). В том же 1947 г. мною в составе экспедиции А.Н.Бернштама проведены разведывательные работы на тепе на 11 км. к северу от Оша (ныне в черте города) по дороге на Карасуу. В верхних слоях обнаружена керамика с красным ангобом мархаматского периода и обломок железного трехгранного наконечника стрелы с черешком. В нижних слоях собрано несколько обломков крашеной керамики раннежелезного века (Заднепровский. 1962а. С. 113). На основании этих находок А.Н.Бернштам, исходя из заниженной в то время даты Эйлатана, отнес тепе к памятникам эпохи бронзы (Бернштам. 1952а. Историко-археологическая классификация памятников — № 7). Позднее это тепе было скрыто при землеустроительных работах.

Второй могильник раннежелезного века исследован моей экспедицией в 1980 и 1982 гг. В могильнике Озгор II, расположенном в 10 км. к югу от Оша, на высокой террасе левого берега Акбуры (Рис.62), разбросано без системы 25 насыпей. Вскрыто 19 курганов. Захоронения произведены в грунтовых могилах, окаймленных каменной выкладкой или двумя кольцами крупных валунов. В большинстве могил костяки сильно разрушены. В погребальном инвентаре наряду с лепной оказалось много станковой посуды аналогичной для городища Эйлатан и Актамских захоронений, датируемых VII-VI-IV вв. до н.э. Эти находки первой в истории Ферганы посуды, изготовленной на гончарном круге, в условиях оседлого ремесленного производства. Расписной керамики не найдено. В захоронениях найдены бронзовые украшения, бусы и железные предметы, в том числе железные наконечники стрел, отсутствующие в Актаме. Весь комплекс находок и обряд погребения позволяет относить Озгор, как и Тюлейкен, к кругу погребальных памятников эйлатанской культуры VII-VI-IV вв. до н.э. (Заднепровский. 1990а). Станковая посуда явно изготовлена гончарами земледельческих поселков, и она выявлена в нескольких пунктах на территории Оша — на Чаян-Тепе, в котловане Пединститута и в шурфе в Черемушках.

В середине I тыс. до н.э. в Западной и Восточной Фергане наблюдается бурный рост оседлых поселений, который образует важный этап

древней урбанизации края. Возникновение нескольких городских поселений среди которых выделяется Кирополь на левом берегу Сырдарьи, предшествует появлению в 329 г. до н.э. на Сырдарье отрядов Александра Македонского. По археологическим данным и преимущественно по находкам керамики была установлена дата возникновения Ходжента-Ленинабада, который в сентябре 1986 г. отметил свое 2500-летие (Негматов. 1986). Главным доводом для определения времени основания Ходжента служат материалы, аналогичные эйлатанской культуре. Напомним, что Эйлатан расположенный в междуречье Нарына и Карадарьи, занимал площадь 20 га, а внешние его стены окружали участок около 200 га. Абсолютная дата его VII-IV вв. до н.э. достаточно обоснована. Комплекс включает лепную крашеную и расписную посуду и первую в Фергане станковую керамику, изготовленную на гончарном круге. Именно такой комплекс обнаружен в нижних слоях цитадели Ходжента и является основанием для датировки начального этапа его существования (Беляева. 1986. С. 84 и след.). Заключение исследователей о датировке раннего комплекса керамики Ходжента I я полностью поддержал в своем выступлении на юбилейном заседании в 1986 г.

В Восточной Фергане, кроме Эйлатана, появилось большое количество поселений шурабашатской культуры, представляющих непосредственное развитие эйлатанского комплекса (Заднепровский. 1960а,б. 1962а. 1984в. 1996). Шурабашатское городище на правом берегу Яссы, к северу от Узгена, открыто мною в 1954 г. Это самое крупное поселение древнего периода Ферганы, так как его площадь занимает 70 га. Анализ данных китайских источников позволил сопоставить его с городом Ю-Чэн, третьим известным городом государства Давань в Фергане (Заднепровский. 1960б).

В настоящее время выявлено более 50 поселений шурабашатской культуры, которая характеризуется сочетанием в комплексе лепной крашеной и своеобразной расписной посуды вместе со станковой красноангобированной керамикой. Шурабашатский комплекс датируется мною рубежом V/IV — I вв. до н.э.

Замечательным памятником этой культуры на территории Оша является полностью исследованная нами укрепленная усадьба Мирзалим-Тепе на восточной окраине города (Рис.62). В усадьбе площадью 400 кв.м. было восемь комнат. Центральной была квадратная зала, размером 8,2 x 8,2 м. В центре находился большой очаг, а вдоль стен деревянный помост — супа. Она служила «михмонхоной», предназначенной для отправления культа огня, приема гостей и праздников. Усадьба име-

ла мощные, двухметровой толщины, внешние стены (Заднепровский. 1996).

К этому же времени в Ошском оазисе следует отнести вторую раскопанную нами усадьбу Хожамбаг-Тепе, которая находится примерно в 12 км. от Мирзалим-Тепе. Эта сельская усадьба овальная в плане, отличается по внешней и внутренней планировке от Мирзалим-Тепе (Заднепровский. 1996).

В шурабашатский период были заложены мощные оборонительные стены на городище Мады. По добытым нами в 1982-1984 гг. материалам можно заключить, что мощная крепость Мады предназначена для обороны Ошского оазиса и его центра с востока.

Материалы рассматриваемого времени выявлены в наших раскопках 1987 г. на Акбуринском городище с мощными оборонительными стенами и высокой цитаделью. Эта сильная крепость в узком месте перегородивала долину левого берега р. Акбуры и охраняла подступы к Ошу с юга (Рис.62).

Форпостом на севере Ошского оазиса выступало городище Билувур-Тепе, на левом берегу Акбуры, на границе с Андижанской областью (Заднепровский. 1985а). Таким образом, с трех сторон оазис был защищен сильно укрепленными крепостями: на севере — Билувур-Тепе, на востоке — Мады, на юге — Акбуринская крепость, на западе оазис окаймлен горным хребтом (Рис.62).

На территории оазиса несколько шурабашатских поселений исследовал О.Береналиев, в том числе крупное городище Ооз-Тепе (Береналиев. 1974. 1975. 1976).

Ко всему этому следует добавить замечательный комплекс наскальных изображений Даваньских коней на скальном хребте, окаймляющем Ошский оазис на северо-западе. Здесь, в местности Сюррет-Таш, на скалах выбиты крупные фигуры тонконогих высокопородистых лошадей. Очевидно, в этом месте находился важный культурный центр Давани. Напомним, что изображения коней, несколько иного типа, имеются и на Сулайман-Тоо. Это позволяет говорить об особом значении Ошского оазиса в развитии коневодства и культа коня в Давани (Бернштам. 1948; Заднепровский. 1962а,б; Шер. 1980).

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что шурабашатский период VI/IV — I вв. до н.э. — это второй в истории Восточной Ферганы после чустского важный этап развития оседло-земледельческой культуры. Резкое увеличение количества поселений, появление особо крупных земледельческих оазисов, таких как Карадарьинский (к юго-востоку

от Узгена), насчитывающий более 70 памятников с небольшим городом — Карадарьинским городище — все это указывает на расцвет древней урбанизации и подтверждает сообщения китайских хроник о наличии во II в. до н.э. в Давани (Фергане), «больших и малых городов более 70». Целая цепочка поселений и городов в долине Яссы и Кара-Дарьи маркируют направление торговых путей. Бурный рост Давани был обусловлен развитием сельского хозяйства и особой роли международной транзитной торговли по Великому Шелковому пути, который проходил через городские центры этой страны.

Даваньское государство возникло не во II в. до н.э., когда с ним установила отношения империя Хань (первая поездка Чжан Цяна 125 г. до н.э.), а следует полагать значительно раньше. Сравнительное изучение культуры древней Ферганы приводит к заключению, что раннее государство Давань возникает примерно в середине I тыс. до н.э. (Заднепровский. 1984г). Начальный этап ее истории совпадает во времени с появлением шурабашатской культуры. Даваньское государство существовало до 220-419 гг. Следовательно, оно стабильно развивалось на протяжении, по крайней мере, 600-800 лет. Столь продолжительное существование Давани в сложной исторической обстановке эпохи — беспрецедентный феномен в древней истории Центральной Азии. Оно было, по всей вероятности, основано на тесных политических связях с соседними кочевыми народами. Появление Даваньского государства — это результат кардинальных социально-экономических изменений предшествующих периодов, начиная с чустского.

Из 70 больших и малых городов Давани нам известны наименования только трех — город Ю-Чэн на востоке Давани, который оказал упорное сопротивление ханьской армии во время войны 104-99 гг. до н.э.; город Гуйшань на севере, бывший столицей государства, который достаточно аргументированно и традиционно сопоставляют с Древним Касаном. Третий — тоже столичный город Эрши. Ош не упомянут в китайских источниках, и предположение Л.А.Боровковой (1989) отождествить его со столицей Давани — городом Гуйшань, не обосновано и, к сожалению, как это показано в моей рецензии на ее книгу, не может быть принято (Заднепровский. 1991б ср. 1997). По мнению Л.А.Боровковой Эрши локализуется в Коканде. С этим согласиться также нельзя, так как в источниках указание его местоположения отсутствует. По археологическим данным А.Н.Бернштам отождествил Эрши с городищем Мархамат, в 40 км к западу от Оша. Это крупное городище площадью 40 га — второе после Шурабашата, выделяется правильной прямоугольной плани-

ровкой, очень редкой в ферганских памятниках и особо мощной фортификацией. Поблизости от городища находятся известные Араванские наскальные изображения коней Давани (это напоминает сообщение китайских хроник, что Даваньские кони содержатся в Эрши) (Бернштам. 1948. 1952а). Отождествление А.Н.Бернштама принято в литературе. Новые данные о Мархамате (Минг-Тепе) изложены в работе Заднепровского, Матбабаева (1991).

Столицу Давани — Гуйшань давно принято сопоставлять с древним Кассаном, начиная с В.В.Бартольда, который в 1900 г. отождествил Гейсай, главный город средневековой Ферганы с Кассаном (Бартольд. 1963. Т. 1. С. 219) и писал, что и в более раннее время, в период Давани, столицей был Гуйшань (Кассан) (Бартольд. 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 176). Свое столичное положение Кассан сохранял с перерывами на протяжении около тысячи лет до IX в., когда он уступил первенство Ахсыкету.

Точка зрения В.В.Бартольда была развита А.Н.Бернштамом, который высказал предположение, что столица Давани из Эрши переносится в Гуйшань в первых веках н.э. (Бернштам. 1952а. с. 237). Определенные указания на время переноса отсутствуют в источниках.

До сих пор никто не обратил внимание на то, что в «Цянь хань-шу» столицей назван город Гуйшань (Бичурин. 1950. Т. 2. С. 186), но когда описываются драматические события штурма столицы ханьскими войсками, город называется Эрши (Бичурин. 1950. Т. 2. С. 162) и командующий ханьскими войсками Ли Гуан Ли получил почетное наименование Эршинский. Получается, что в Давани в один и тот же период было две столицы: Гуйшань и Эрши. Ни Чжан-Цянь, ни информаторы похода 104-99 гг. до н.э. не сообщают о переносе столицы.

В китайских хрониках имеются сведения о двух столицах в соседнем Кангюе (летняя и, очевидно, зимняя). Об этом пишет Л.А.Боровкова (1989). О двух сезонных столичных центрах у парфян сообщает Страбон (XI, 13.1). Весьма вероятно, что в жарких странах Азии широко был распространен обычай использования сезонных столиц. Принимая во внимание климатические условия Ферганы, можно полагать, что Кассан служил местом пребывания правителя и правительства в летнее время, а Эрши — Мархамат в остальные времена года.

Следует обратить внимание на местоположение Оша между городом Ю-Чэн (городище Шурабашат) и столицей Давани — Эрши (городище Мархамат). Географическое положение Оша было исключительно благоприятным для торговых караванов по Великому Шелковому пути. Караванные дороги из Китая в горном массиве Тянь-Шаня строго огра-

ничены и хорошо известны с древности и до наших дней. Дорога шла из Кашгара в Иркештам, и через перевалы Терек-Даван и Талдык приводила в Ошский оазис. Второй путь через перевал Суек вел в долины Каракульджа-Яссы (к городу Ю-Чэн — Шурабашат) и с другой стороны приводил в тот же Ошский оазис. Роль примечательного указателя дороги исполняла Сулайман-Тоо, резко выделявшаяся на равнине и привлекавшая внимание всех путников и караваны.

Широко известно, что торговые трассы ВШП проходили через Фергану (Заднепровский. 1990), и это документировано многочисленными находками ханьских зеркал (около 40 экз.), монет ушу (Горбунова. 1990; Горбунова, Ивочкина. 1988; Заднепровский, Лубо-Лесниченко. 1995), китайского шелка (Лубо-Лесниченко. 1982).

Учитывая все выше сказанное, нет оснований сомневаться, что Ош в Даваньский период и в период функционирования Великого Шелкового пути являлся одним из «70 больших и малых городов» Давани.

Относительно генезиса средневекового города Ош перспективную гипотезу высказал А.Н.Бернштам: «Образованию города Ош предшествуют тепе... даваньского и кушанского времени, обследованные экспедицией в 1946 г. С укреплением роли и значения города Ош эти поселения, (расположенные к западу от него по Наукатской дороге) отмирают. На смену им появляются крепости и замки, реконструирующие бывшие замки кушанского типа. К таковым относится крепость на Ак-Буре, к юго-западу от г. Ош и крепость Кургашин-Тепе к северу от него. Первая охраняла подступ к нему со стороны гор по ущелью Ак-Буры и ведала его оросительной системой. Выход же из ущелья Талдык-Су (перевал Чигирчик) охраняла стройная система укреплений — Шалтакская группа замков, продолжающих свою жизнь и в средние века, и город Медва...»

С востока Ош оказывается защищенным мощной крепостью Кургашин-Тепе, также обследованной раскопками экспедиции 1946 г., показавшими, что в средние века продолжалась жизнь городища, несомненно возникшего гораздо раньше.

Таким образом, к VIII-IX вв. наблюдается — за счет отмирания множества отдельных поселений — образование крупных феодальных центров с развитой системой обороны оазиса крепостями...» (Бернштам. 1952а. с. 249).

А.Н.Бернштам наметил принципиальные пути сложения феодального города, которые в применении к Ошу необходимо обосновать конкретными материалами и проследить на имеющихся памятниках.

Образование крупного средневекового города Ош совершилось, очевидно, путем объединения ряда небольших поселений, существовавших на его территории, и этот путь типичен для многих исторических городов древности и средневековья. Конкретный процесс становления Оша еще не исследован. Но кое-что было все-таки сделано. Руководствуясь гипотезой А.Н.Бернштама, проведены раскопки на Акбуринской крепости, охранявшей подступы к Ошу с юга. Обнаружены материалы (красноангобированная керамика) первых веков н.э. Кроющий слой содержал раннесредневековые находки, которые при продолжении раскопок могут восполнить существующий пробел по раннесредневековому периоду V-VII вв., непосредственно предшествующему средневековому Ошу. Небольшие исследования осуществлены на городище Мады к востоку от Оша (на Памирском тракте). На этом месте мощная крепость, высотой более 20 м. сооружена была в шурабашатский период. При раскопках также обнаружены материалы позднего средневековья (XIII-XV вв.), а остатков города Медва саманидского времени найти пока не удалось (Заднепровский. 1959б; 1960а; 1996).

Сильно укрепленная крепость с мощной круглой в плане цитаделью с четырьмя башнями, изучена на городище Билувер-Тепе к северо-западу от Оша. В верхнем слое найдены материалы разрушенного раннесредневекового периода (слой Билувер III). На поселении четко прослежено 3 слоя, первые два из которых относятся к мархаматскому, третий — раннесредневековый. В цитадели полностью оконтурено монументальное здание крестовидной в плане формы, не находящее прямых аналогий в Центральной Азии. Обнаруженные материалы позволяют поставить вопрос о генезисе одного из ведущих типов укрепленных поселений раннесредневекового периода (Заднепровский, Баранов. 1977. С. 524; 1978. С. 524; 1979. С. 153-154; Заднепровский. 1985а).

Все перечисленные А.Н.Бернштамом памятники, к которым следует добавить Билувер-Тепе, в совокупности создавали внешнюю оборонительную систему, защищающую подходы к столичному центру Давани, к Мархаматскому городищу и к Ошу в центре Ошского оазиса.

Хотя жизнь на Сулайман-Тоо прекратилась, сама она пользовалась большим почитанием на протяжении всей истории вплоть до наших дней. Убедительным доказательством посещения горы в X в. служит арабская надпись, которую в 1885 г. обнаружил первый исследователь древней Ферганы петербургский профессор Н.И.Веселовский. На восточном краю горы он нашел надпись, на которой ясно сохранился дважды 329 год хиджры (941 г. по Р.Х.) и имя саманидского эмира Насра, сына Ахме-

да. К сожалению, начало надписи было скрыто стеной, здесь же построенной мечети Сулеймана (речь, по-видимому, идет о почитаемом мазаре (с гробницей)) (Веселовский. 1891. С. LXXIII; Заднепровский. 1986в. с. 75). Надпись частично сохранилась до наших дней на плоскости скалы, которую закрывает современный мазар, именуемый домиком Бабура. В свое время мне удалось сделать протирку нескольких заметных букв.

Следовательно, Сулайман-Тоо, как культовый центр, функционировала с начала чувствской культуры до эпохи саманидов и пользуется большим почитанием до настоящего времени. Из замечания Н.И.Веселовского можно установить, что мазар на восточной оконечности Сулайман-Тоо был сооружен, видимо, в саманидское время. Во всяком случае значительно раньше, чем предполагают современные исследователи (Бернштам. 1950. С. 117-118; Нусов. 1971. С. 90).

Сведения письменных источников, данные нумизматики и эпиграфики свидетельствуют о том, что средневековый Ош был крупным третьим по величине городом, экономическим и торговым центром Ферганы. Археологически средневековый Ош почти не изучен, за исключением бани у подошвы горы (Заднепровский. 1986б. с. 460; Аманбаева. 1988; Заднепровский. 1996). Нам неизвестны даже реальные его размеры. В Оше, как и в большинстве среднеазиатских городов, жизнь продолжалась с момента основания до настоящего времени практически на одном и том же месте. Поэтому древние слои в нем скрыты поздними напластованиями.

В исследовании истории Оша сделаны первые шаги и предстоит еще значительная работа, чтобы проследить преемственность и непрерывность исторического развития. Однако, и то, что удалось уже установить, показывает глубокую древность Оша — одного из самых древних городов Средней Азии, жизнь на территории которого продолжалась с небольшими перерывами на протяжении трех тысячелетий.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОШЕ В 1984 г.

В предыдущие годы на Ошском поселении эпохи бронзы были открыты два крупных помещения IX и XI, с явными следами промежуточных опор перекрытий периметральных стоек каркаса. Открыто также примыкающее к ним лишь частично сохранившееся помещение VIII со следами 5 периметральных стоек и, возможно, двух центральных. Было предположено, что три помещения образовывали комплекс общественного значения. Расположение следов опор в помещениях IX и XI позволяло видеть в них четырехколонные залы.

Для истории архитектуры имеет принципиальное значение вопрос, являлись ли эти помещения четырехколонными залами мегаронного типа, так как пока нет свидетельств существования этого типа сооружений в Средней Азии в доантичную эпоху, когда он был принесен с запада в период македонского завоевания.

Для выяснения вопроса в августе 1984 г. помещения VIII, IX и XI были вновь расчищены с выявлением всех известных ранее деталей, что проверялось на месте Е.В.Дружининой по полевым чертежам прошлых лет. Потом были произведены тщательные обмеры — горизонтальные замеры и нивелировочные наблюдения фиксировались с точностью 0,5 см. и составлены чертежи в масштабе 1:25, на основе которых проведен анализ геометрии помещений (Рис.32).

Оказалось, что полы помещений IX и XI, имеющие легкий наклон на запад, лежат на близких отметках и представляют, по-видимому, единый функциональный уровень. Пол помещения VIII в месте примыкания его к помещению IX выше пола последнего в среднем на 45 см. Сохранившийся контур помещения VIII реконструируется почти наполовину наложенным на территорию помещения IX. Похоже, помещения одновременно не функционировали. Сохранность помещения VIII в целом и следов стоек в частности не позволяет реконструировать схему перекрытия над ним.

В помещении IX прослеживаются три возможные оси прогонов одного перекрытия, на каждую из которых попадают два следа промежуточных опор и один или два (в зависимости от сохранности) следа периметральных стоек. Пересечение осей образует неправильный четырех-

угольник со сторонами 4,0; 3,75; 3,0; 3,0 м., на углах которого могли располагаться промежуточные опоры перекрытия. Пролет предполагаемых перекрытий между ними и периметральными стойками составляет в двух случаях 3,2 м., в двух других — по 2,7 м., в последнем — 2,1 м. Наблюдается еще два следа промежуточных опор, лежащих на одной прямой с периметральной стойкой. По-видимому, это следы подобной же конструкции, повторенной при перестройке в других размерах. Эти данные позволяют реконструировать схему каркаса помещения IX — с четырьмя промежуточными опорами, связанными прогонами с восемью стойками по периметру здания, которые вместе с четырьмя углами образуют остов округлой в плане стены. Каркас должен был иметь довольно жесткие углы, так как при габаритах плана 9,5 x 8,0 м. и высоте, по-видимому, не менее 2,5 м. врезка северной стены в склон, обеспечивающая устойчивость ортогональной системы, брусьев имела высоту не более 0,9 м.

В помещении XI четыре глубокие ямки от столбов образуют в плане точный квадрат со стороной 2,7 м., на продолжении одной из сторон лежит след от периметральной стойки (пролет 1,85 м.). Расстояние от углов квадрата до стен 2,0 м.; 1,8 м.; 1,65 м.; 1,5 м. На пересечениях других сторон с контуром стен нет следов стоек. Сохранились еще два следа периметральных стоек — один в углу, другой на расстоянии 0,37 м. от пересечения продолжения сторон квадрата с контуром стены. Реконструируется каркас по схеме, аналогичной каркасу помещения IX, но, возможно, с не столь точным центрированием периметральных стоек по осям центрального квадрата. Меньшая конструктивная строгость может быть объяснена уменьшением нагрузок на стойки вследствие уменьшения пролетов — габариты плана помещения 6,5 x 6,5 м. В середине квадрата опор — широкая линзообразная выемка, в которой можно предположить остаток очага. На полу помещения зафиксирована 71 ямка от стержней диаметром от 2,5 до 7 см., втыкаемых в пол вертикально на глубину от 8 до 26 см. от сохранившегося уровня пола. Нет основания для функционального определения ямок. Неясно даже, использовались ли при эксплуатации помещения сами ямки или воткнутые в них стержни. Разбросанное расположение ямок говорит в пользу их одновременного, а не синхронного функционирования (Лишь в одном случае пять ямок расположены на прямом, в 70 см., отрезке). Некоторая организованность наблюдается лишь в общем положении малых ямок. Их пятно располагается неправильным замкнутым контуром, примерно, под сторонами центрального опорного квадрата, но со сдвигом

всего пятна в северную сторону. Возможно, такое расположение обусловлено функциональным зонированием помещения: у стен могли быть места для сидения, лежаания и хранения скарба, а вблизи столбов — общая проходная зона, где и были более или менее временные приспособления для домашних работ и быта. По-видимому, неслучайно они лежат близ следов очага — их использование могло требовать хорошей освещенности. Возможно, свет поступал и через проем в перекрытии над центром помещения. В пользу центрального проема говорит и сдвиг пятна ямок на север, так как северная сторона лучше освещалась естественным светом значительную часть дня.

Геометрическая четкость прослеживаемой конструктивной схемы и обусловленность расположения малых ямок местом светового проема позволяют предполагать, что помещение XI было четырехколонным залом с центральным световым проемом. Помещение IX несет следы по крайней мере двух строительных этапов осуществления подобной же каркасной конструкции, но нет оснований утверждать, что здесь был четырехколонный зал. Во-первых, могло быть шесть центральных опор. Во-вторых, помещение могло быть разделено перегородками, возведенными между этими опорами. Здесь есть выемка, которая могла быть центральным очагом, но расположение 21 малой ямки, открытой здесь, не образуют центрического контура, подтверждающего цельность внутреннего пространства, как в помещении XI.

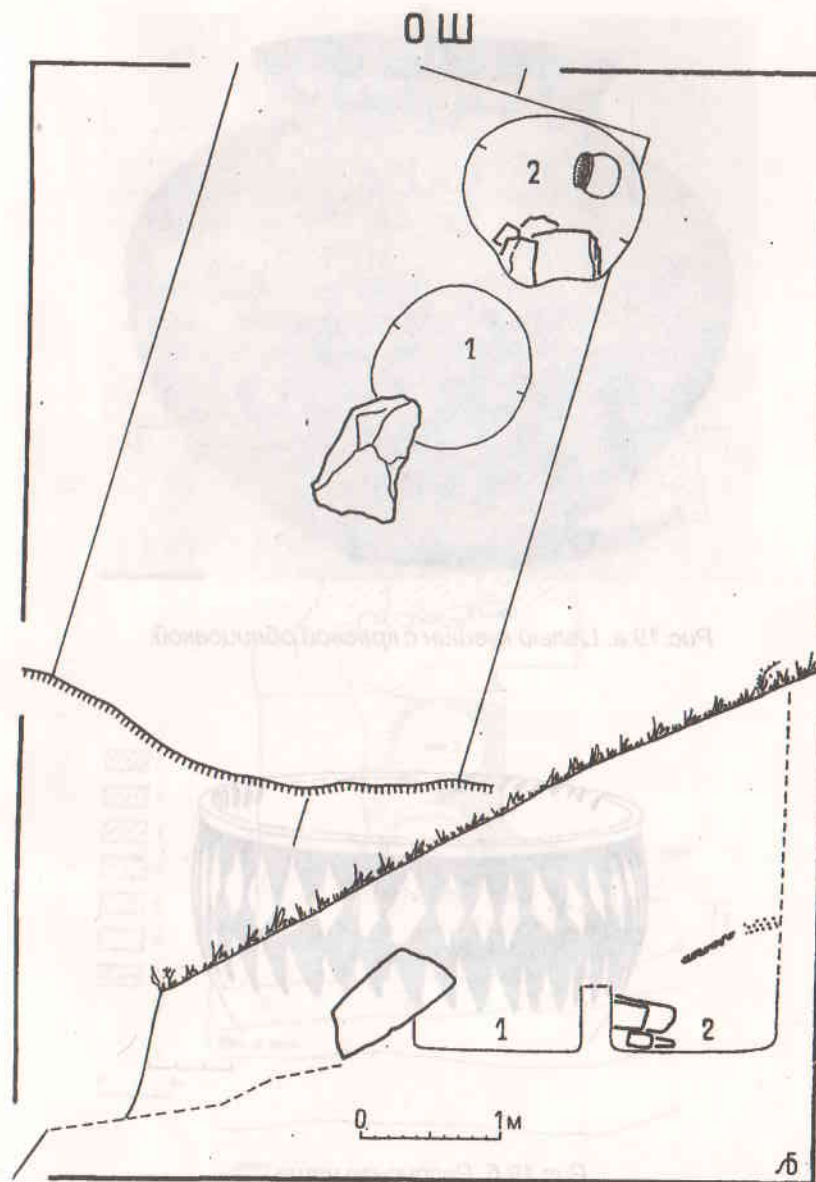

Рис. 18. Первый шурф 1976 г. План и разрез.

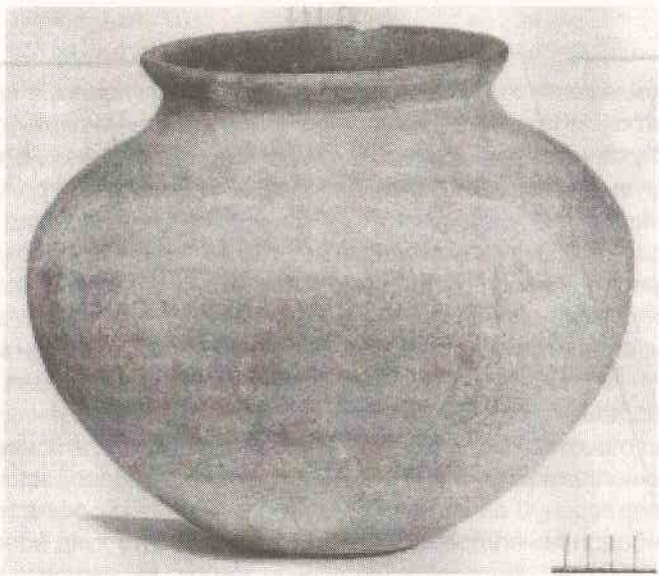

Рис. 19 а. Целый кувшин с красной облицовкой.

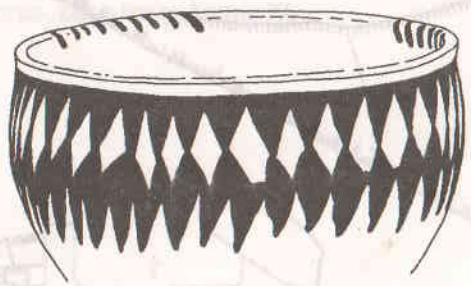

Рис. 19 б. Расписная чаша.

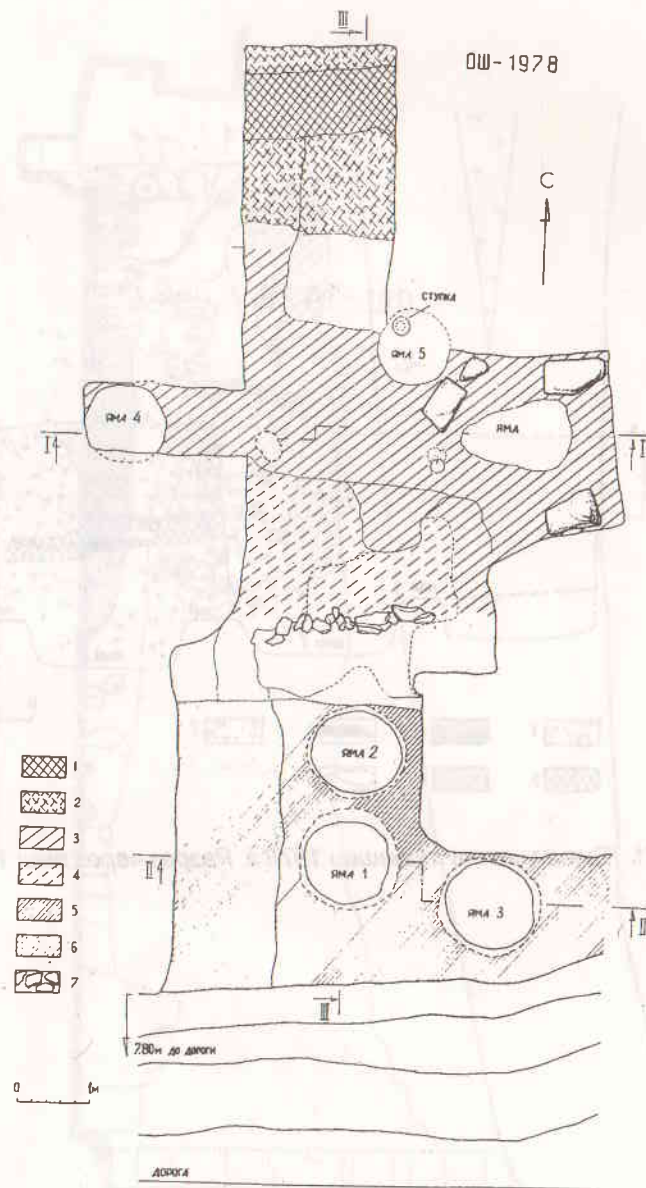

Рис. 20. Траншея 1978 г.

ОШ - 1978г.

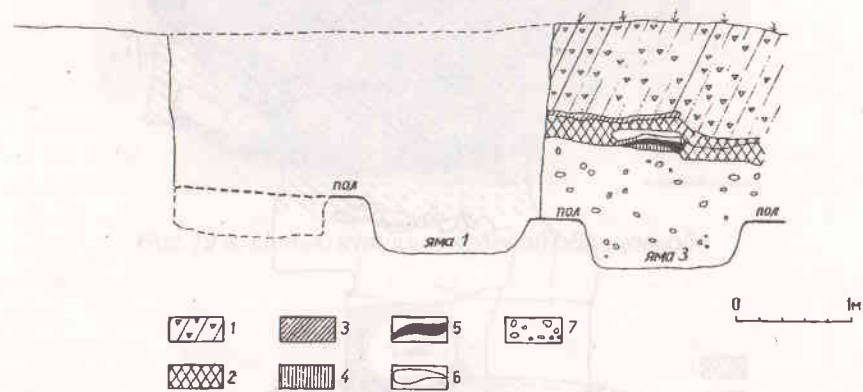

Рис. 21. Южная часть траншеи 1978 г. Разрез через ямы 1 и 3.

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

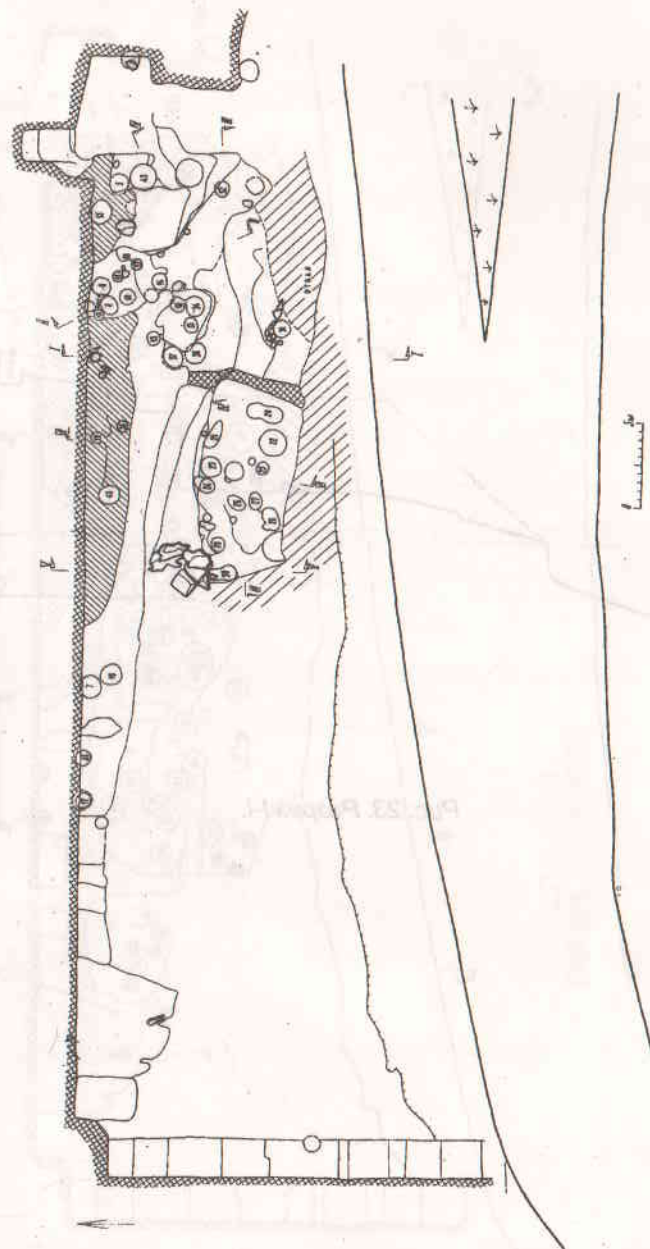

Рис. 22. План раскопа 1979 г.

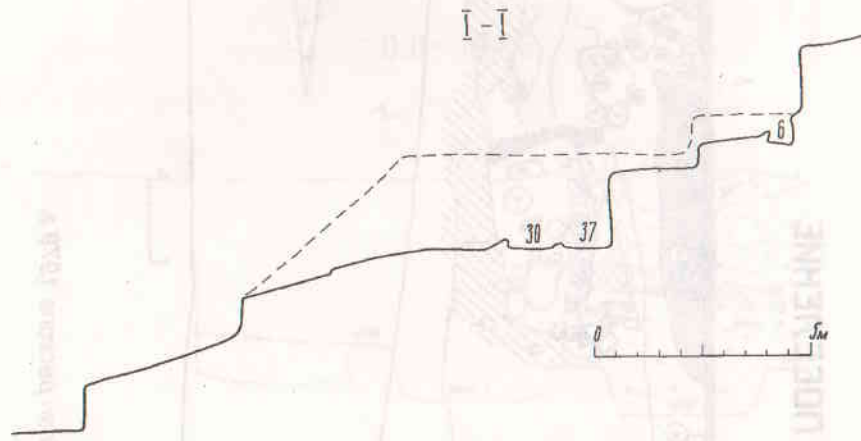

Рис. 23. Разрез I-I.

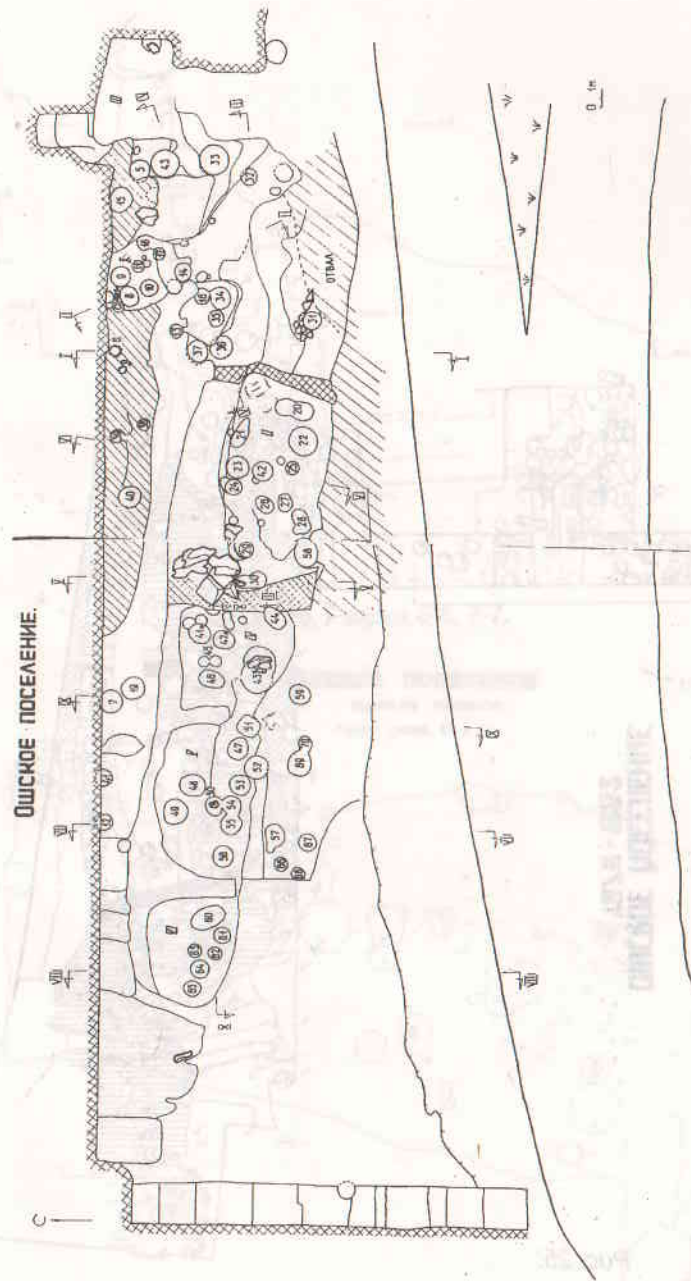

Рис. 24. План раскопа 1979-1980 гг.

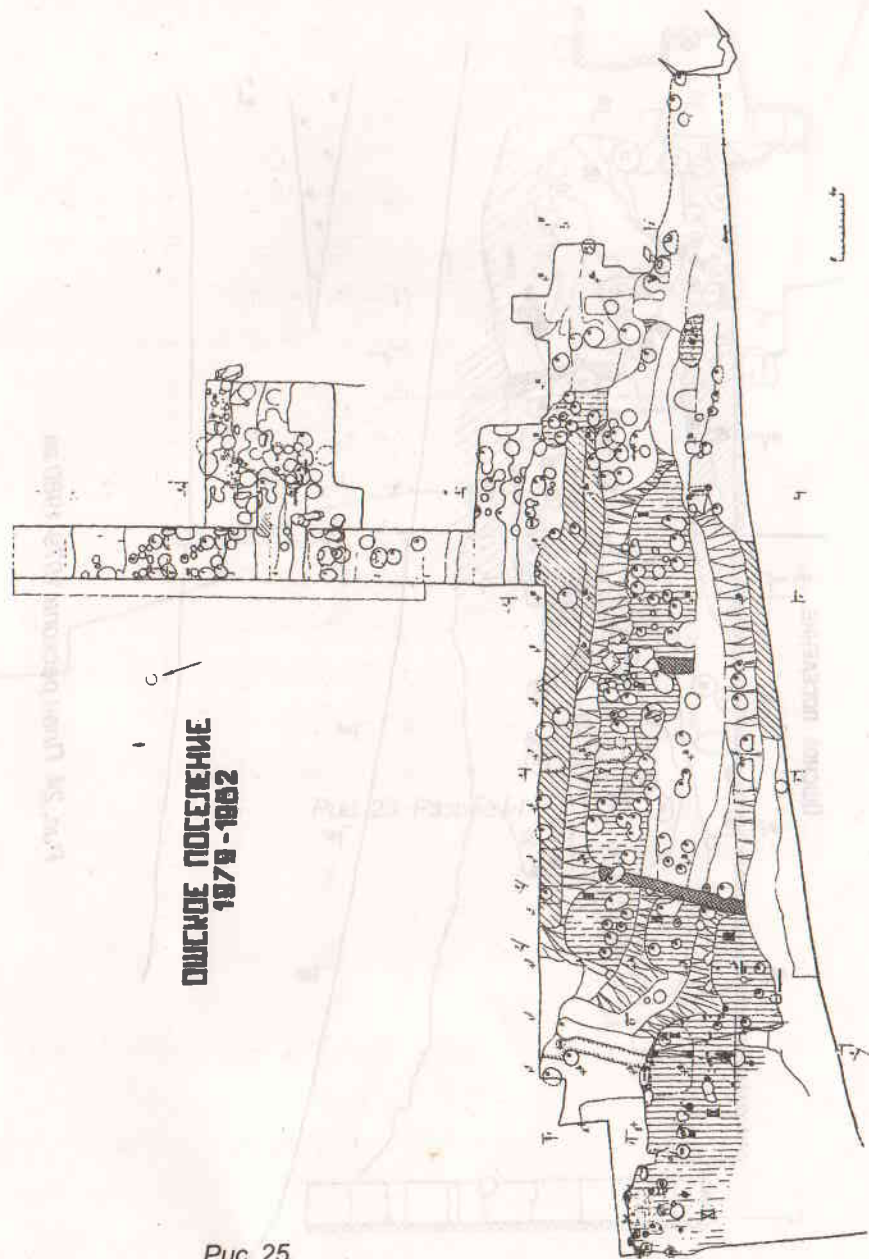

Рис. 25.

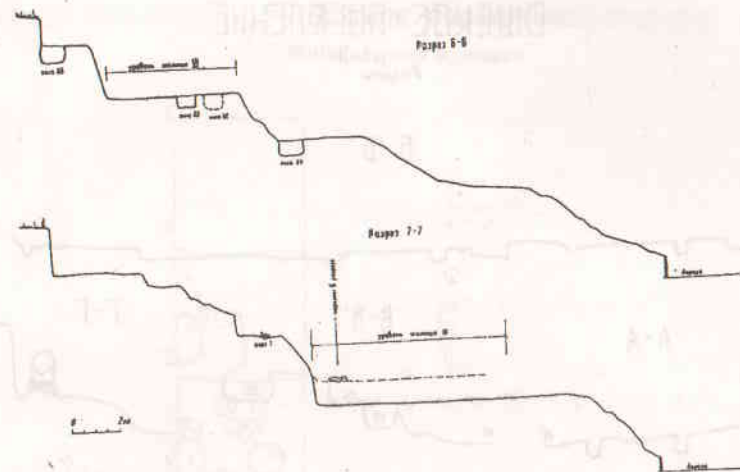

Рис. 26. Разрез 6-6, 7-7.

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ЮЖНЫЙ РАСКОП
ПЛАН ПОМ. IX и XI

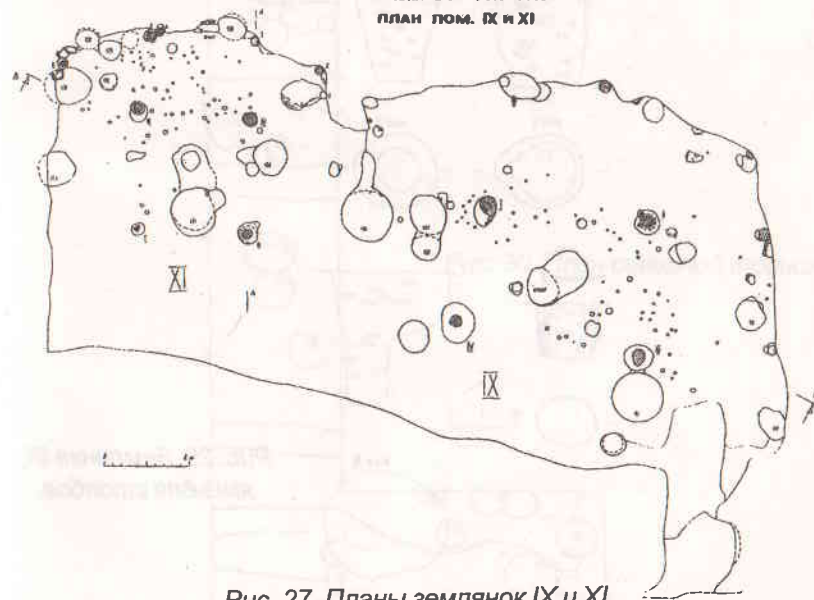

Рис. 27. Планы землянок IX и XI.

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
раскоп
Разрезы

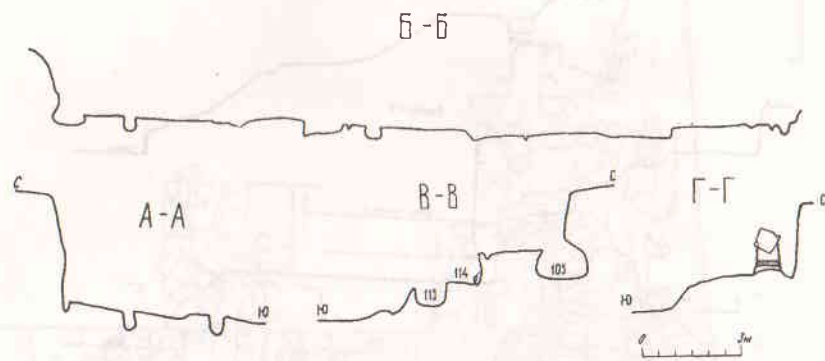

Рис. 28. Разрезы А-А, Б-Б, Г-Г.

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-1981
землянка IX
ямы для столбов

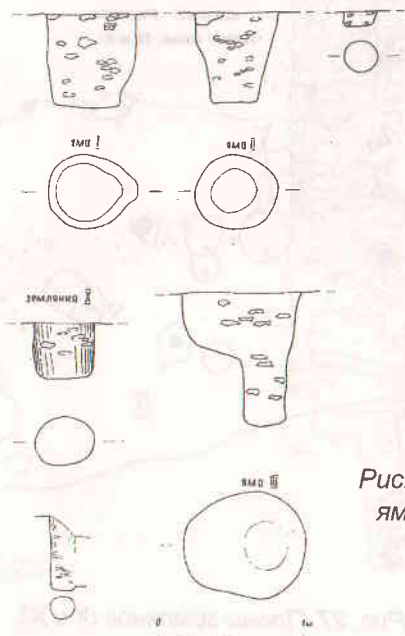

Рис. 29. Землянка IX,
ямы для столбов.

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
Северная траншея

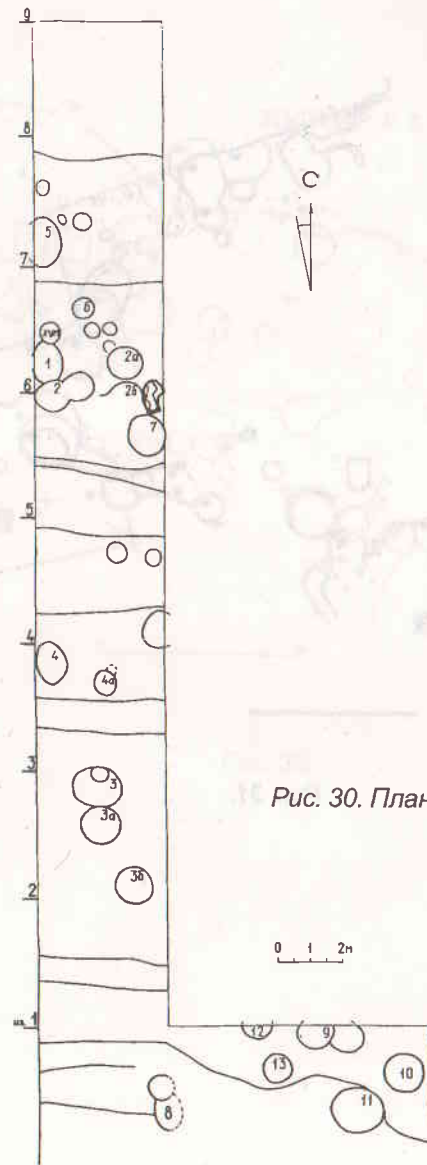

Рис. 30. План северной траншеи.

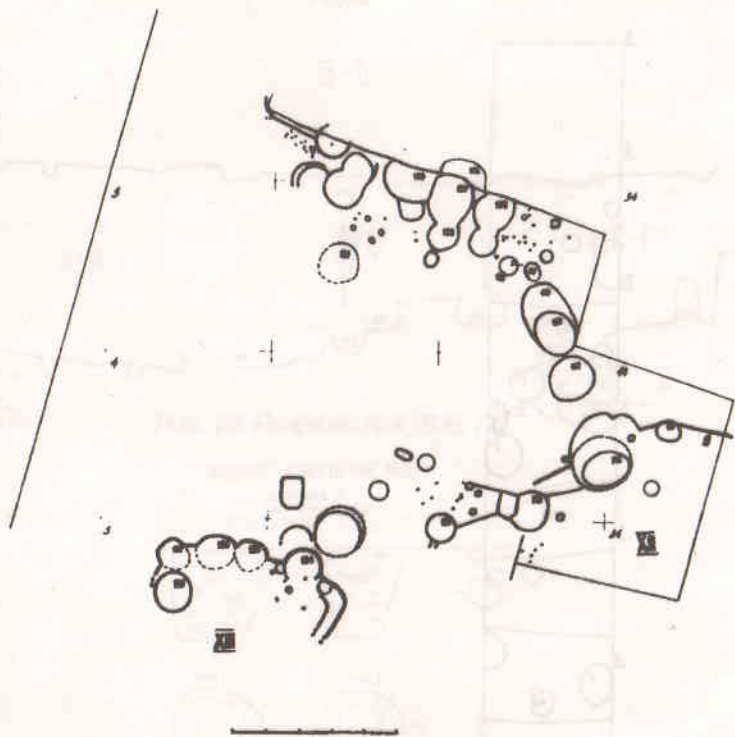

Рис. 31.

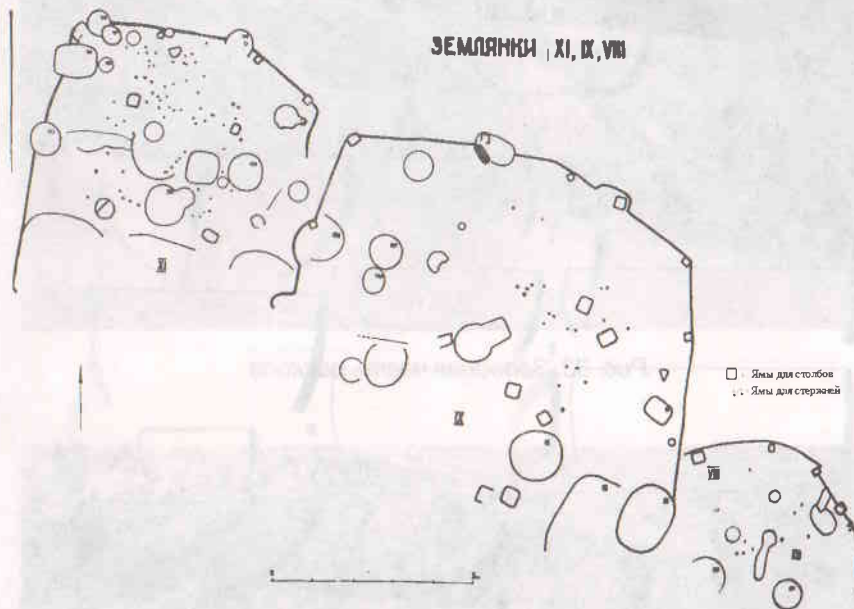

Рис. 32.

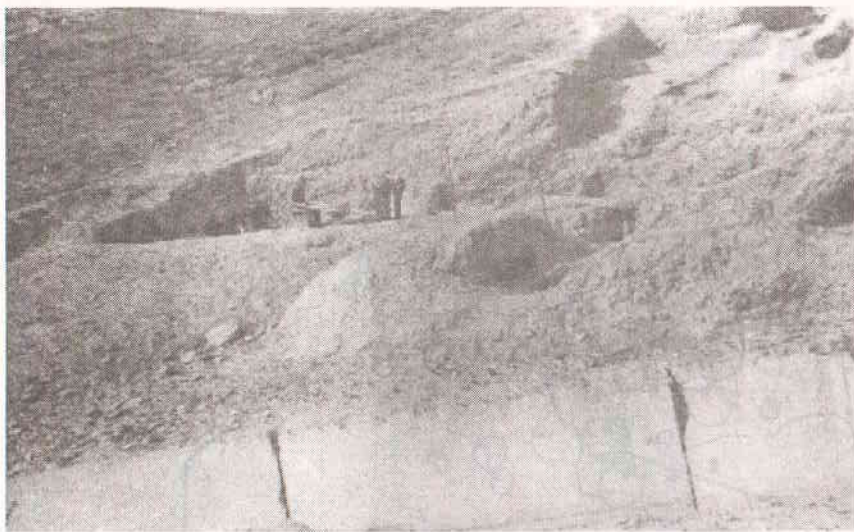

Рис. 33. Западная часть раскопа.

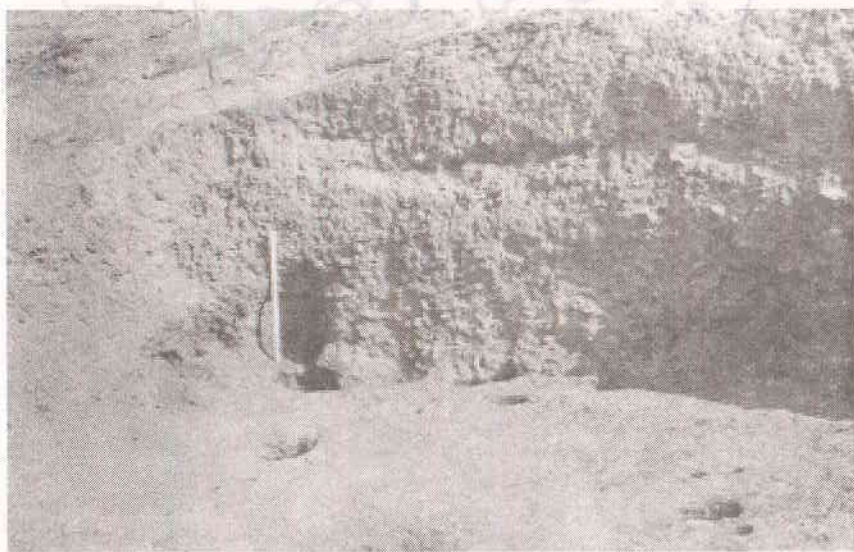

Рис. 34. Ямы для столбов в землянке.

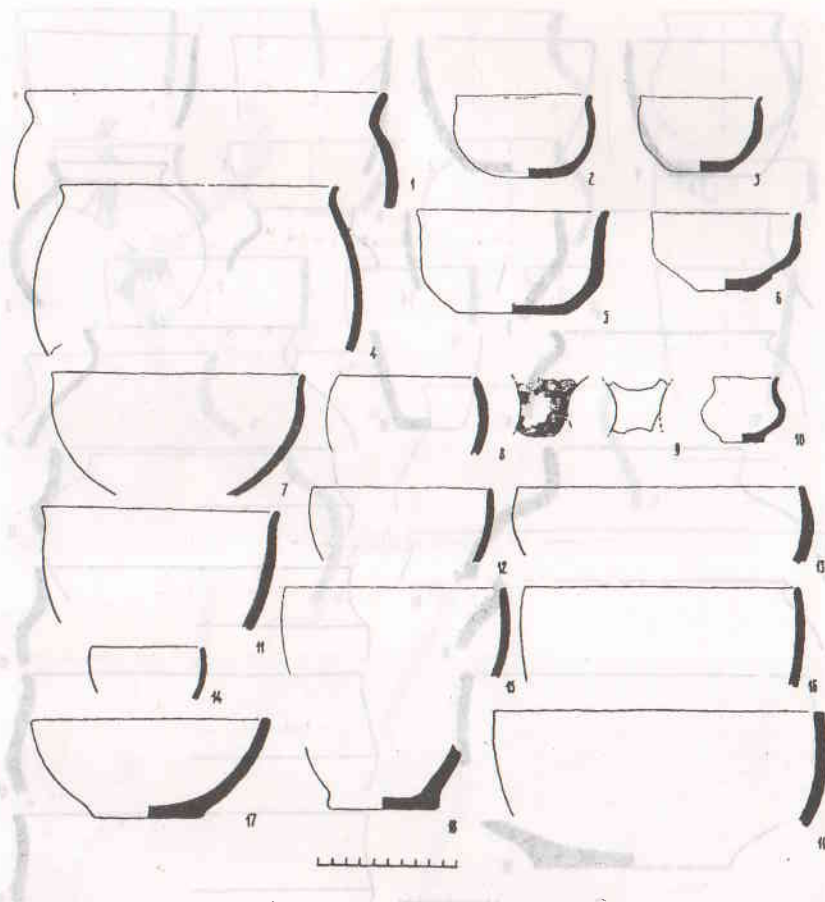

Рис. 35. Чаши и миски с красной облицовкой..

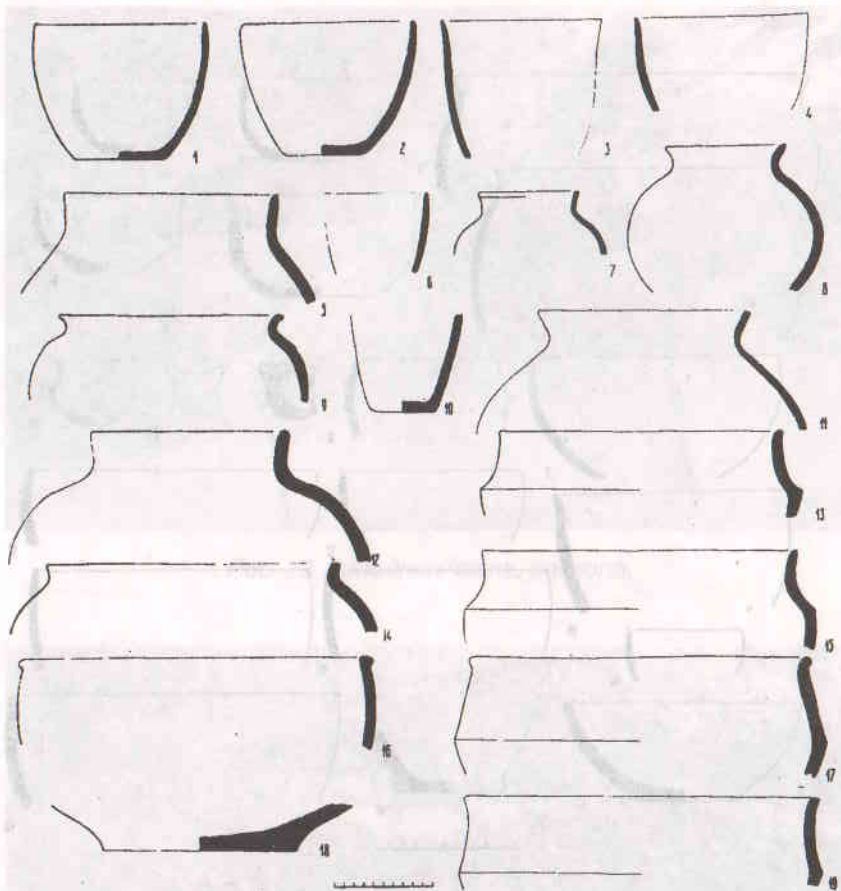

Рис. 36. Миски с перегибом бортика.

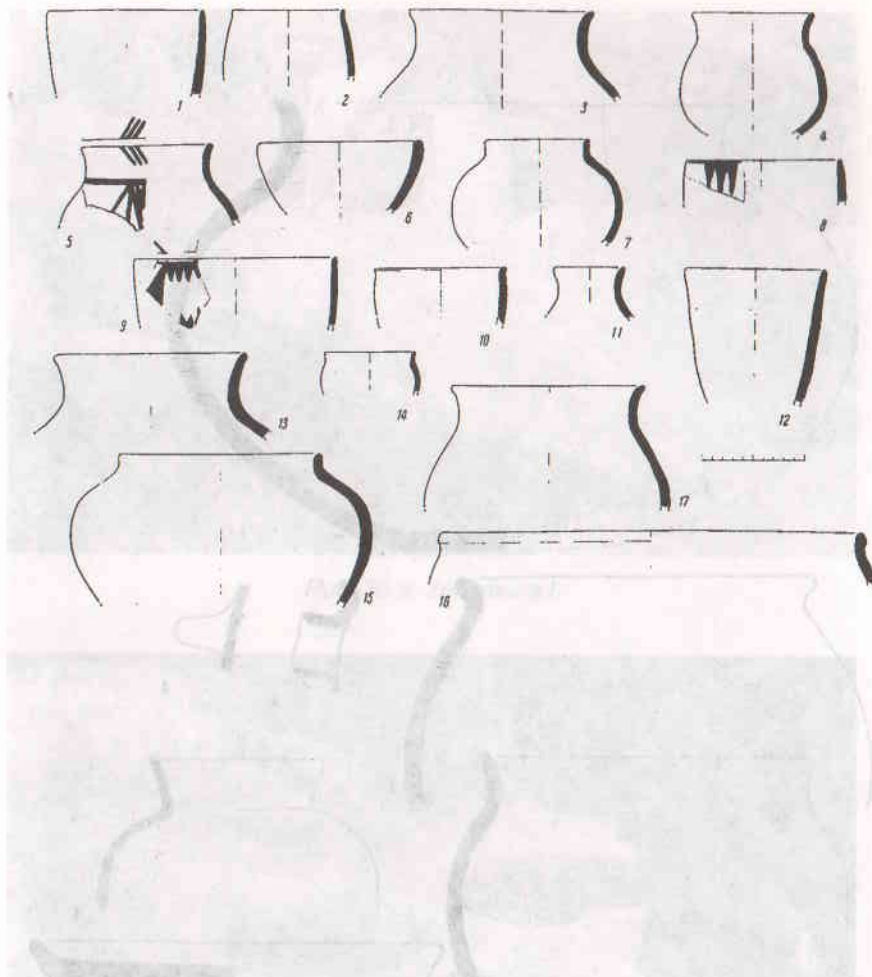

Рис. 37. Конические горшки.

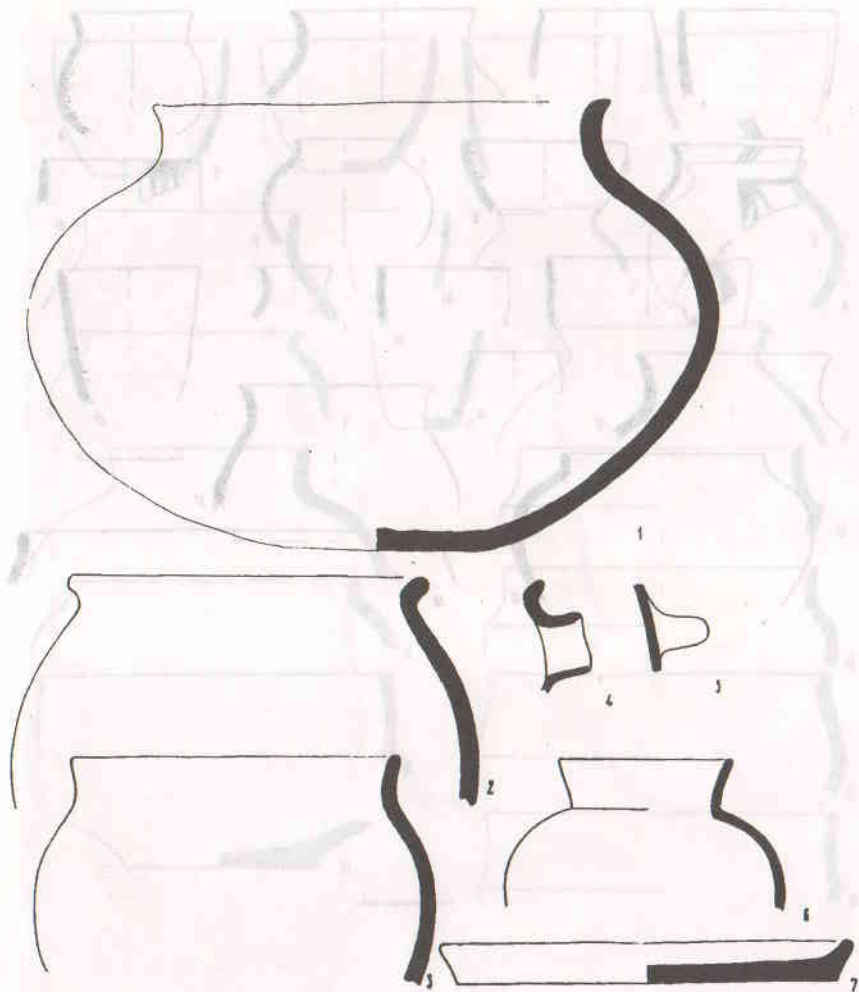

Рис. 37. Кухонная керамика.
Рис. 38. Миски с терракотовой основой.

Рис. 38. Кухонная керамика.

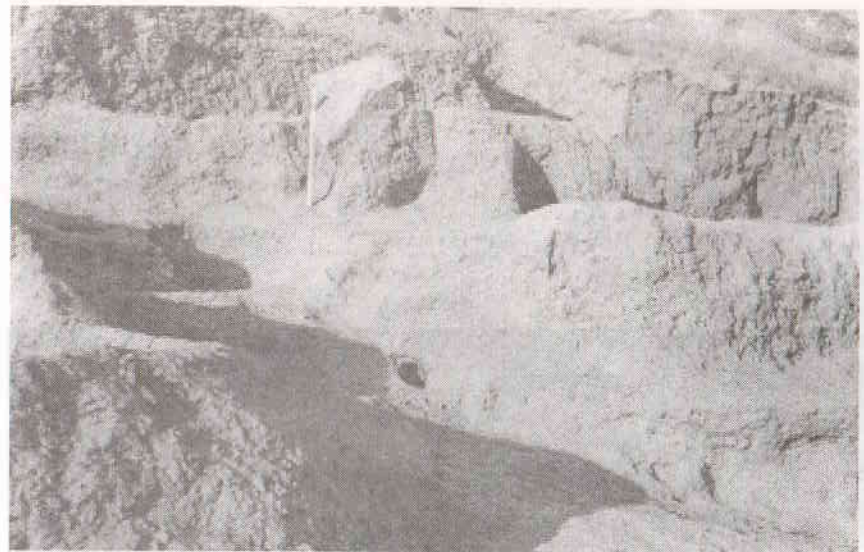

Рис. 39 а. Землянка I.

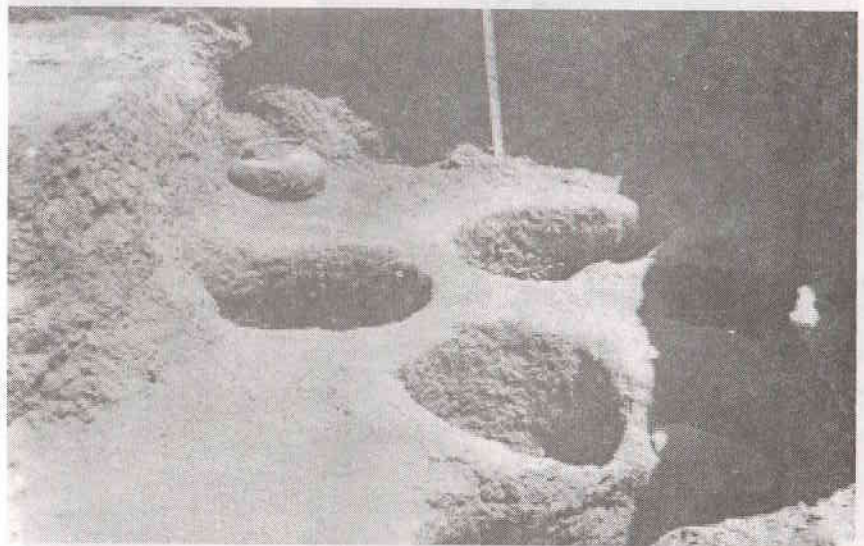

Рис. 39 б. Ямы и кухонный котел.

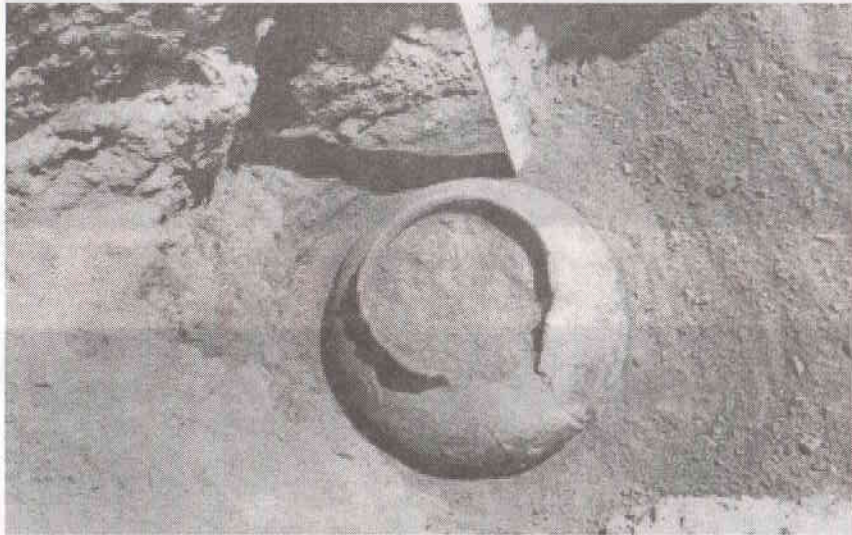

Рис. 39 в. Котел.

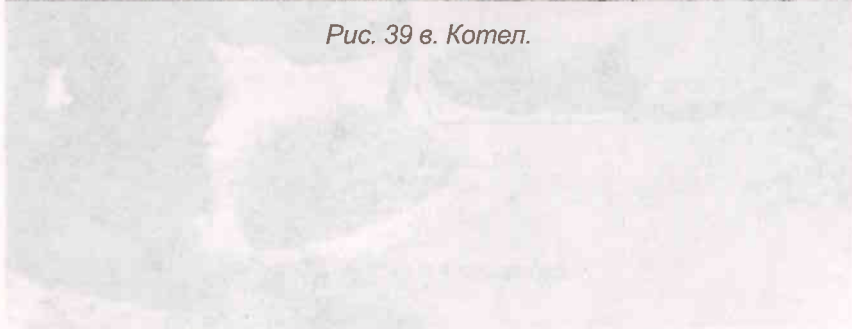

Рис. 39 в. Котел.

Рис. 40. Жилые террасы на восточном участке.

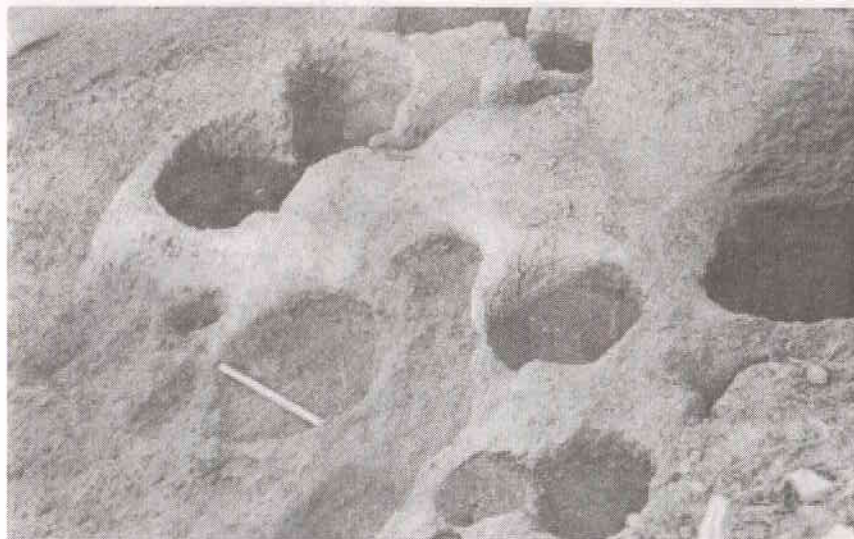

Рис. 41. Ямы на восточном участке.

Рис. 42. Землянка III.

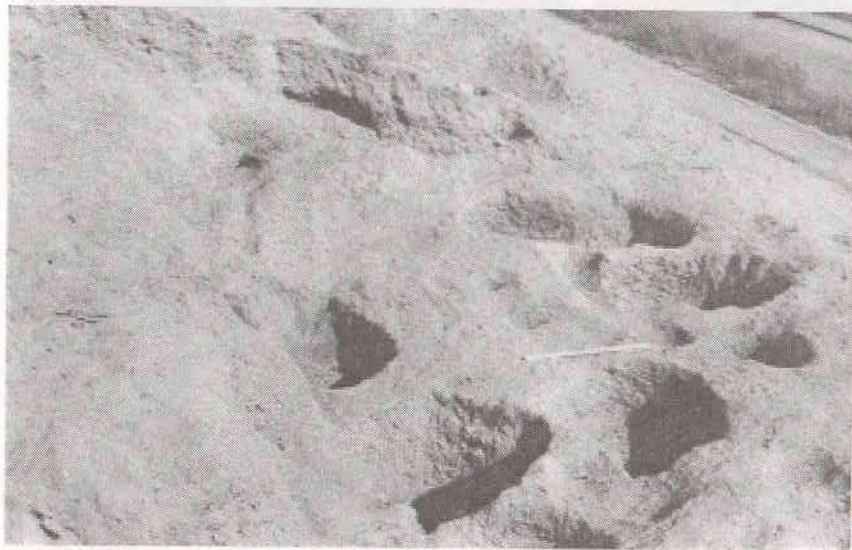

Рис. 43. Ямы в землянке III.

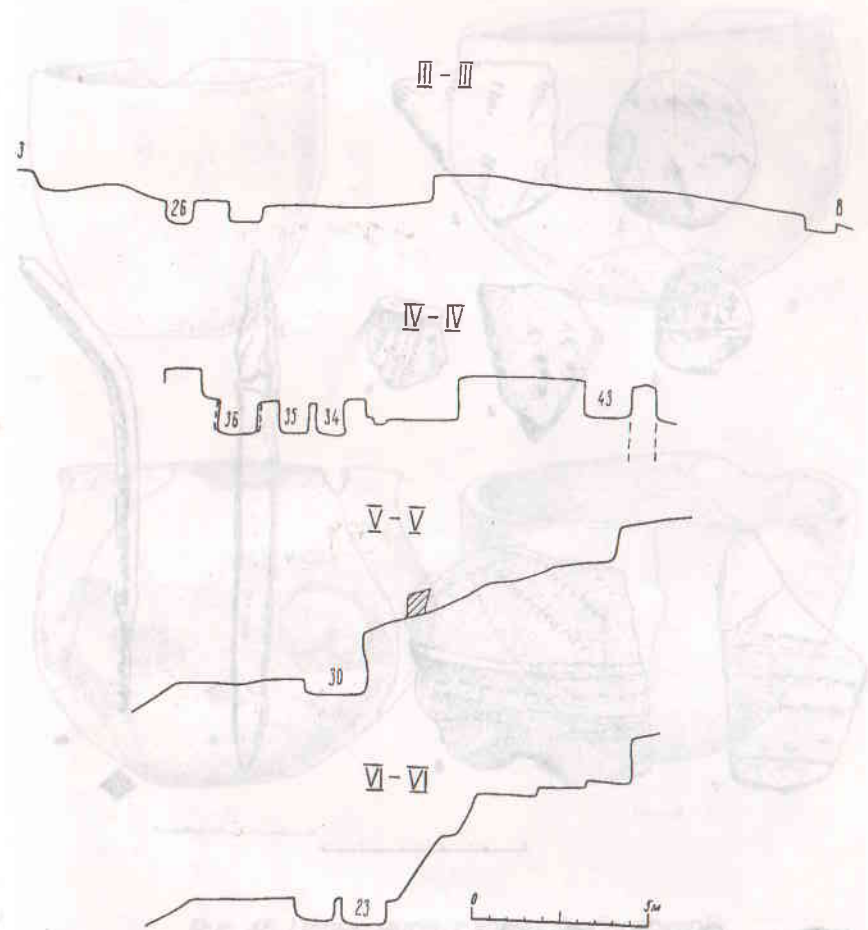

Рис. 44. Разрезы раскопа 1979-1980 гг.

Рис. 45. Керамическая посуда, найденная в землянке III. Вверху — чаша, в центре — горшок, внизу — чаша.

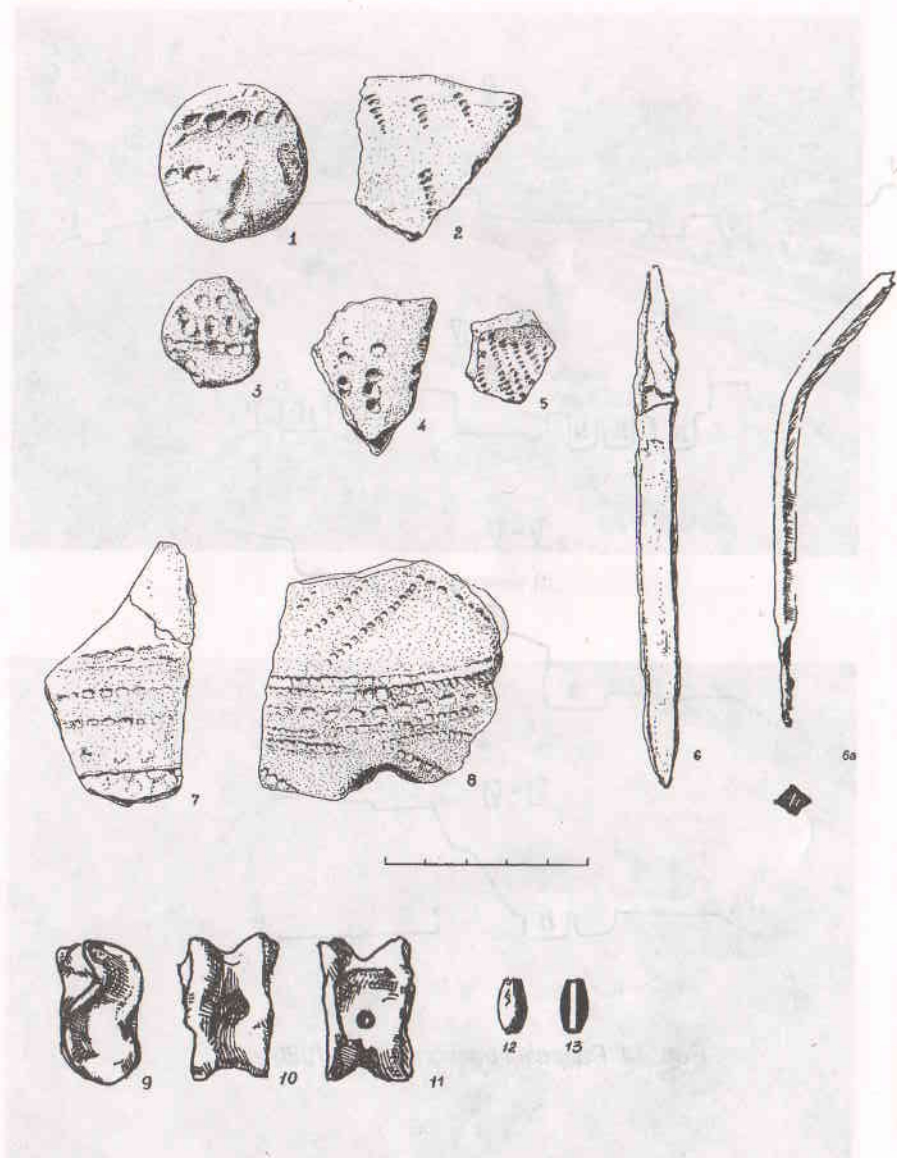

Рис. 45. Керамика степной бронзы, бронзовые шила, альчики, сердоликовые бусы

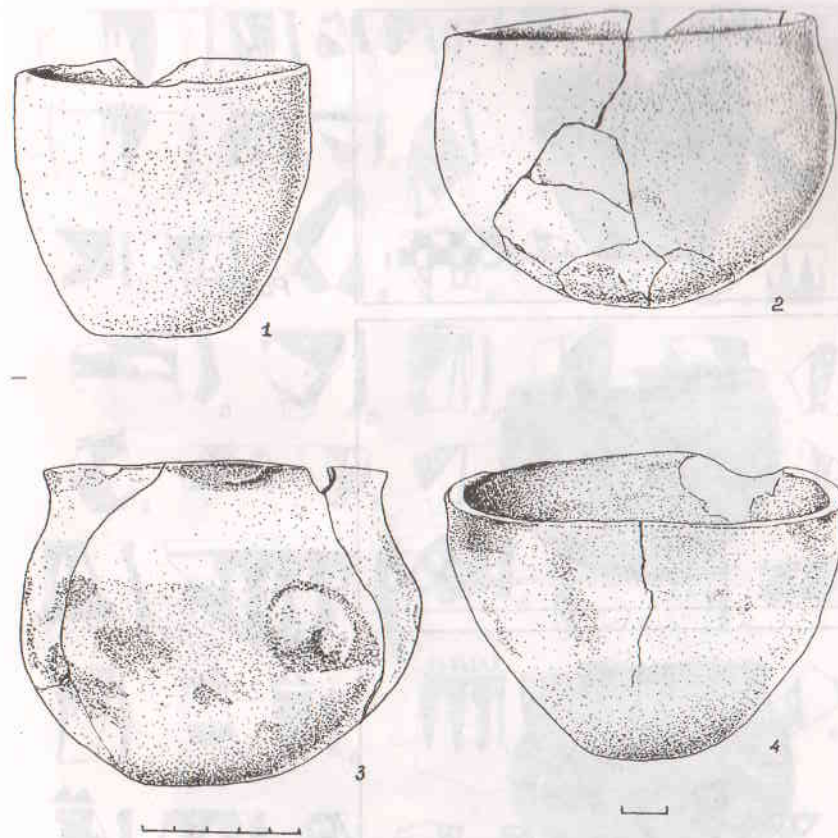

Рис. 46. Целые миски с красной облицовкой.
1-2 — из погребения.

Рис. 47-1

Рис. 47-2

Рис. 47-3

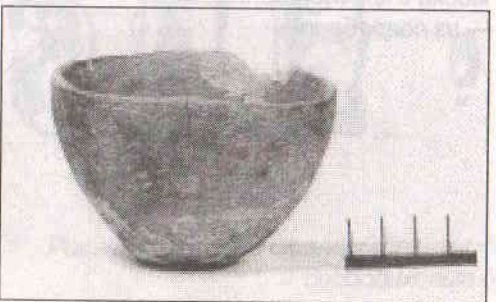

Рис. 47-4

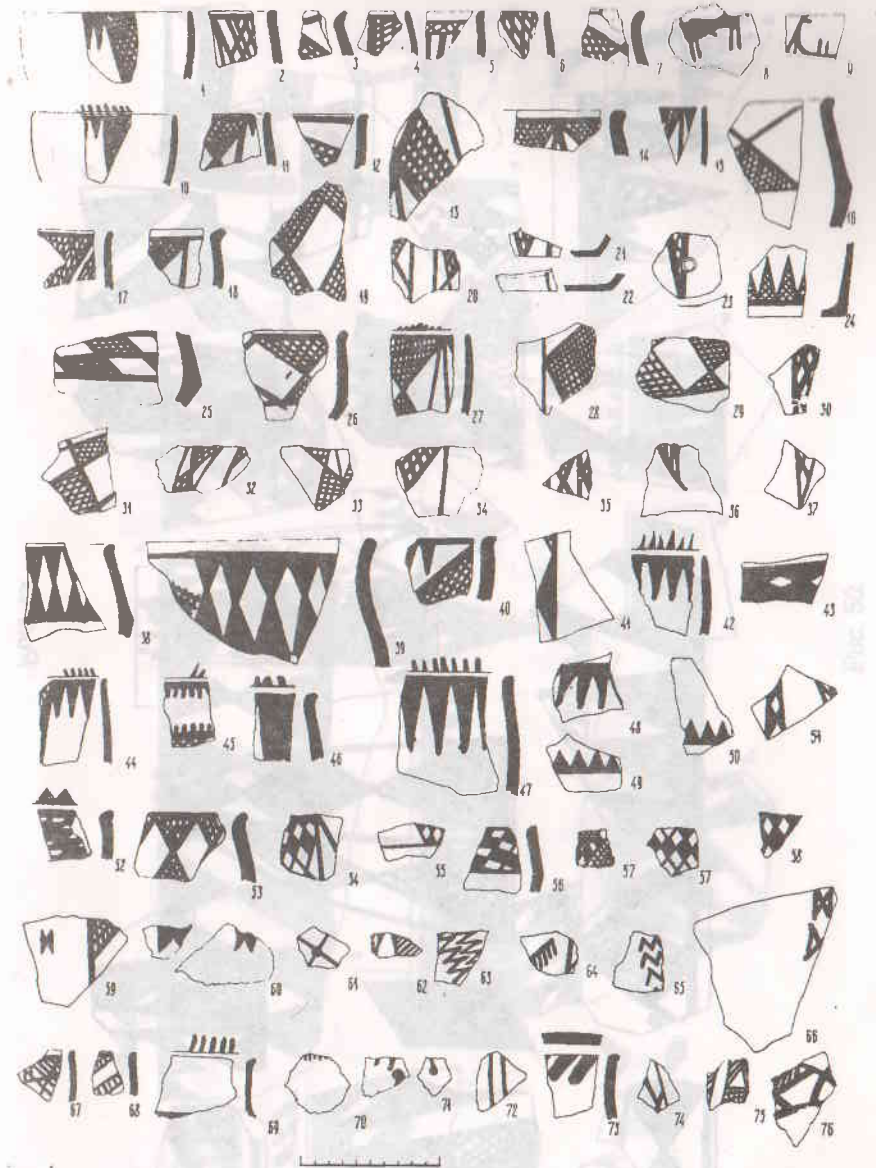
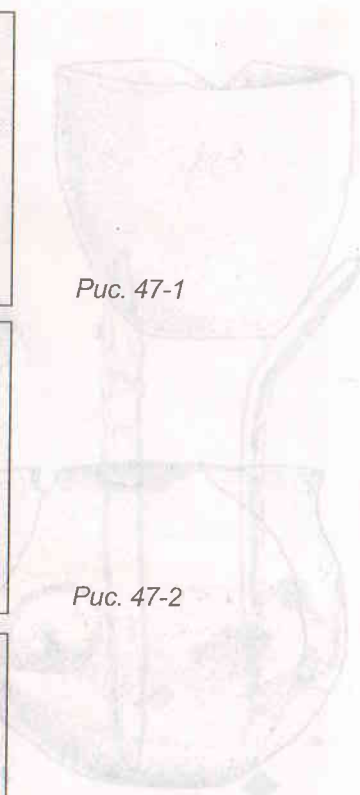
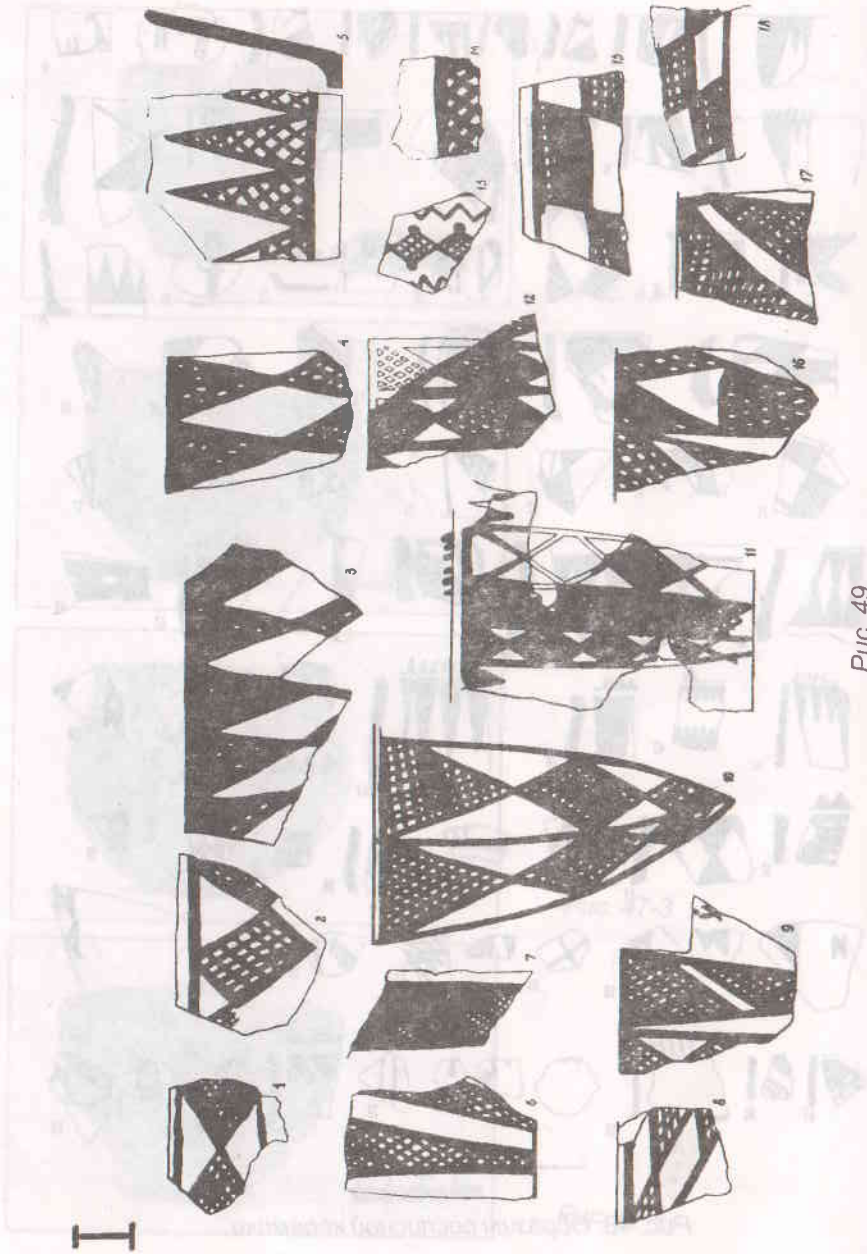
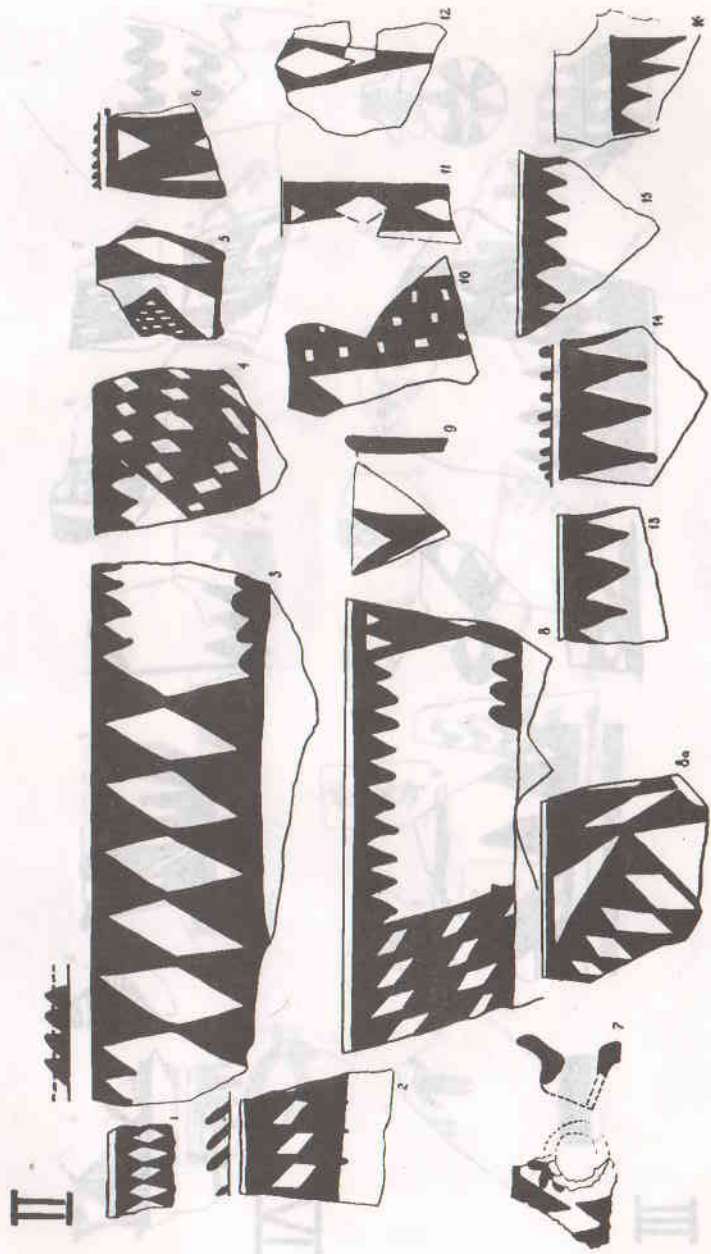

Рис. 48. Образцы росписной керамики.

Puc. 49.

Puc. 50.

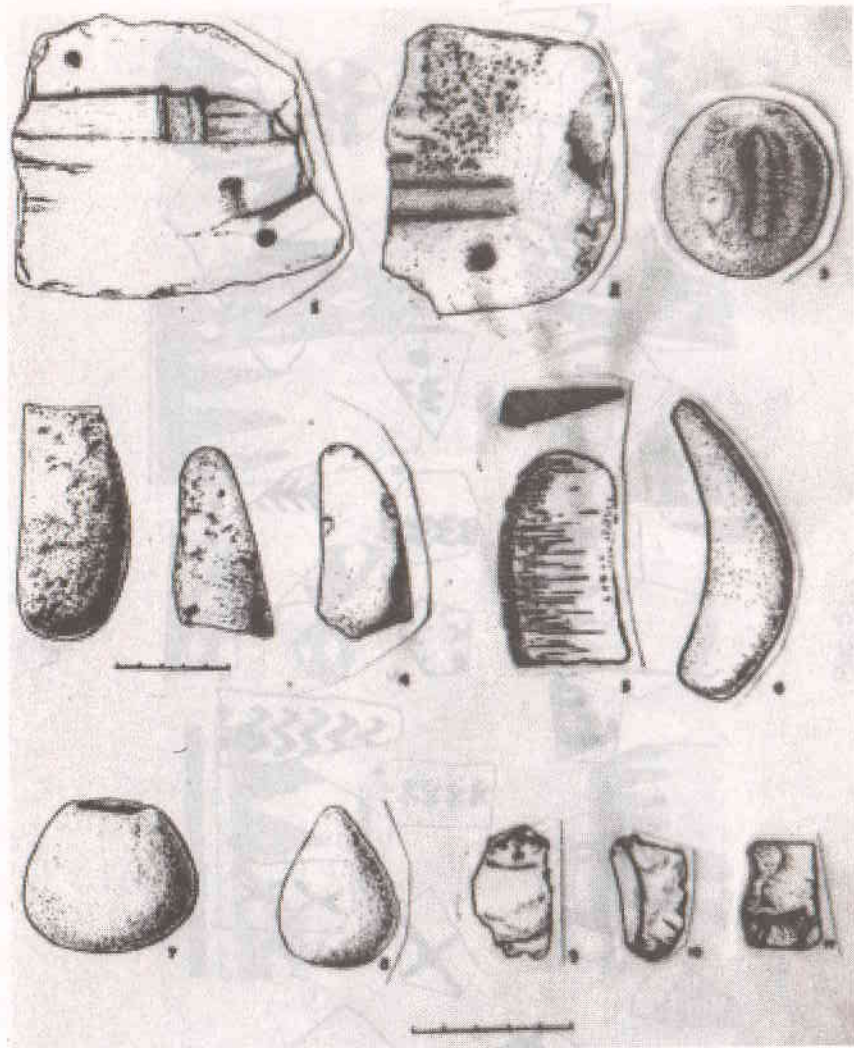

Рис. 53.

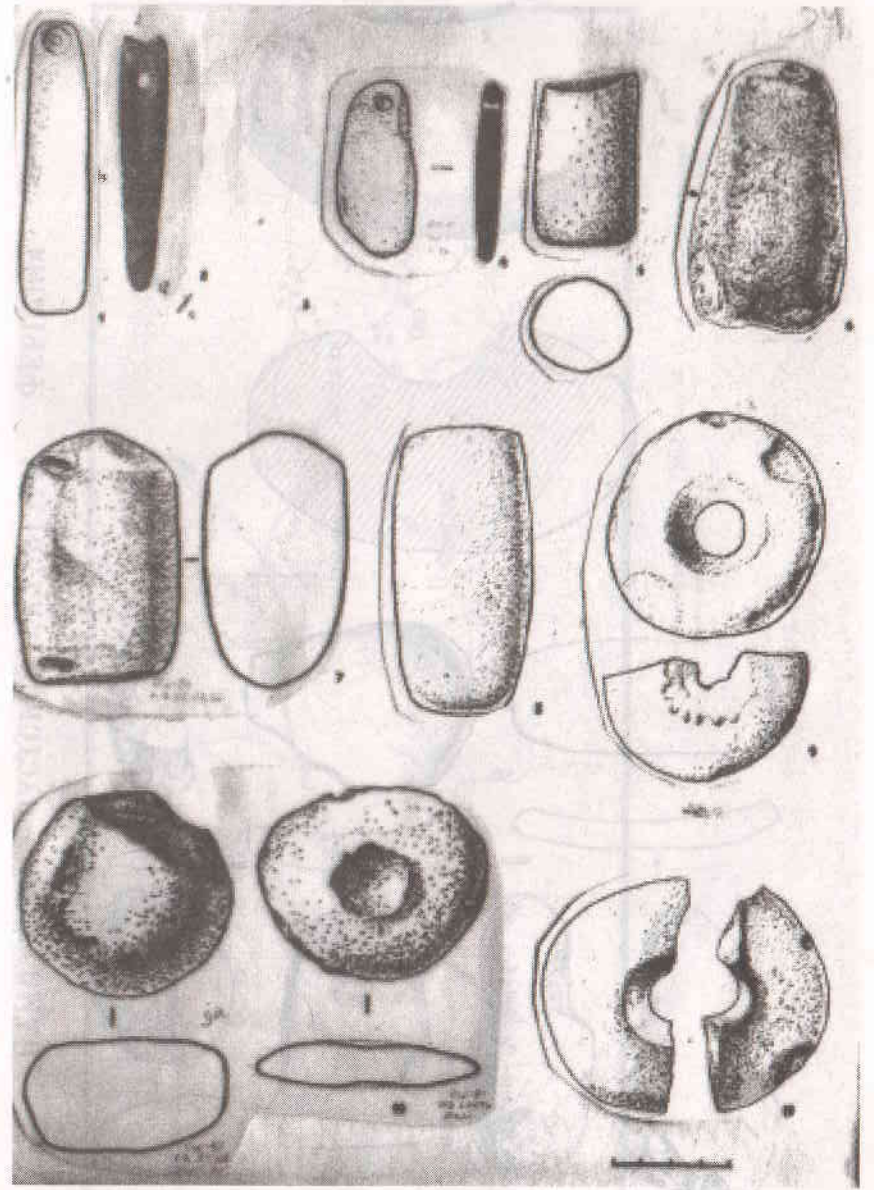

Рис. 54.

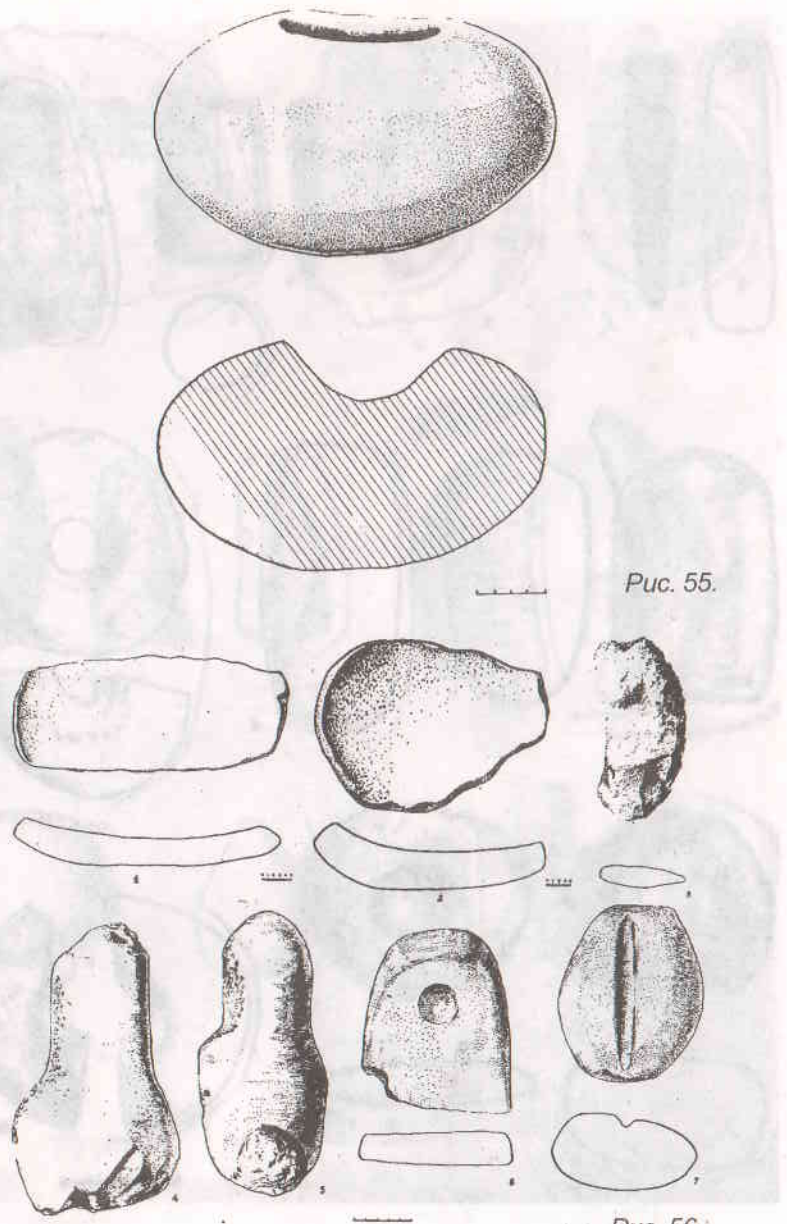
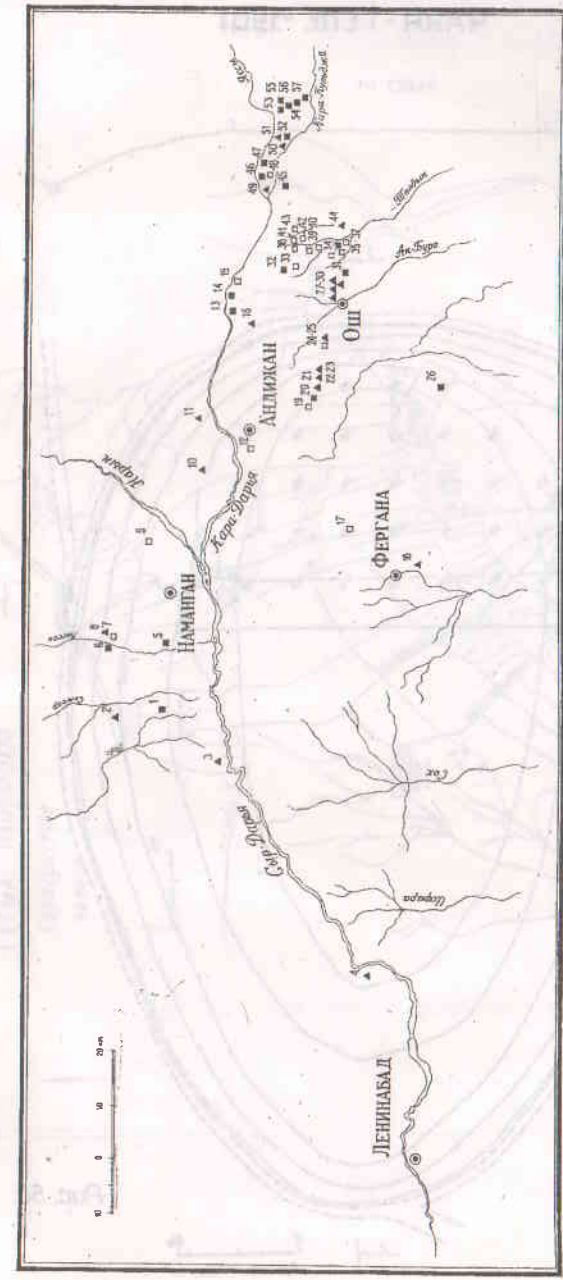

Рис. 55.

Рис. 56.

ПАМЯТНИКИ ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНЫ

- исследованное поселение
- поселение
- ▲ находки керамики
- ◎ администр. центр

Рис. 57.

ЧАЯН-ТЕПЕ - 1961

РАЗРЕЗ 1-1

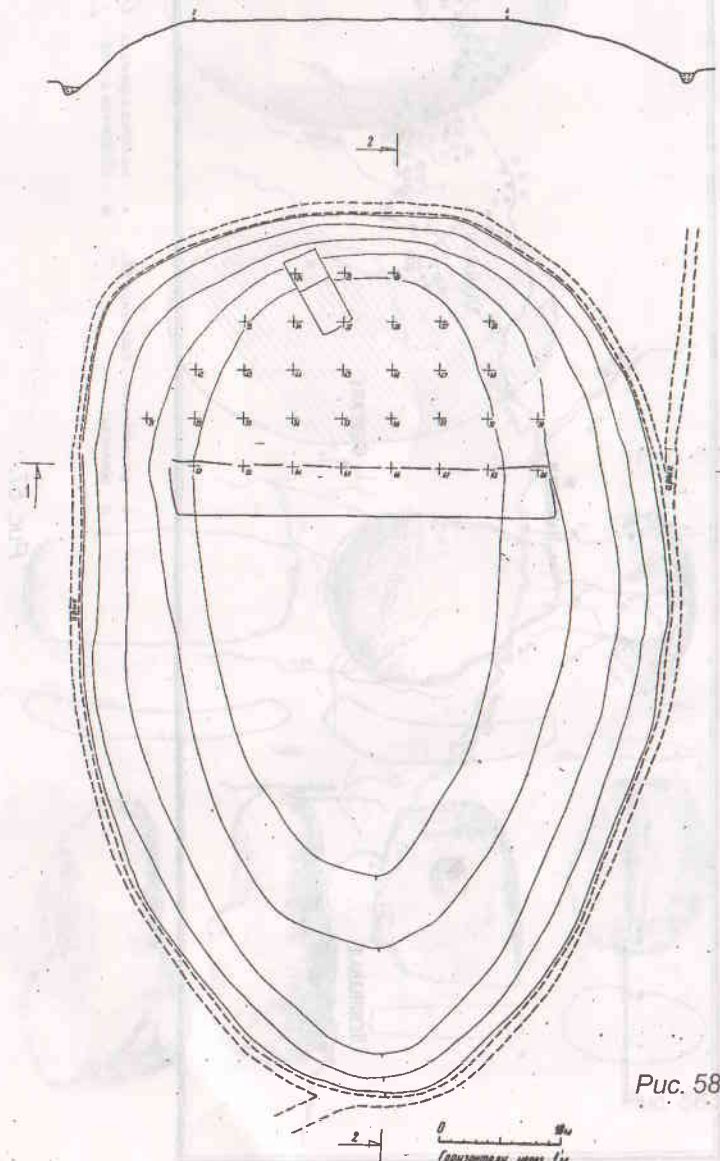

Рис. 58.

Рис. 59. Схема Чустских поселений в Карасуйском оазисе.

Рис. 60. План поселения Хожамбаг.

МАНЯК

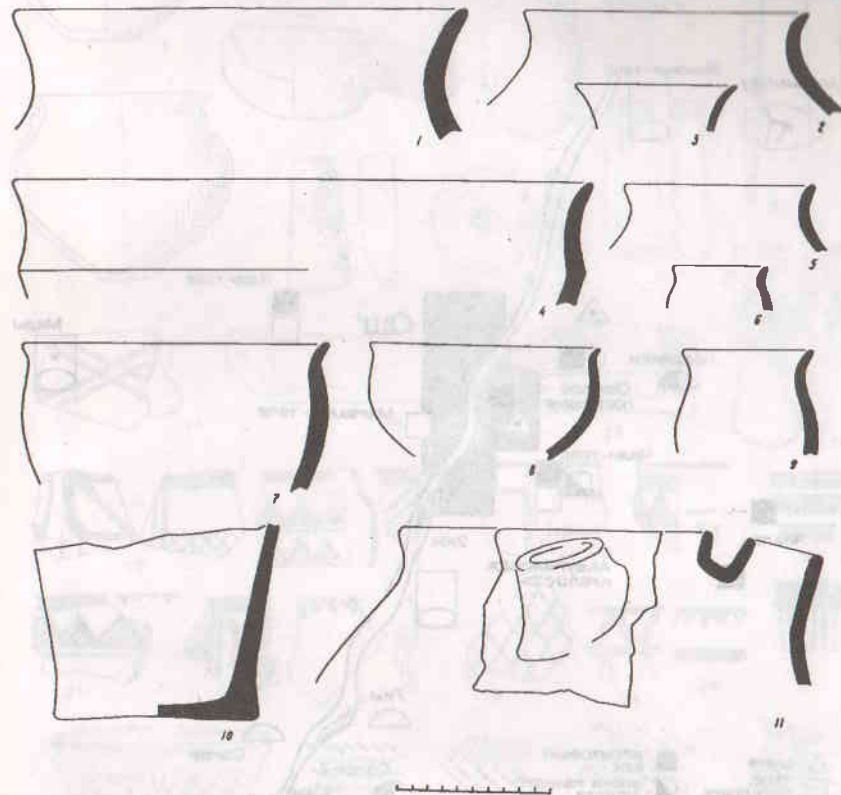

Рис. 61. Поселение Маньяк. Образцы керамики.

ПАМЯТНИКИ ОШСКОГО ОАЗИСА

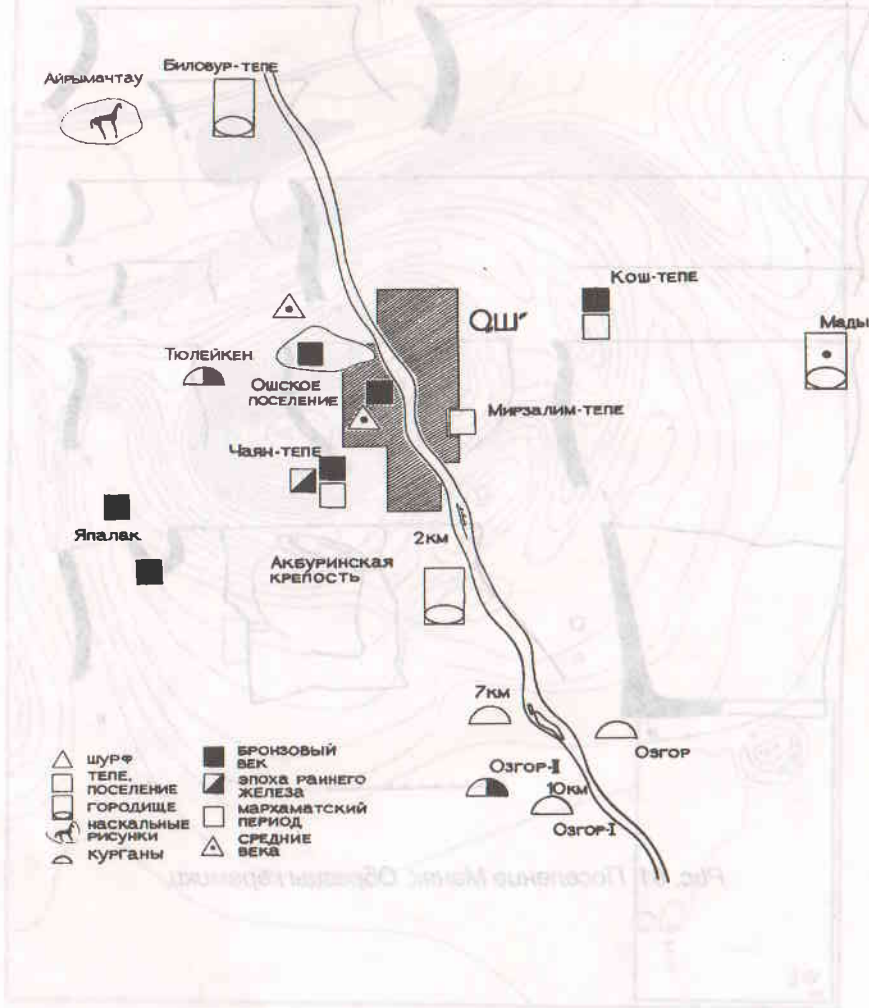

Рис. 62.

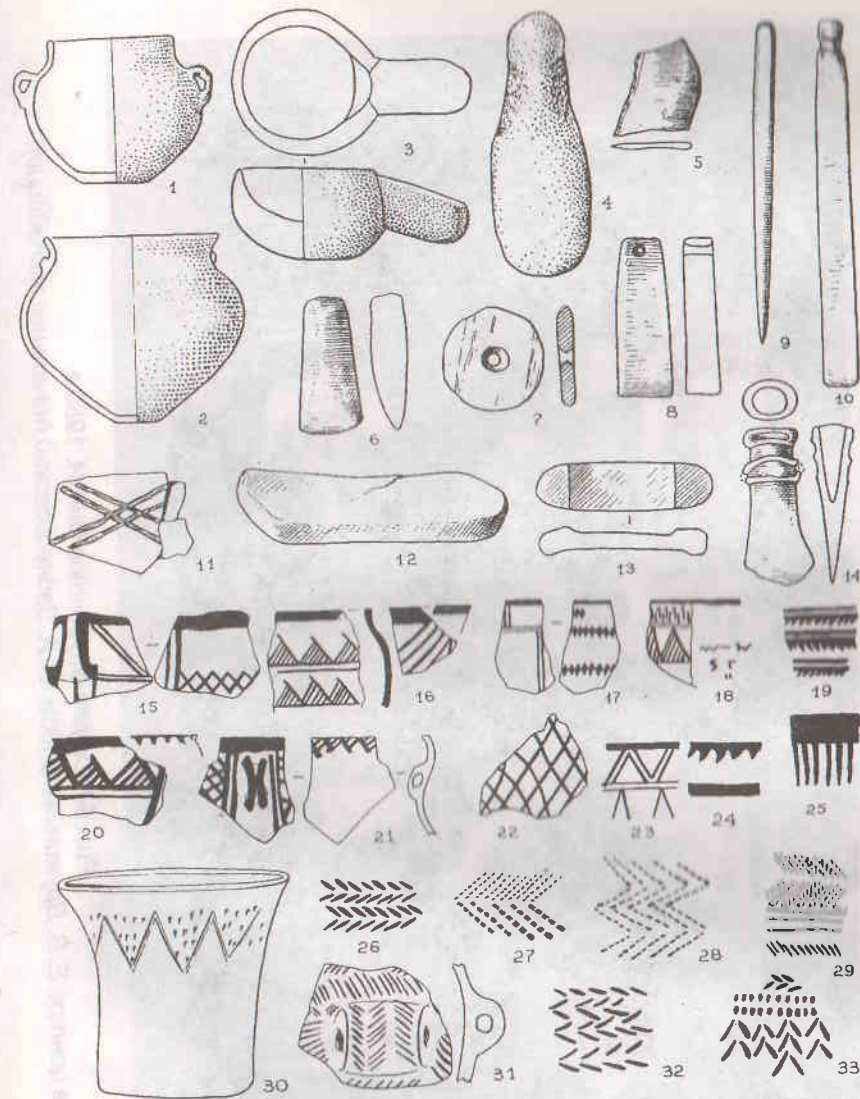

Рис. 63. Комплекс Сентала восточного Туркестана.

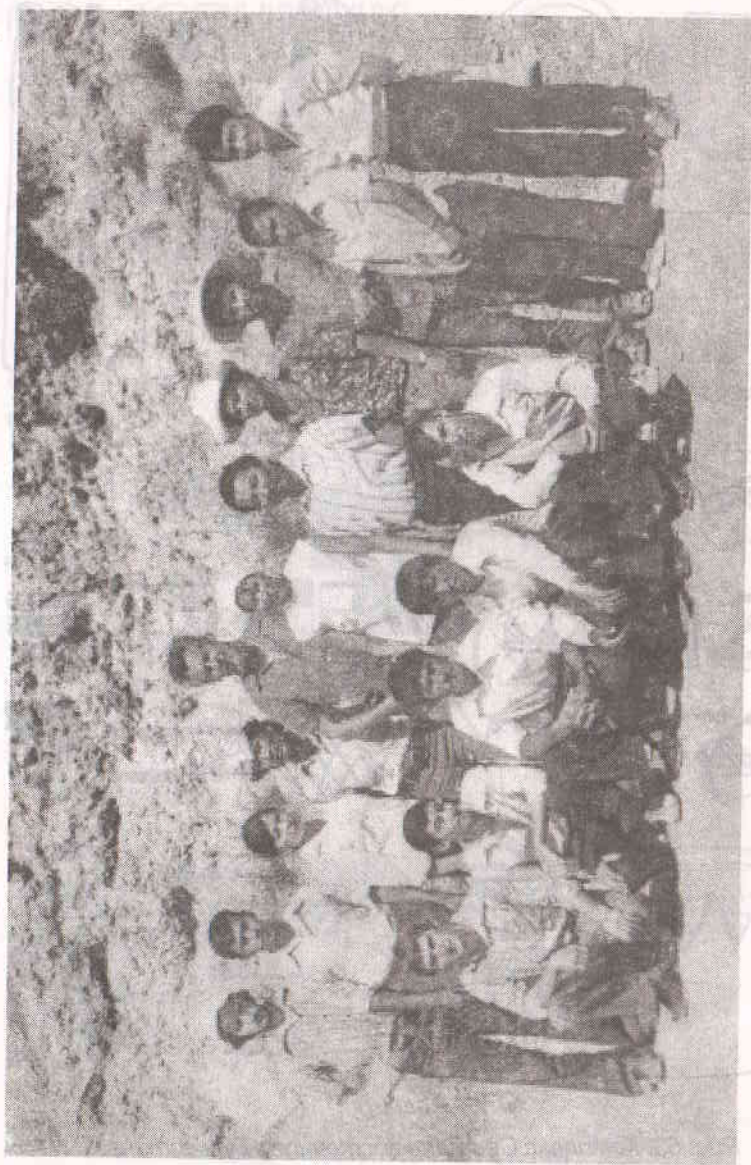

Рис. 64. Отряд студентов ОшПИ. 1980 г.
в центре Е. В. Дружинина, рядом Ю. А. Заднепровский (начальник экспедиции).

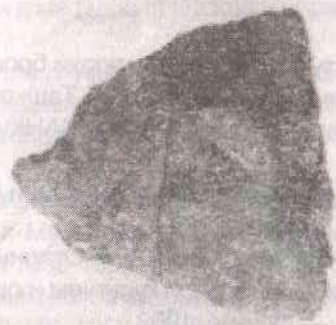

Рис. 65-1. Поселение
Сары Булун на
Иссык-Куле. Керамика
чустского типа.

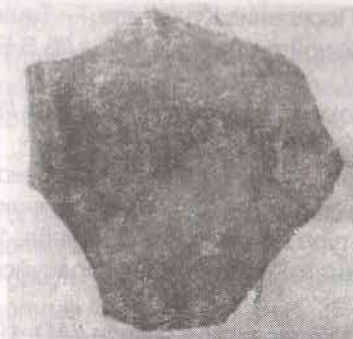

Рис. 65-2. Поселение
Сары Булун на
Иссык-Куле. Керамика
с красной облицовкой.

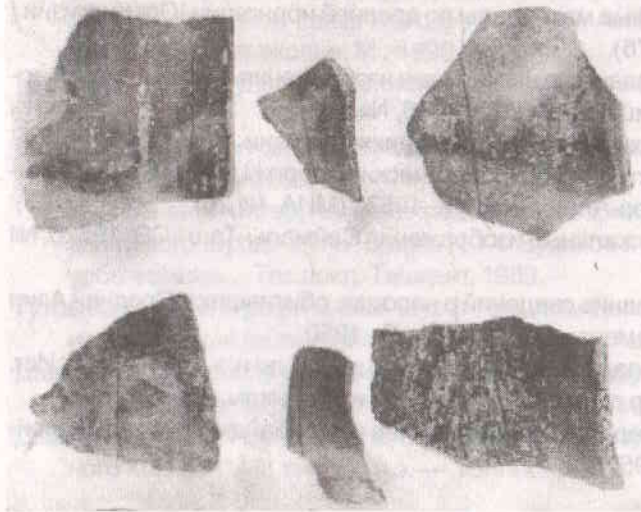

Рис. 65-3.
Сары Булун.
Фрагмент с
красной обли-
цовкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР: По металлическим изделиям. — Ташкент, 1991.
- Аманбаева Б.Э. Раскопки древнего Оша (1987 г.) // ИАН КиргССР. Обществ. науки, 1988, № 2.
- Анарбаев А.А. Ферганский город и процесс урбанизации // Зоны и этапы урбанизации: Тез. докл. Ташкент, 1989.
- Андреев М.С. Таджики долины Хуф. — Вып. 2. — Сталинабад, 1958.
- Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе, 1962.
- Архитектура советского Таджикистана. — М., 1987.
- Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепе. — Ташкент, 1979.
- Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // В.В. Бартольд. Соч. Т. 2, ч. 1, М., 1963а.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В.В. Бартольд, Соч. Т. 1, М., 1963б.
- Беляева Т.В. Архаический, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986.
- Береналиев О. Древний канал Карасу в Ош-Карасуйском оазисе // АО. 1973 (1974).
- Береналиев О. Работы в Ош-Карасуйском оазисе // АО. 1974 (1975).
- Береналиев О. Новые материалы по древней ирригации Юга Киргизии // АО. 1975 (1976).
- Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши // СЭ. 1948, № 4.
- Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. — М.; Л., 1950.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — М.; Л., 1952а (МИА. № 26).
- Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952б, № 2.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. 2. — М.; Л., 1950.
- Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э.: Ист. — геогр. обзор по древне-китайским источникам. — М., 1989.
- Бунятов Т.А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. — Баку, 1957.

- (Веселовский Н.И.) Археологические исследования Н.И. Веселовского в Туркестанском крае (1885 г.) // Доклады Археол. комиссии за 1882-1888 гг. СПб., 1891.
- Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
- Воронец М.Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950-1951 гг. // ТМИ УзССР. 1954. Вып. 2.
- Воронец М.Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской обл. // КСИИМК. 1956. Вып. 61.
- Гаврюшенко П.П., Абетеков А.К. и др. Археологические работы в Киргизии // АО. 1967 (1968).
- Гаджиев М.Г. Поселения и жилища Дагестана эпохи ранней бронзы: К истории древней архитектуры // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.
- Галицкий В.Я., Плоских В.М. Старинный Ош: Очерк истории. — Фрунзе, 1987.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Горбунова Н.Г. Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: Древность и средневековье. М., 1990.
- Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. 1995. Вып. 32.
- Горбунова Н.Г., Ивочкина Н.В. Монеты ушу из могильников Ферганы // СГЭ. 1988. Вып. 53.
- Город в познании исторического процесса: К теории и истории среднеазиатского города / А.А. Аскарлов, Ю.Ф. Буряков и др. // Зоны и этапы урбанизации... Тез. докл. Ташкент, 1989.
- Гутлыев Г. Стратиграфический шурф Яшыллы-Депе у Гяурса // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.
- Давыдов А.С. О восточных пределах этнической территории таджикского народа // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989.
- Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V-III тыс. до н.э. — Тбилиси, 1973.

Долуханов П.М., Щетенко А.Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе //СА. 1985, № 4.

Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. — Ташкент, 1982.

Есаян С.А. Ереван: Археол. очерк. — Ереван, 1969.

Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана: Автореф. канд.дис. — Л., 1954.

Заднепровский Ю.А. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа //Тез.докл. и содокл. на Науч.сессии об этногенезе киргизского народа... Фрунзе, 1956.

Заднепровский Ю.А., Ставиский Б.Я. Кушанское царство //Очерки истории СССР: Первобытно-общинный строй и древнейшие государства... М., 1956, Гл. 12, § 1.

Заднепровский Ю.А. Дальверзинское селище //КСИИМК. 1957. Вып. 69.

Заднепровский Ю.А. Городище Шурабашат //КСИИМК. 1958. Вып. 71.

Заднепровский Ю.А. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии: Период поздней бронзы и железа //Материалы II совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959а.

Заднепровский Ю.А. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. //ГИИ-АНКиргССР. 1959б. Вып. 5.

Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской обл.: (Середина I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). — Фрунзе, 1960а.

Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. //ТКАЭЭ. Т. 4. 1960б.

Заднепровский Ю.А. Городище Эйлатан: (К вопросу о датировке памятника) //СА. 1960в. № 3.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — М.; Л., 1962а. — (МИА. № 118).

Заднепровский Ю.А. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау (Фергана) //СЭ. 1962б. № 5.

Заднепровский Ю.А. Некоторые итоги изучения Дальверзинского поселения (1956-1960) //ОНУз. 1962в. № 1.

Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса //КСИА. 1964. Вып. 98.

Заднепровский Ю.А. Памятники андроновской культуры //Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. Гл. 4. 1966а.

Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине //Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. Гл. 3. 1966б.

Заднепровский Ю.А. Средневековая расписная керамика Ферганы //КСИА. 1969. Вып. 12.

Заднепровский Ю.А. Цитадель Дальверзина //АО. 1969(1970).

Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина //УСА. Вып. 1. 1972а.

Заднепровский Ю.А. Хозяйство и палеоэкономика чустской культуры Ферганы: Опыт реконструкции //ТД СПИПАИ. 1971. Археол.секция. м., 1972б.

Заднепровский Ю.А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы //Древний город Средней Азии: Тез.докл. Л., 1973.

Заднепровский Ю.А. Землянки бронзового века Ферганы //НОСА: Тез.-докл. Ч. 1. 1975.

Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии //КСИА. 1976. Вып. 147.

Заднепровский Ю.А. Цитадель городища Билувур //АО. 1976(1977).

Заднепровский Ю.А., Дружинина Е.В. Работы в Южной Киргизии //АО. 1976(1977).

Заднепровский Ю.А. Скотоводство чустских племен Ферганы: По материалам Дальверзинского поселения //Проблемы сов. археологии. М., 1978.

Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт.дис. — М., 1978б.

Заднепровский Ю.А., Баранов Л.Н. Цитадель Билувур-Тепе //АО. 1977 (1978).

Заднепровский Ю.А. Ферганская экспедиция //АО. 1978 (1979)а.

Заднепровский Ю.А., Баранов Л.Н. Цитадель Билувуртепа //ИМКУз. 1979. Вып. 15.

Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности //АО. 1979(1980).

Заднепровский Ю.А. Исследование Ошского оазиса //АО. 1980(1981)а.

Заднепровский Ю.А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии //КСИА. 1981б. Вып. 167.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века //ИАНКиргССР. 1981в. № 2.

Заднепровский Ю.А. Древняя Бактрия и Фергана в предахеменидский период в свете новейших открытий //Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. Тез. сов.-фр. симпоз. Душанбе, 1982а.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века //ПКирг. 1982б. № 5.

Заднепровский Ю.А. Исследования на юге Киргизии //АО 1981(1983)а.

Заднепровский Ю.А. Исследования Ферганской экспедиции в 1981-1982 г. // Новые экспедиц. исследования археологов Ленинграда. Л., 1983б.

Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории Ошского оазиса // КСИА. 1983в. Вып. 176.

Заднепровский Ю.А., Ширинов Т. Каменные изделия и их роль в хозяйстве древних обитателей Дальверзинтепа // ИМКУз. 1983. Вып. 18.

Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана // История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984а. Т. 1, гл. 3, § 3.

Заднепровский Ю.А. Исследования в Ошском оазисе // АО. 1982(1984)б.

Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности // ИАН КиргССР. 1984в. №2.

Заднепровский Ю.А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства // Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Тез. докл. сов.-инд. симпоз. Ашхабад. 1984 г.

Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Новые данные о древнеземледельческой чувстской культуре Ферганы // ИБМАИКЦА. 1984а. Вып. 7.

Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Основные итоги изучения Чувстского поселения в Фергане: (1950-1982 гг.) // ИМКУз. 1984б. Вып. 19.

Заднепровский Ю.А. Городище Билувур-Тепе // КСИА. 1985а. Вып. 184.

Заднепровский Ю.А. Комплексное изучение Ошского оазиса (Фергана) / Достижение советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Баку, 1985б.

Заднепровский Ю.А., Гутлыев Г. Яшилдепе — эталонный памятник раннежелезного века на территории Северной Парфии // ИАНТ СССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 4.

Заднепровский Ю.А. Проблема происхождения культуры раннежелезного века юга Туркменистана: Критич. разбор основных гипотез // ИАНТ СССР. Сер. обществ. наук. 1986а. № 5.

Заднепровский Ю.А. Работы в Ошском оазисе // АО. 1984(1986)б.

Заднепровский Ю.А. Сто лет археологического изучения Ферганы // ИБМАИКЦА. 1986в. Вып. 10.

Заднепровский Ю.А., Бактыгулов Дж., Галицкий В.Я., Плоских В.М. История // Ошская область: Энциклопедия. Фрунзе, 1987а.

Заднепровский Ю.А., Бактыгулов Дж., Галицкий В.Я. История г. Ош // Ошская область: Энциклопедия. Фрунзе, 1987б.

Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. К вопросу о хронологии и периодизации культуры раннежелезного века на территории Узбекистана // ОНУз. 1987в. № 1.

Заднепровский Ю.А. Основные земледельческие области Средней Азии в эпоху бронзы-раннего железа // Природа и человек. М., 1988а.

Заднепровский Ю.А. Древние города и этапы урбанизации Средней Азии // Зоны и этапы урбанизации: Тез. докл. Ташкент, 1989.

Заднепровский Ю.А., Марков Ю.Н. Хронология чувстской культуры Ферганы в свете новейших радиоуглеродных данных // ИАН КиргССР. Обществ. науки. 1989. № 2.

Заднепровский Ю.А. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. 1990а. Вып. 199.

Заднепровский Ю.А. Раннежелезный век Средней Азии: Проблемы хронологии, синхронизации и происхождения // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии: эпоха бронзы и раннего железа. Тез. докл. Л., 1990б.

Заднепровский Ю.А. Фергана на Великом Шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: Тез. докл. Ташкент, 1990в.

Заднепровский Ю.А. Динамика развития оседлоземледельческой культуры Ферганы // Аральский кризис: Ист.-геогр. ретроспектива. М., 1991а.

Заднепровский Ю.А. (Рецензия): Л.А. Боровкова. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э.: Ист.-геогр. Обзор по древнекиит источникам. М., 1989 // Восток. 1991б. № 3.

Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат: Некоторые итоги изучения // ИМКУз. 1991. Вып. 25.

Заднепровский Ю.А. Система город-деревня в истории Ферганы и Средней Азии: Эпоха бронзы-средневековье // Социально-простран. структуры в стадильной характеристике культ.-ист. процесса: Тез. докл. М., 1992а.

Заднепровский Ю.А. Трансазиатский степной путь — ветвь Шелкового пути по археологическим данным // Степи Вост. Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Тез. докл. Донецк, 1992б.

Заднепровский Ю.А. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы // КСИА. 1993а. Вып. 209.

Заднепровский Ю.А. Фергана и Тарим // Крат. содерж. докл. Лавровских (Среднеаз.-кавказ.) чтений. СПб., 1993б.

Заднепровский Ю.А. Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э.) // Фортификация в древности и средневековье: Материалы метод. семинара ИИМК. СПб., 1995а.

Заднепровский Ю.А. Согдийский очаг оседло-земледельческой культуры поздней расписной керамики // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии: Тез. докл. Самарканд, 1995б.

Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976-1984 гг.) // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.

Заднепровский Ю.А. К трехтысячелетию г. Ош // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997.

Иванов С.В. Орнаменты народов Сибири как исторический источник. — М.; Л., 1963.

Исамиддинов М., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Тез. докл. Самарканд, 1994.

Качурис К. Раскопки на Елькен-Депе в Южной Туркмении // АО. 1966(1967)

Кирчо Л.Б. Проблема древних городов и урбанизации в освещении западных исследователей // Древний город: материалы к Всесоюз.-конф. ... Л., 1977.

Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. — М.; Л., 1940.

Котович В.М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. — Махачкала, 1965.

Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.

Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А. Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 1984.

Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э.: Этапы культурного и соц.-экон. развития. СПб., 1993.

Литвинский Б.А. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. // ТАНТаджССР. 1956. Т. 63.

Литвинский Б.А. (Рецензия): Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы — М.; Л., 1962 // СА. 1965. № 4.

Лубо-Лесниченко Е.И. Тканые узоры (Карабулакского могильника) // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Марущенко А.А. Елькен-Депе: Отчеты о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг. // ТИИАЭНТуркмССР. 1959. Т. 5.

Масимов И.С. Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982.

Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. - Куфтина // ТЮТАКЭ. 1956. Т. 7.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — М.; Л., 1959.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. — М.; Л., 1964.

Массон В.М. Заключение: Синхронистическая таблица культур Средней Азии VI-I тыс. до н.э. // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.

Массон В.М.. Типология древних городов и исторический процесс // Древний город: Материалы к Всесоюз. конф. ... Л., 1977.

Массон В.М. Алтын-Депе. — Л., 1981.

Матбабаев Б.Х. Классификация керамики Чустского поселения // ОНУз. 1984. № 7.

Матбабаев Б.Х. Локальные варианты чустской культуры Ферганы: Автореф. канд. дис. — Л., 1985.

Матбабаев Б.Х. Общее и особенное в керамических комплексах чустской культуры Ферганы // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане.: Тез. докл. Ташкент, 1988.

Мукимов Р.С., Мамаджанова С.М. Зодчество Таджикистана. — Душанбе, 1990.

Негматов Н.Н. Ходжент: Основные этапы истории // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986.

Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе, 1971.

Оболдуева Т.Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И.В. Сталина // ТИИААНУзССР. 1951. Т. 4.

Омуралиев О. Орнамент Ошской расписной керамики: Эпоха поздней бронзы — раннего железа // Великий Октябрь и некоторые вопросы ист. науки: Тез. докл. Фрунзе, 1987.

Пилипко В.Н. Ранний железный век Северной Парфии // Ранний железный век Средней Азии и Индии: Тез. докл. Ашхабад, 1984.

Пилипко В.Н. Ранний железный век Этека: Юж. Туркменистан // ИБМА-ИКЦА. 1986. Вып. 11.

Пилипко В.Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. докт. дис. — М., 1989.

Пилипко В.Н. Язовская культурная общность: Сравнительный анализ локальных культур // Мерв в древней и средневековой истории Востока: Тез. докл. ч. 2. Ашхабад, 1991.

- Пошко А. (Археологические исследования 1956 г. в Оше и его окрестностях) //СА. 1957. № 4.
- Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической предистории таджикского народа //Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2. М., 1990.
- Пьянков И.В. Зороастризм в истории Средней Азии: Проблемы места и времени //ВДИ. 1996, № 3.
- Раимкулов А., Исамиддинов М. Турткультепе — новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде //Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Ранов В.А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет. (1945-1965) //Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968.
- Романова Е.Н., Семенов А.А., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана Лаборатории ЛОИА АН СССР //УСА. Вып. 2. Л., 1972.
- Сагдуллаев А.С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии //СА. 1985. № 4.
- Сагдуллаев А.С. О некоторых проблемах археологии Средней Азии раннежелезного века //История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1988.
- Сарианиди В.И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-Депе //АО. 1970(1971).
- Сарианиди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-Депе //УСА. Вып. 1. Л., 1972.
- Сарианиди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане //СА. 1975. № 2.
- Сарианиди В.И. Северная Парфия //Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. — М., 1989.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. — Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Фергана: Чустская культура //Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Сарыков Т.К. Город Ош: Археология и история. — Ош, 1989.
- Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы: Из раскопок 1954 г. //КСИИМК. 1957. Вып. 69.
- Спришевский В.И. Чустское поселение: К истории Ферганы в эпоху бронзы: Автореф. канд.дис. — Ташкент, 1963.
- Сулайманов Э., Кененсариев Т. (Рецензия): Галицкий В.Я., Плоских В. Старинный Ош: Очерк истории. — Фрунзе, 1987 //ИАНКиргССР. Обществ.науки. 1988. № 2.

- Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. — Душанбе, 1970.
- Ташбаева К.И. О расписной керамике ранних кочевников Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Б., 1996.
- Тереножкин А.И. Основы хронологии предкифского периода //СА. 1965. № 1.
- Тереножкин А.И. Даты Мингечаурских удил //СА. 1971. № 4.
- Удеумурадов Б.Н. Обнаружение новых памятников в долине Мургаба // Мерв в древней и средневековой истории Востока: Тез. докл. Ашхабад, 1990.
- Удеумурадов Б.Н. Алтын-Депе и Маргиана: Связи, хронология, происхождение. — Ашгабат, 1993.
- Хаврин С.В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая //Северная Азия от древности до средневековья: Тез. конф. СПб., 1992.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — М., 1972.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980.
- Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья: По данным экспериментально-трассологического изучения. — Ташкент, 1986.
- Ширинов Т. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии: По материалам городища Джаркутан: Автореф. докт.дис. — М., 1993.
- Ширинов Т. Теоретические проблемы урбанизации в среднеазиатской археологии //Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии: Тез. докл. Самарканд, 1995.
- Юнусалиев М.Б. В глубь тысячелетий: По долинам Киргизстана. — Фрунзе, 1970.
- Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда: К проблеме становления феодализма. — Душанбе, 1988.
- Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. P.1. // Palorient. 1988. Vol. 14. N 1.
- Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Ferghana: VI century B.C. — VI century A.D. — Oxford: B.A.R., 1986.
- Gupta S.P. The relationship between the Chalcolithic culture of India and the Chust culture of the Farghana Valley, U.S.S.R. //Bull. of the Indian Archaeological Society. 1967. Vol. 68. N 1.
- Hiebert F. Chronology of Margiana and radiocarbon dates //Inform.bull/ International Association for the study of the cultures of Central Asia. 1993. N 19.

- Kohl P. Central Asia: palaeolithic beginnings to the Iron Age. — Paris, 1984.
 Ricciardi Venco. Archaeological survey in the Upper Atrek Valley (Khorassan, Iran: Preliminary report // Mesopotamia. (Torino). 1980. T. 15.
 Zadneprovskij J.A. Chust Culture of Soviet Central Asia // Indo-Asian Culture. 1967. Vol. 16. N 4.
 Zadneprovskij J.A. Древняя Бактрия и Фергана в предахеменидский период в свете новейших открытий // L'archéologie de La Bactriane ancienne: Actes du Colloque franco-sovietique. Dushanbe, 1982. Paris, 1985.
 Zadneprovskij J.A. Iust // Dictionnaire de la Prehistoire. Paris, 1988.
 Zadneprovskij J.A. La culture de ceramique peinte du Ferghana // Les dossiers d'archeologie. 1993. N 185. Septembre.
 Zadneprovskij J.A. Early Urban Developments in Central Asia // Iran. 1995. T. 33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
 АСГЭ — Археологический сборник гос. Эрмитажа. Л.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ИА — Институт археологии
 ИАНКиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе
 ИАНТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
 ИБМАИКЦА — Инфор.бюл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры
 ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НОСА — Новые открытия советских археологов. Киев.
 ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
 ПКирг — Памятники Киргизстана. Фрунзе.
 СА — Советская археология. М.
 СГЭ — Сообщения гос. Эрмитажа. Л.
 СЭ — Советская этнография. М.
 ТАНТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
 ТД СПИПАИ 1971. М., 1972 — Тезисы докладов на секциях, посвящ. Итогам полевых археологических исследований ..АН СССР. Ин-т археологии. М., 1972.
 ТИИААНУзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР. Ташкент.
 ТИИАНКиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
 ТИИЭАНТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
 ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
 ТМИУзССР — Труды Музея истории УзССР. Ташкент.
 ТЮТАКЭ — Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии..Л.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-8
1. ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ: ОПИСАНИЕ РАСКОПОВ	9-32
2. ТЕРРАСОВИДНАЯ ПЛАНИРОВКА, ЗЕМЛЯНКИ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ	33-46
3. КЕРАМИКА И ДРУГИЕ НАХОДКИ	47-66
4. ДАТИРОВКА	67-81
5. МЕСТО ОШСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДИ СИНХРОННЫХ ПАМЯТНИКОВ ФЕРГАНЫ	82-94
6. ФЕРГАНА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	95-100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТИЮ Г. ОШ	101-113
ПРИЛОЖЕНИЕ	114-116
ЛИТЕРАТУРА	160-170
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	171

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ К ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Редактор *Н. Бекмухамедова.*

Верстка *А. Шелестов.*

Сдано в набор 13.08.97 г. Подписано к печати 05.09.97 г.

Гарнитура Таймс. Формат 60x84/16. Печать офсетная.

Физ. печ. листов 10,75. Тираж 2000. Заказ № 933

Компьютерная верстка САОЗТ «АЛЛ-Пресс».

Газетно-книжное полиграфическое предприятие «Эркин-Тоо».
720040, г. Бишкек, бул. Эркиндик, 45.